

ДЖОН БАРРОН

ПИЛОТ МИГа

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ ЛЕЙТЕНАНТА БЕЛЕНКО

**Effect Publishing Inc.
New York
1986**

John BARRON

MIG PILOT

The final escape of Lt. Belenko

PILOT MIGA – Poslednii polet Leitenanta Belenko

English edition copyright © 1980

by McGraw-Hill, Inc.

All right reserved.

Russian edition copyright © 1986.

by Effect Publishing, Inc.

ISBN 0 911971 04-1

Cover design by Vagrich Bakchanyan

Обложка работы Вагрича БАХЧАНЯНА

Effect Publishing, Inc.

501 Fifth Ave.

New York, NY 10017

Глава первая

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Лейтенант Виктор Беленко в течение последних четырех недель ежедневно, кроме воскресений, вставал с восходом солнца. Первый проблеск света был обнадеживающим. И глядя на огненный, слепящий восход солнца, Виктор почти наверняка знал: наступает день, которого он ждал.

Над огромным лесом сосен, берез, тополей, протянувшимся вдоль дальневосточного побережья Тихого океана, небо было лазурным и безоблачным. Превосходная погода означала, что несмотря на ошибки, технические неполадки и другие случайности, полет должен был, по всей вероятности, пройти согласно расписанию. Сегодня Виктор, наконец, попытается осуществить свой главный замысел, то, чему до сих пор мешали то нехватка горючего, то дождь, то другие неурядицы. Да, если такая погода продержится, он выполнит задуманное...

Беленко задумался... Через шесть часов все должно быть кончено. В свои двадцать девять лет он либо погибнет, либо начнет новую жизнь в другом мире... Он почувствовал, как напряглись мышцы тела, но это состояние было вызвано скорее сознанием сложности стоящей перед ним задачи, чем страхом смерти. Во вре-

мя тренировочных полетов на МИГах (истребителях, названных так по имени их конструкторов Микояна и Гуревича), Виктор так часто рисковал жизнью и так часто был свидетелем неожиданной гибели людей, что перестал думать о смерти. Он стал относиться к ней как к неотвратимому явлению, которое нужно избегать как можно дольше, но не любой ценой. Не думал он и о том неопределенном и неизвестном, что ожидает его в случае, если все пройдет успешно, и он останется в живых. Сознание, что он в последний раз смотрит на свою жену и трехлетнего сына, спящих рядом у окна, не очень его расстраивало. Жена решительно требовала развода и заявила о своем решении увезти ребенка к родителям в Магадан за две тысячи километров отсюда... Ему вдруг захотелось взять сына, подержать его на руках...

Нет, не делай этого. Он может заплакать. Ты обычно не берешь его на руки в это время. Не делай того, чего не стал бы делать в обычной ситуации.

Беленко быстро надел рубашку, брюки и ботинки, стараясь не разбудить своих и семью, живущую в соседней комнате в этой же квартире. Он вынул спрятанную между страницами потрепанного англо-русского словаря записку, в которой он в трех фразах изложил причины своего поступка. Если все пройдет благополучно, ему необходимо будет сразу же ее передать. Он сложил записку вчетверо и спрятал в карман.

В небольшом дворе за бараком, где жили офицеры, он минут пятнадцать поупражнялся, отжимаясь на влажной земле и подтягиваясь на суку дерева. Затем побежал по грязным улицам Чугуевки — таежной деревни, расположенной в двухстах километрах на северо-востоке от Владивостока, — к автобусной остановке, которая находилась приблизительно в полутора километрах от его дома. Беленко бежал, перепрыгивая через лужи, и выглядел почти как плакатный „строитель коммунизма”, которого всегда и на все лады воспевают партийная пропаганда: рост 173 см., сложение — атле-

тическое, широкие, слегка покатые плечи и сильно развитая благодаря многолетним занятиям спортом — боксом, борьбой, гимнастикой — мускулатура. Однажды его показали по телевизору: блондин, светлая кожа, большие широко расставленные глаза на красивом юношеском лице — настоящий тип молодого летчика. Женщин, особенно постарше, привлекала его улыбка. Они находили ее застенчивой и одновременно порочной.

Шестого сентября 1976 года, около семи часов утра, на дряхлом автобусе, тарантасе, выпущенном еще до войны, Беленко приехал в штаб 513-го истребительного полка войск ПВО. Перед входом в небольшое кирпичное здание он заколебался. *Иди, поешь. Твое отсутствие могут заметить. Кроме того, тебе нужны силы.*

Столы в офицерской столовой, рассчитанные каждый на четырех человек, были покрыты свежими белыми скатертями, стены украшали натюрморты, хошенькие молоденькие официантки делали обстановку столовой приятной. Врач дегустировал каждое блюдо; в этот день на завтрак были гуляш, рис, фруктовый компот, белый хлеб и чай. Летчики сели за стол, и завтрак начался.

Так как Беленко исполнял обязанности заместителя командира третьей эскадрильи, он обычно сидел за одним столом с командиром эскадрильи Евгением Петровичем Панковским. Чаще всего день Панковского был испорчен еще до завтрака. Командир полка Евгений Иванович Шевцов поднимался рано, чтобы проверить какие нарушения произошли за ночь в его хозяйстве. И к 6:30 он вызывал к себе командиров эскадрилей и давал нагоняй за очередные проступки их подчиненных.

Шевцова любая мелочь выводила из себя. Командование полком было его первым ответственным назначением, а условия, в которых находилась часть, могли обескуражить и более умного и опытного командира. Шевцов не мог предупредить всех мелких и крупных ЧП, но старался изо всех сил: кричал, угрожал и часто высмеивал офицеров в присутствии их товари-

щей или гражданских. Пилоты прозвали его „Чертом”, но Беленко он напоминал скорее беззубого боксера: низкого роста, крепкого сложения, с редкими рыжими волосами, с выступающей вперед челюстью и лицом, которое все время находится в движении, как будто он что-то жует или бурчит.

— Доброе утро, Евгений Петрович! — как обычно поздоровался Беленко с командиром эскадрильи.

— Считаешь, что утро доброе? А ты знаешь, что я с утра уже получил нагоняй? Не слышал — солдаты сегодня отказались от завтрака. Швырнули еду повару в лицо, а один врезал ему в ухо.

— А вы бы стали есть то, что им дают?

— Я — нет.

— Я тоже. Думаю, что если свинью из хорошего колхоза привести в солдатскую столовую, она к этой еде и не подойдет.

— Ты прав. Но я тут ничего не могу изменить.

В восемь часов полк выстроился перед зданием штаба на асфальтированной площадке, предназначенной для парадов. В первом ряду по стойке смирно стояли пилоты, за ними техники и их помощники, а сзади сержанты и рядовой состав.

„Товарищи солдаты, сержанты и офицеры! — кричал Шевцов. — Сегодня мы проводим полеты. Перед нами задача первостепенной важности — будем стрелять по ракетам. Результаты выполнения этого важного задания будут зависеть от каждого из нас — от солдата до офицера. Мы должны приложить все силы для выполнения поставленной задачи, несмотря на трудности. Мы должны помнить, что американцы не дремлют, а китайцы находятся от нас всего на расстоянии одного перехода. Мы также должны помнить, что самолет, горючее и ракеты стоят огромных денег, и правительство, дающее их нам, не дойная корова. У нас нет средств, чтобы часто повторять такие полеты, поэтому надо выполнить задание сегодня.

Теперь я хочу сообщить, что на следующей неделе у нас будет субботник. Работать будут все — и офицеры, и солдаты. Все!! Каждая эскадрилья должна достать дерн и положить его над самолетными бункерами, так, чтобы американцам сверху казалось, что тут ничего нет, кроме зеленого покрытого травой поля... У меня еще одно сообщение. Очень серьезное. Один из наших товарищей... влюбился. И знаете в кого? В деревенскую девку! А она проститутка, самая что ни на есть."

Офицеры морщились, рядовые посмеивались, а Шевцов громко читал телеграмму от жены техника, умоляющей заставить ее мужа прекратить связь, в которой она его подозревает.

„Вот вам наглядный пример вырожденческой капиталистической морали. Пусть это будет уроком для всех, — продолжал Шевцов, — но в нашем полку мы будем твердо придерживаться и следовать только принципам коммунистической морали. Всем командирам эскадрилей явиться для отчета ко мне в кабинет. На сегодня все. Разойдись!"

В раздевалке Беленко переоделся в ХБ (темно-синий комбинезон), полученный полтора года назад. Другой ему полагался только через пять месяцев, поэтому он должен был беречь этот, ставя аккуратные заплатки на коленях и на локтях. Дежурный офицер открыл сейф и выдал ему под расписку автоматический пистолет и две обоймы по семь патронов в каждой. Пистолет, а также НЗ — пакет с некоторым запасом средств первой необходимости (сигнальные ракеты, спички, удочки, химический состав для отпугивания акул), продуктов и медикаментов — давали пилотам на случай аварии самолета в тайге или в океане, чтобы пилот мог какое-то время продержаться, пока не подоспеет помощь. Все это стали выдавать сравнительно недавно, после одного трагического случая, когда пилоту пришлось прыгнуть с парашютом в безлюдную глухую тайгу, и он погиб там от голода и лишений.

Много месяцев спустя охотники обнаружили остан-

ки пилота и дневник, в котором он проклинал свою судьбу и тех, кто был повинен в его гибели. Последняя запись гласила: „Спасибо родной партии за заботу”.

После другого трагического случая, когда пилот застрелил свою жену, застав ее с любовником, пистолеты стали выдавать только перед самым полетом.

Рабочий день в полку начинался с получения заданий и составления графика полетов. Часть пилотов должна была тренироваться сегодня в стрельбе по движущимся целям, и их курс лежал на восток — к океану, где с военных кораблей запускались ракеты. Эскадрилья Беленко должна была практиковаться в перехвате чужих самолетов и препровождению их на посадку на территории базы.

Беленко делал вид, что внимательно слушает командира, объясняющего задание и перечисляющего все, что он должен был выполнить во время полета. Но мысли его были далеко: он думал о том, что несмотря на прекрасную ясную погоду, выход за установленную тренировочную зону будет сопряжен с большим риском. Он также старался рассчитать время, расстояние, скорость, запас горючего, наметить курс полета и точки возможного перехвата.

Первые утренние полеты прошли спокойно, и в 11:00 пилоты вернулись на базу на второй завтрак, после чего им предстояло трястись на грузовике по рытвинам и ухабам на военно-воздушную базу в Сахаровке, которая находилась в четырех километрах от Чугуевки. Беленко не поехал со всеми — он отправился в медпункт на осмотр. Беленко никогда не волновался перед осмотром, потому что врач был человеком мягким, отзывчивым и всегда, как мог, помогал пилотам. За пять дней до полетов им запрещалось пить, но это распоряжение никогда не выполнялось — пили все, а многие просто напивались вдреизг. При небольшом количестве алкоголя в крови врач обычно давал разрешение на полет, но после сильной попойки пилот на день отстранялся от полетов. Врач всегда находил соответ-

ствующую причину: насморк, небольшое воспаление уха или повышенная температура.

Беленко измерили температуру, проверили пульс, кровяное давление, глаза, уши и горло.

— Как вы себя чувствуете? — спросил врач.

— Прекрасно.

— Какой полет у вас сегодня?

— Обычный тренировочный.

Врач внимательно посмотрел на него: „Скажите, лейтенант, вы что-нибудь пили в течение последних суток?“

— Последние пять дней я вообще ничего не пил.

— Вы в состоянии летать сегодня?

— Конечно. А что, разве что-нибудь не в порядке?

— У вас повышено кровяное давление. Не настолько, чтобы бить тревогу, но для вас оно довольно высокое. Какие-нибудь неприятности?

— Абсолютно ничего.

Опасаясь дальнейших расспросов, Беленко сказал, что уже почти неделю он не летал и ему необходимы тренировки. Сегодня утром он сделал пробежку в шесть километров и возможно немного возбужден. Врач кивнул: „Ну что ж, это понятно. Счастливого полета, лейтенант“.

Беленко присоединился к пилотам, ожидавшим около ангара метеосводку. Ребята острили насчет приближающегося коммунистического субботника, на котором они должны будут маскировать бункеры ветками и дерном. Идея была абсурдной, потому что американцам давно было известно месторасположение аэродрома, да и какой дурак поверит теперь во внезапное его исчезновение? Кто-то из пилотов заметил: „Я слышал, что на фотографиях, которые они делают со своих спутников, виден каждый гвоздь на солдатских сапогах“.

Заметив приближающегося к ним Володина — молодого лейтенанта КГБ, прикомандированного к их полку, пилоты замолчали.

— Доброе утро, Виктор Иванович. Как дела? — обратился Володин к Беленко.

— Все в порядке.

— А Людмила и Дима, как они?

— Прекрасно.

- Какие новости, что слышно?

— Сегодня солдаты опять отказались от завтрака.

— Да, я знаю. Как вы думаете, в чем тут дело?

— Владимир Степанович, вы не хуже моего знаете причину...

— Но мне все-таки хотелось бы услышать ваше мнение. Зайдите ко мне после полета. Мне надо с вами поговорить.

В этом приглашении не было ничего необычного. Гебешник всегда все вокруг словно вынюхивал, каждому задавал одни и те же вопросы: „что нового?“, „что слышно?“, и все-таки Беленко это не понравилось. *Почему он обратился ко мне именно сейчас? Надеюсь, дорогой товарищ, нам не придется больше свидеться.*

Наконец офицер из метеорологической службы объявил: на востоке, где должны были проводиться тренировки, небо ясное, летная погода продержится до вечера. Но на юго-востоке, куда на самом деле лежал курс Беленко, собираются облака, движущиеся в сторону Японии.

Идиоты! Ведь ясную погоду предсказывали по всей области. Какой же плотности будет облачность в том районе? Надо придумать, как лучше спросить его об этом. Нет, не стоит задавать никаких вопросов. Нельзя проявлять заинтересованность — это может меня выдать. Придется просто рискнуть.

На складе Беленко выдали шлем, кислородную маску и перчатки. „Товарищ лейтенант, вы забыли свой спасательный жилет“, — окликнул его сержант, выдающий амуницию. *Не бери его, сделай вид, что он тебе не нужен.*

— Спасибо, сержант, но мне сегодня не придется летать над водой.

Выйдя со склада, он направился к своему самолету. На поле крылом к крылу стояло двадцать МИГов-25. Весом в двадцать две тонны, со сдвоенными хвостовы-

ми стабилизаторами, с широкими короткими стреловидными крыльями, двумя огромными двигателями и длинным ракетоподобным носом, МИГ-25 напоминал Беленко огромную стальную птицу. МИГ-25 был одним из самых секретных оборонных средств Советского Союза: его даже между собой называли не иначе, как „модель № 84”. Самый первый его образец, выпущенный в 1967 году, установил мировой рекорд скорости — 2980 километров в час, а модель 1973 года рекорд высоты — 36,240 метров. Старые американские „Фантомы”, Ф-4, хотя и оснащенные современными ракетами и управляемые первоклассными летчиками, не могли ни перехватить, ни сбить МИГи-25, которые периодически совершали полеты над Средиземным морем и в районе Среднего Востока, фотографируя различные объекты. Ни одна западная держава не имела самолетов, способных соперничать с ними.

Несмотря на то, что секреты МИГа не были известны Западу, в 1976 году это был единственный самолет, державший всех в страхе. Еще в 1973 году командующий ВВС США Роберт Сименс, крупный специалист в области самолетостроения, назвал МИГ-25 лучшим перехватчиком в мире. Министр обороны Джеймс Шлезингер заявил, что МИГ-25 является таким грозным оружием, что увеличение его производства может повлечь за собой коренные изменения в вооружении и стратегии Запада. В Советском Союзе уже было построено 400 таких перехватчиков, с использованием новейших достижений в области авиации, которые являлись предметом гордости советской авиации. Только избранным доверяли пилотировать эти самолеты.

В подготовке самолетов к полету участвует обычно большая группа людей. Одни подвозят на автобензоцистернах реактивное топливо, другие — спирт, третьи загружают в самолет баллоны с кислородом. Специалисты-электронщики проверяют из микроавтобусов состояние бортового вооружения и системы управления огнем, а также работу электронных приборов. Инжене-

ры и механики занимаются осмотром металлической обшивки и проверкой систем управления.

Беленко и бортинженер поднялись по металлической лестнице в кабину и проверили систему герметизации. Кабина была окрашена изнутри в зеленый цвет, так как этот цвет, по мнению советских конструкторов, оказывает успокаивающее воздействие на нервную систему. Кресло пилота было самым удобным из всех, в которых ему приходилось сидеть. В глаза бросалась красная кнопка с надписью „опасно”. Эту кнопку пилотам следовало нажать только перед катапультированием над чужой территорией или в случае принудительной посадки вне пределов СССР. В инструкциях говорилось, что кнопка приводит в действие взрывное устройство для уничтожения наиболее секретной аппаратуры, установленной на борту самолета. Однако пилоты предполагали, видимо не без оснований, что взрыв, возможно, рассчитан на полное уничтожение самолета вместе с пилотом. Пилотам также предписывалось не пользоваться переключателем радаров, так как мощность радарных лучей, посылаемых с МИГов так велика, что им можно убить зайца в лесу с расстояния в тысячу метров.

Беленко нажал кнопку радиосвязи с контрольной вышкой: „Говорит 0-6-8. Прошу разрешения на запуск двигателей”. С вышки быстро ответили: „Номер 0-6-8, запуск двигателей разрешается”. „Вас понял. Выполняю”, — ответил Беленко, помахал рукой бортинженеру, отвозящему от самолета лестницу, знаками дал команду парням наземной бригады расчехлить двигатели и просигналил, что гидравлические системы в порядке. Как только он потянул на себя рукоятку запуска двигателей, раздался тихий рокот, перешедший затем в оглушительный рев.

— Разрешите идти на взлет? — радировал Беленко.

— 0-6-8, идти на взлет разрешается.

- Вас понял. Иду на взлет. — Беленко вырулил самолет на бетонку и повел его на взлетную полосу. Но

перед поворотом на полосу он остановился: там уже стояло четыре МИГа, ожидающих разрешения на взлет. Ему нужно было ждать своей очереди, пока зеленый сигнал, как зеленый светофор, не даст права начать взлет.

МИГи один за другим отрывались от земли и, задрав нос, устремлялись в небо. Когда подошла очередь Беленко, он помедлил несколько секунд: ему хотелось в последний раз взглянуть на родную землю. Как он любил ее просторы, леса, ее прекрасную и грустную природу! С раннего детства любил он бродить по лесам и полям, любоваться игрой облаков, вдыхать душистые запахи земли, слушать пение птиц. Только наедине с природой да в кабине самолета он чувствовал себя свободным. Под яркими лучами солнца листва на деревьях переливалась золотым и рубиновым цветами, и лес, подумал он, никогда еще не выглядел таким волшебнопрекрасным, никогда так не подчеркивал всю суетность и ничтожность человеческой сущности.

Ровно в 12:50, получив разрешение начать взлет, Беленко отпустил тормоза, и МИГ, оторвавшись от земли, взмыл ввысь. Еще на небольшой сравнительно высоте Беленко перекрыл форсажную камеру, чтобы сэкономить горючее, которого было в обрез.

Он летел медленнее обычного, и полет до тренировочной зоны занял у него пять минут вместо обычных четырех. Выполняя требуемый по заданию широкий разворот на 360 градусов, он посмотрел на стрелку компаса и увидел, что приближается к точке, за которой уже не было возврата. Перед ним стояла дилемма: завершив круг, он либо будет продолжать полет по заданию, либо возьмет свой собственный курс на восток. *Еще можно вернуться и никто ничего не заподозрит. Если же поверну на восток — покидаю родину навсегда.*

Но решение было принято, и отказаться от него он был не в силах. Он направил самолет на юго-восток,

осуществляя свой тайный замысел. *Теперь все мысли надо сосредоточить на том, как уйти от радаров.* Он стал медленно снижать первоначальную высоту в 8000 метров, надеясь, что радары не сразу засекут его. На высоте 6000 метров он дернул рычаг управления вперед, затем влево, резко, направив машину к земле. Достигнув высоты в тысячу метров, он выровнял самолет и продолжал полет.

Никогда раньше не совершал он такого резкого прыжка вниз, и никогда не летал так низко. На высоте даже в три тысячи метров МИГ терял свою маневренность, с трудом поддавался управлению.

Еще со времен изучения американской тактики во Вьетнаме он знал, что на высоте в 300 метров самолет недостижим для ракет земля-воздух. Он знал также, что зенитные батареи размещаются на вершинах сопок и надеялся, что пики этих сопок скроют его от радаров.

Увеличив скорость, он вихрем пронесся над зеленой тайгой и через две минуты уже летел над японскими водами. Он нажал аварийную кнопку, которая начала подавать непрерывные сигналы бедствия. Примерно через сорок секунд он выключил кнопку для того, чтобы создать впечатление будто самолет потерпел аварию. Одновременно он выключил радарное устройство и различные электронные приборы, так как создаваемое ими излучение помогло бы обнаружить его местонахождение. И, наконец, он отключил радиосвязь: он не хотел слышать команды с земли, не хотел знать, что они там собираются предпринять и как будут его преследовать. Он хотел всецело сконцентрировать свое внимание на таких важных показателях, как расход топлива, скорость, высота, время полета и расстояние и все это он предварительно рассчитал только теоретически — с помощью карандаша и таблиц. Воспользоваться компьютером, установленным в кабине самолета, было бы, вероятно, более целесообразно и эффективно, но он решил, как и в самые критические минуты

своей жизни, полагаться только на самого себя и доверять только своей интуиции.

Чтобы не быть обнаруженным радарными, установленными как на земле, так и на советских кораблях-ракетоносцах, патрулирующих восточную морскую границу, Беленко летел так низко, что дважды чуть не задел рыболовные суда. Но после того как он сообразил, что высокие волны создают опасность врезаться в рыболовное судно, он несколько увеличил высоту.

Вскоре небо заметно потемнело, и шквалы грозового дождя стали с силой бить по самолету. В таких условиях было очень трудно управлять машиной, но интуитивно он чувствовал, что самое трудное еще впереди, что погода, возможно, еще больше ухудшится. На малой высоте горючее стало уходить гораздо быстрее, чем он предполагал. Выход был один — подняться на высоту не менее 7 тысяч, чтобы сэкономить горючее и дотянуть до намеченного места. Но на такой высоте возникала опасность быть засеченным советскими радарными с земли или с самолетов, посланных ему вдогонку, а также стать мишенью для ракет земля-воздух. Однако, рассудив, что лучше вероятность гибели, чем вполне реальная смерть, он направил самолет вверх, в облака, которые сразу окутали МИГ плотным слоем, лишив пилота всякой видимости. Он продолжал держать курс на юго-восток, по направлению к острову Хоккайдо, самому северному и ближайшему из японских островов. Приблизительно в 1:20, через полчаса после взлета, он, по его расчетам, вошел в японское воздушное пространство, патрулируемое „фантомами“. Чтобы продемонстрировать свои мирные намерения и помочь американским перехватчикам обнаружить себя, он сбавил скорость, и самолет стал плавно снижаться, продолжая двигаться в сторону Японии. Каждую секунду он надеялся выйти из облаков в чистое небо, где „фантомы“ могли бы его заметить.

Многие годы его учили избегать встречи с „фантомами“ или вступать с ними в бой. Теперь же он ждал их

как ангелов-спасителей. Весь его план был рассчитан на то, что как только он нарушит воздушную границу Японии, японцы сразу вышлют ему навстречу американские перехватчики, которые принудят его к посадке. Однако он несколько опасался того, что по нему могут открыть огонь, как это приказано делать советским войскам ПВО в случае нарушения воздушного пространства СССР.

По старой карте Японии, имевшейся у них на базе, он обнаружил только один ближайший военный аэродром, достаточно большой, чтобы принять МИГ-25. Это была военная база в Хитозе, на острове Хоккайдо. Перехватчики возможно могут посадить его и на другом более близком к границе аэродроме, которого нет на старой карте. Топлива может хватить и до Хитозы, но для этого необходимо сразу же быть обнаруженным и без промедления доставленным на аэродром. Сложность заключалась в том, что он не мог помочь японцам обнаружить себя, так как его радиопередатчик работает на таком узком диапазоне, что связь с их базой или с их самолетами была невозможна.

Снижаясь, МИГ трижды попадал в узкие просветы голубого неба, а затем вновь тонул в плотных густых клубах облаков. Лишь на высоте шестьсот метров Беленко оказался в ясной безоблачной зоне. Он кружил в небе, стараясь привлечь внимание перехватчиков. Но нигде не было видно ни одного самолета. *Где же эти все „фантомы“? Куда они, черт возьми, подевались?* Но он ошибался, считая себя необнаруженным. В небе в этот момент находились и „фантомы” и МИГи, которые следили за каждым его маневром. Его самолет впервые промелькнул как неопознанный объект на экране японского радара в 1:11, когда он находился над морем на высоте 7 тысяч метров. Через девять минут светящаяся точка стала двигаться к центру экрана, и командир на базе в Хитозе приказал „фантомам” идти на перехват. Одновременно японцы тщетно посылали по радио предупреждения на русском и английских

языках. В 1:22, как примерно и было намечено, самолет Беленко вторгся в воздушное пространство Японии, и „фантомы”, направляемые с земли, вплотную приблизились к нему. Однако в 1:26, когда Беленко пошел на снижение, чтобы выйти из облаков, его самолет исчез с экранов радаров. Причиной тому были помехи, создаваемые отражениями от земли и воды в результате ухудшихся атмосферных условий. Не получая с земли данных о местонахождении МИГа, „фантомы” совершали бесполезное кружение в облаках, не в состоянии обнаружить самолет.

Советские радисты слышали предупреждения японцев и поняли, что их предупреждения относятся к самолету Беленко, и что он летит в сторону Японии. У Беленко в этот момент не было времени подумать о действиях, предпринимаемых советской и японской сторонами, как не думал он и о том, что с ним может случиться. Страха он также не испытывал. *Японцы не собираются идти на перехват, я больше не могу рассчитывать на них. Я должен принять весь риск на себя. Надо решить что делать и решить немедленно.*

В 1:30 вдаль показалась земля. По очертаниям береговой линии Беленко предположил, что приближается к полуострову в юго-восточной части Хоккайдо, а Хитозе находится на северо-востоке, ближе к центру острова за грядой сопок, скрытых облаками. Стрелка указателя расхода топлива показывала, что горючего осталось всего на 16-18 минут полета. И знай он точно курс, горючего, возможно, хватило бы, чтобы дотянуть до аэродрома. Но он летел наугад. А впереди грозно топоршились гряды сопок, миновать которые можно было только увеличив высоту, где он вновь попадал в зону облаков. Едва ли можно было рассчитывать, что там его ждет безоблачное небо, откуда он сможет разглядеть аэродром и посадочную полосу. В то же время, продолжая лететь низко, он рискует разбиться о сопки, и весь его план тогда летит к черту. Если бы он не ставил своей целью сохранить самолет, он мог бы

кружить над островом до тех пор, пока не кончится горючее, а затем катапультироваться. Но сохранить МИГ-25 было для Беленко важнее, чем собственная безопасность. И пока у него была хоть малейшая надежда посадить МИГ в целости и сохранности, пока у него был хоть один шанс из тысячи, он решил не отступать.

Беленко продолжал лететь низко, держа курс на восток, и, обогнув гряду сопок с юга, повернул на север к Хитозэ. Теперь он был даже доволен, что из-за нехватки горючего не выбрал окольного пути. Под ним расстилалась бескрайняя равнина, на которой он в случае необходимости мог посадить самолет. Для посадки можно было использовать также шоссе, пересекавшие равнину в разных направлениях.

В 1:42 в кабине замигал красный предупредительный сигнал и появилась надпись: „Горючего осталось на шесть минут полета”. Беленко выключил сигнал — к чему эта раздражающая надпись? Он снова поднялся на высоту 9000 метров и вскоре увидел воду. Это был Вулканический залив. Он пересек его, сделал поворот на 90 градусов и взял курс на север. Неожиданно прямо перед собой он увидел густые клубы облаков, но, решив не менять высоту, устремился прямо в их гущу. Он надеялся, что облачный участок скоро кончится и впереди опять будет чистое небо. Снижаться было опасно: чем ниже он будет летать, тем больше расход горючего. Вдруг в кабине прозвучал нежный женский голос: „0-6-8, будьте осторожны! Ваш запас горючего на исходе. Самолету грозит авария”. Голос был спокойный, даже будничный. Беленко был поражен. Он не знал о существовании в самолете магнитофона. „Девушка, — закричал он, — где бы вы ни находились, помогите мне! Скажите, где здесь аэродром?”

Стрелка указателя расхода топлива приблизилась к нулю. Ему оставалось лететь еще две минуты. Облака не рассеивались. Больше он ничего уже не мог сделать. Нужно было садиться, теперь уже только сесть, и постараться не погубить ни себя, ни дорогой самолет.

Что ждало его внизу? На это у него не было ответа.
Беленко направил самолет к земле, в неизвестность...

Глава вторая

ПУТЬ В ЛЮДИ

Почему? Почему из всех офицеров именно Беленко? Ни его официальная биография, ни послужной список, не давали ответа на этот вопрос. В его жизни не было ничего такого, что могло бы толкнуть его на этот шаг, побудить покинуть родину, семью, друзей, бросить так удачно складывающуюся карьеру. Беленко не был замешан в каких-либо связях с диссидентами, никогда не выражал крамольных мыслей. Врачи, ежедневно проводившие медицинский осмотр пилотов, никогда не замечали у него психических или физических отклонений от нормы. Наоборот, он всегда славился отличным здоровьем, пил в меру, жил по средствам, не вступал ни в какие сомнительные связи, не изменял жене и имел по всем показателям репутацию честного, порядочного человека и образцового офицера.

Инцидент с Беленко ошеломил всех, никто не мог поверить, что он добровольно совершил этот шаг. Поначалу это объясняли тем, что под влиянием каких-то таинственных сил Беленко потерял контроль над собой, был не в состоянии управлять своими действиями и целиком подчинился чужой воле. До некоторой степени это было правдой, так как Беленко был доведен до отчаяния, а доведенный до отчаяния человек совер-

шает иногда действия, которые он, возможно, не совершил бы в нормальном состоянии. Впоследствии Беленко неоднократно задавал себе вопрос, какие именно моменты его жизни явились предпосылкой для побега, как и почему он пришел к этому решению.

Виктор рос одиноким, заброшенным ребенком, с раннего возраста предоставленным самому себе. Он родился 15 февраля 1947 года в горной деревушке, расположенной между Черным и Каспийским морями. Его отец в 1941 году, в возрасте семнадцати лет, был призван в армию, дослужился до звания сержанта, прошел курс обучения диверсионной работе и был заброшен к партизанам. Он испытывал все тяготы партизанской жизни: переплывал ледяные реки, скрывался в лютые морозы в лесу, видел как беспощадно расправлялись немцы с пленными партизанами. Война закалила старшего Беленко физически, но сделала его резким, нетерпимым, жестоким человеком, интересующимся только карьерой и женщинами.

Виктор родился через год после демобилизации отца. А когда мальчику исполнилось два года, его родители развелись. Отец увез его в Донбасс и запретил матери навещать сына. Через некоторое время он завербовался на работу в Сибирь, на завод, которым руководил его друг еще с военных лет, а Виктора отправил к бабушке, которая вместе с теткой жили в убогой саманной хате в небольшой деревеньке около угольной шахты. Все дома и постройки тут были покрыты слоем черной угольной пыли, даже воздух был так насыщен этой пылью, что после грозových ливней пища приобретала странный привкус. В избе было две комнаты: в одной спали женщины, а в другой, где готовили и ели, сколотили кровать для Виктора. Тетка вставала в пять утра, чтобы до работы успеть натаскать воды из колодца, испечь хлеб и сварить суп. Затем она шла на шахту, где с семи утра и до шести вечера сортировала на конвейере уголь. Работала она, как и все остальные,

без рукавиц. Ее руки были в ссадинах и часто кровоточили. Бабушке было семьдесят. Ходила она с трудом, прихрамывая, опираясь на палку, но каждый вечер подолгу простаивала на коленях перед висящей в углу иконой, и лицо у нее становилось спокойным и ясным.

До шести лет Виктор всю зиму безвыходно просиживал в избе - у него не было никакой обуви, кроме тапок, сшитых из старого теткиного жакета. Гулять в них было невозможно - от снега они бы сразу развалились.

Однажды, когда Виктору исполнилось четыре года, он решил узнать откуда идет тепло и широко открыл дверцу печи. Горящий уголек выпал на солому, и изба наполнилась густым едким дымом. Виктор залез на бабушкину кровать и накрылся с головой одеялом. Он пришел в себя на снегу...

В теплую погоду Виктор убегал с ребятами в лес, на речку, в соседние деревни. Любимым местом их игр был запрещенный участок леса около главной дороги, ведущей к шахте. Здесь прежде проходила линия обороны немцев, и хотя с тех пор прошло почти девять лет, участок не был полностью очищен от снарядов и мин. В поросших травой траншеях и в местах боев ребята находили иногда настоящие винтовочные патроны, и даже артиллерийские снаряды, которые они взрывали для отпугивания „ведьм” или использовали для глушения рыбы.

Однажды, раскапывая землю в поисках патронов, ребята натолкнулись на длинный предмет цилиндрической формы, который показался им настоящим сокровищем - его можно было переплавить на тысячи пуль. Ребята разожгли костер, положили цилиндр в огонь и сгрудились вокруг, чтобы посмотреть как он будет плавиться. Огонь стал убывать и Виктора, как самого младшего, послали набрать веток и сучьев. Когда он шел обратно к костру, раздался сильный взрыв, земля ушла у него из-под ног и его бросило

на дерево. Он потерял сознание. Через несколько часов он очнулся на руках у бабушки: „Ну вот, Витя, говорила я тебе, что тебя Бог хранит”. Взрывом убило двоих его друзей и тяжело ранило третьего.

В 1953 году, ранней весной, Виктор услышал на улице шум, крики, плач... Он вышел из избы и увидел, что люди, в основном женщины и старики, плачут, причитают, утешают друг друга. „Отец наш и заступник, — истерически выкрикивала одна из женщин, — на кого же ты нас покинул, что теперь с нами будет?” Так в деревню пришла весть о смерти Сталина. Люди глубоко верили, что только военный гений Сталина помог выиграть войну с Германией, что это он превратил страну в индустриальную державу, что только на нем одном держится благополучие людей и „мир во всем мире”.

Видя, как плачут и убиваются люди, стоически перенесшие до того даже трагическую гибель близких людей в результате многочисленных аварий на шахте, Виктор почувствовал тревогу: „Как же мы будем жить без Сталина?” Но ничего не изменилось, жизнь в деревне шла своим чередом. Все лето Виктор пропадал с ребятами в окрестностях деревни: купался, ловил рыбу, собирал ягоды и грибы. А поздней осенью пришло неожиданное известие, очень огорчившее бабушку и тетку: отец собирался приехать и забрать Виктора.

Бабушка сшила ему мешок, положила в него кое-какие продукты, даже кусок сала, который они приберегли для особого случая. В густой декабрьский снегопад женщины пошли провожать Виктора с отцом на железнодорожную станцию, откуда поезд должен был увезти его в далекую незнакомую Сибирь.

Виктор приехал с отцом в Рубцовск, но пробыл там недолго. Когда отец только начал работать в Рубцовске, начальство твердо обещало ему комнату в коммунальной квартире. Он ждал три с половиной года, и, наконец, в декабре подошла его очередь. Но тут он узнал, что в жилплощади ему отказали. Жить им было нигде, и он отправил сына в колхоз к родственникам

своего друга, директора завода. В семье было четверо детей, и все — муж, жена, дети — ютились в одной комнате. Виктор никогда раньше не видел как живут колхозники, и он широко раскрытыми глазами смотрел, как на ночь ввели в избу корову, чтобы она не замерзла. Хотя жили они бедно и тесно, встретили Виктора приветливо и заботились о нем, как о собственном сыне. Вскоре Виктор убедился, что колхозники живут еще хуже, чем шахтеры в Донбассе. Зерно распределяли по количеству работающих в колхозе людей, а не по числу членов семьи, поэтому семьи с маленькими детьми и стариками-родителями были в страшной нужде. Тех „трудодней“, которые получали колхозники, едва хватало на соль, мыло и керосин. Все другие необходимые товары и продукты они покупали только на деньги, вырученные от продажи молока и овощей с крохотных огородов, за которыми тщательно ухаживали и следили. Зимой с едой было совсем плохо: молоко с хлебом на завтрак, картошка, кислая капуста и хлеб на обед и молоко на ужин. Если корова не давала молока, пили воду.

Зима 1954 года выдалась особенно суровой, птицы замерзали на лету, и весь февраль, когда морозы были особенно лютые, корову держали дома даже днем. Дети целыми днями сидели вокруг печи, придумывая разные игры. Виктор был особенно изобретателен на этот счет. В избе было много рыжих тараканов, и Виктор внимательно наблюдал за ними. Однажды ему в голову пришла мысль запретить тараканов с помощью ниток в маленькие игрушечные деревянные тележки. После долгих стараний ему это, наконец, удалось, и он начал устраивать тараканьи бега. Это приводило и детей и взрослых в такой восторг, что часто, после ужина, отец семейства сам предлагал Виктору устроить бега.

Весной, когда таил снег, жизнь в колхозе менялась. На огородах поспевали овощи, которые после скудного зимнего рациона казались деликатесом. Виктор вместе с детьми, женщинами и стариками работал в поле

по одиннадцать-двенадцать часов в день. Иногда кто-нибудь начинал вслух проклинать тяжкий труд и свое полуголодное существование, но однажды одна из женщин прикрикнула на говорившего: „Ну, чего ты все нудишь! Во время войны мы что ели? Траву, да желуды, а еще мышей и кузнечиков”.

В сентябре приехал отец и увез его в Рубцовск. Наконец он получил комнату на втором этаже многоквартирного дома, принадлежащего Алтайскому заводу грузовых автомобилей. На плечи семилетнего мальчика легли все заботы по дому: он должен был ходить в магазин, готовить ужин, убирать комнату, поддерживать огонь в печи и несколько раз в день приносить воду из колодца за 150 метров от дома.

Часто по вечерам и выходным дням отец проводил время в компании женщин, и Виктору удавалось поговорить с ним только за ужином или во время игры в шахматы. Вскоре кончились и эти совместные короткие досуги: Виктор с легкостью начал одерживать одну победу за другой, и отец стал избегать игры. Как-то однажды заговорили о будущем. Отец был откровенен. „Тебе самому придется пробиваться в жизни. Надейся только на себя. У меня нет ни влиятельных друзей, ни родных, которые могли бы тебе помочь. Если ты хочешь лучшей жизни, не такой, как моя, ты должен хорошо учиться, должен стараться получить настоящее образование... Мне этого не удалось из-за войны, но у тебя еще есть шанс...”

Виктор не нуждался в подстегивании, ему нравилось учиться. Казалось, что в школе он сможет найти ответы на все вопросы, которые ставит перед ним жизнь. И именно в школе зародились в нем первые сомнения относительно справедливости системы, правильности советского образа жизни, непогрешимости того жизненного уклада, который его окружал. И не случайно, что именно в Рубцовске Виктор впервые почувствовал всю противоречивость догм и реальной действительности, впервые его детское сознание столкнулось с жесто-

кой правдой жизни, с ее неприкрытой и откровенной ложью и ханжеством.

Виктор приехал в Рубцовск в то время, когда город быстрыми темпами превращался в крупный индустриальный центр. Такого рода трансформация некогда тихого провинциального городка была вызвана войной. Заводы и фабрики западных районов страны во избежание захвата немцами были демонтированы и вывезены в Сибирь. Часть из них получила свою вторую жизнь в Рубцовске. Для быстрого и эффективного восстановления использовался, главным образом, труд заключенных из лагерей, сетью окутавших город. Несмотря на то, что многие концлагеря после смерти Сталина прекратили свое существование, вокруг Рубцовска они продолжали существовать, и в жизни заключенных мало что изменилось — режим оставался почти таким же жестоким, как в военное время. На строительных площадках, огороженных колючей проволокой и обнесенных вышками, эки работали посменно круглые сутки.

Однажды в ветреный осенний день, когда Виктор шел в школу, его обогнал грузовик, в котором сидели дрожащие от холода заключенные, охраняемые солдатами-казахами, закутанными в тяжелые меховые шубы. На заключенных были ветхие телогрейки с белыми номерами, тряпичные обмотки на ногах и рваные шапки, не прикрывающие их стриженные наголо головы. Он и раньше видел грязных оборванных людей, но никогда не видел он таких глаз: в них не было выражения, они были пусты. Заключенные производили впечатление людей, у которых сознание и дух мертвы, в то время как их телесная оболочка продолжает жить. Он тогда, конечно, ничего не знал о политзаключенных. Он знал только одно — эти люди были преступниками. И какими ужасными были, наверно, их преступления! *Убейте их! Убейте или освободите! Даже с самой мерзкой тварью я не смог бы так обращаться. Лучше умереть, чем быть на их месте.*

Когда Виктору исполнилось 10 лет, отец женился на

своей сослуживице, вдове друга, погибшего от несчастного случая в сборочном цехе. Виктор переехал в дом новой жены отца, где жила ее 68-летняя мать, шестилетний сын и трехлетняя дочь. Это был добротный отштукатуренный трехкомнатный дом, построенный еще ее покойным мужем на крохотном участке земли. Уборная находилась на заднем дворе, а колодец — всего в минуте ходьбы от дома. Мачеха — полная, расплывшаяся женщина, лет 35, со слегка косящими глазами и тусклыми прямыми волосами, стянутыми на затылке в жидкий узел, была когда-то учительницей, а теперь работала на заводе бухгалтером. И хотя она была хорошей хозяйкой, умелой и трудолюбивой, Виктор сразу же невзлюбил ее. Он всегда был с ней вежлив, но не старался сблизиться и не давал повода для проявления по отношению к нему материнских чувств. Вопреки просьбам отца, он обращался к ней по имени и отчеству — Серафима Ивановна. Он замечал, что в те редкие дни, когда на обед был мясной суп, она всегда старалась дать своим детям лучший кусок мяса. Но он никогда об этом не говорил. Раньше он обращался за деньгами к отцу, когда хотел купить хоккейную клюшку, футбольный мяч, книгу или что-нибудь еще. Теперь же отец потребовал, чтобы он спрашивал Серафиму Ивановну. Она всегда находила предлог отказать. Однажды, когда Виктор, придя домой из школы, искал в ящиках комода какие-то школьные принадлежности, он неожиданно сделал открытие: у Серафимы Ивановны было две сберкнижки. На одну она клала зарплату отца и часть своей зарплаты, и эти деньги шли на расходы по хозяйству, а на другую — оставшиеся деньги на имя своих детей. Когда вечером Виктор открыто заявил о своей находке, в доме разразился скандал. В присутствии всех членов семьи отец снял ремень и яростно отхлестал Виктора. Если бы мальчик заплакал, наказание не длилось бы так долго. Но Виктор молчал, стиснув зубы. Скрытая взаимная антипатия между Виктором и мачехой перешла в открытую вражду.

На следующий день он подговорил своего школьного товарища бежать на юг, в Ташкент, где всегда тепло и растут красивые цветы. Им удалось вскочить в поезд в момент, когда он тронулся. Вскоре ребята заметили, что поезд идет на север и сошли с него на первой же станции в 80 километрах от Рубцовска. Когда же они попытались сесть на поезд, идущий на юг, милиционеры схватили их, притащили за шиворот в пристанционный милицейский участок, допросили и избили. Милиционерам не удалось узнать, кто они и откуда, и их отправили в колонию для беспризорников. На вторую ночь ребята сбежали, перерезав ограждающую колючую проволоку, и спрятались в колхозном амбаре, с тем, чтобы через несколько дней опять попытаться пробраться на станцию. Но на станции их снова схватили милиционеры, избили и отправили в колонию. Через три недели за Виктором приехал отец. Всю дорогу он молчал и только перед самым домом сказал: „Я не могу заставить тебя жить с нами, и не могу помешать тебе бежать из дома. Но если ты снова убежишь, тебя отправят в исправительную колонию. А это все равно, что тюрьма. И однажды побывав там, ты уже никогда не будешь тем, кем был раньше. Подумай об этом и решай сам”.

Отец счастлив с Серафимой Ивановной, и им хорошо вместе. Я только мешаю им. Я для них чужой. Мне некуда уехать и у меня нет выхода. Ну что ж, пока я вырасту, мне придется жить с ними. Но я буду стараться держаться от них как можно дальше. А потом, как только смогу, сразу же уеду.

С этих пор Виктор старался редко бывать дома. Все больше времени он стал проводить в школьной библиотеке. Там было тепло и тихо. И хотя на полках стояли только произведения русской, советской и зарубежной классики, школьникам не разрешалось самим выбирать книги. Это входило в обязанности библиотекарши, которая подбирала для них книги в зависимости от их интересов и уровня развития. В библиотеке в то время работала женщина, которая была совершенно не похожа ни на учителей, ни на других, окружавших Виктора людей. Она была немолода, но держалась очень

прямо и ходила с высоко поднятой головой, будто вы-
сматривая что-то вдаль. „Таковыми наверно были короле-
вы”, — подумал Виктор. Она всегда уходила из школы
одна, не дружила с учителями, у нее не было друзей
в городе. О ней ходили самые разные слухи. Одни го-
ворили, что она москвичка и что ее муж был арестован,
другие считали, что она сама бывшая заключенная.
Виктор так никогда и не узнал правду. Библиотекар-
ша отнеслась к Виктору очень внимательно и с интере-
сом. Она дала ему „Зов предков”, а в следующий раз —
„Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна” и
„80 тысяч километров под водой”. Так Виктор прист-
растился к чтению. Каждая новая книга приносила
радость. Он научился читать в любых условиях: при
шуме, разговорах, невзирая на разного рода неудобст-
ва. Чтение стало его любимым занятием в течение всей
его дальнейшей жизни. Авторы прочитанных книг
стали его истинными учителями и наставниками, а ге-
рои служили примером для подражания. Больше всего
он хотел походить на Спартака. Прочитанные позже
книги Сэнт-Экзюпери открыли ему романтику полетов,
пробудили в нем интерес к летной профессии, к лю-
дям, покоряющим небесные просторы.

Обсуждая с библиотекаршей книги Сент-Экзюпе-
ри, он признался, что хотел бы стать летчиком. „По-
чему?” — спросила она. „Потому что летать — это увле-
кательнейшее занятие на свете. В небе нет ни границ,
ни ограничений. Там нет запретов”.

„Увлекательным занятием может стать и поэзия.
Скажи мне, Виктор, кто твой любимый поэт?” „Конечно,
Лермонтов”. Виктор восхищался им не только как поэ-
том, но и как личностью. Обидно было сознавать, что
полная приключений жизнь поэта трагически оборвалась
в 26 лет. „Почитай вот это”. — Библиотекарша протяну-
ла сборник стихов Лермонтова. Перелистывая книгу,
Виктор заметил слегка помеченные карандашом стихот-
ворения, в которых душа поэта стремится освободиться
от оков и вырваться на волю...

Виктор часто бессознательно пытался подражать героям книг, и в школе вел себя так, как вели бы себя в такой ситуации Том Сойер или Гекльберри Финн. Однажды, когда проходили по физике короткое замыкание, Виктор устроил так, что во всей школе погас свет, и всех вынуждены были отпустить домой. На уроках химии он научился запускать с большого расстояния фейерверки, и к общему удовольствию ребят устраивал неожиданные взрывы, находясь в этот момент где-нибудь в другом конце школы, чтобы быть вне подозрений. Однажды он стащил ключи от исторического кабинета, запер кабинет изнутри, а сам выпрыгнул в окно со второго этажа. Так класс избежал трехчасовых занятий, на которых всегда царила ужасная скука. Но самой успешной была проделка со змеями: Как-то он принес в школу пятнадцать змей и выпустил их на уроке литературы. Девочки завизжали и бросились из класса, учительница в ужасе вскочила на стол. Виктор, изображая спасителя, поймал всех змей, а благодарная учительница сообщила о его примерном поведении директору школы.

Однажды в парке, после игры в хоккей, Виктора окружила компания ребят, все старше его на 3-4 года, и потребовали денег. Он отказался. Тогда они с необычайной жестокостью избили его. Виктор минут десять отлеживался в снегу на морозе, не имея сил подняться. Еле-еле доплелся он до дома, где Серафима Ивановна произнесла целую речь о том, как стыдно быть хулиганом. Виктору пришлось несколько дней просидеть дома, пока не зажили ссадины и синяки на лице. Библиотекарша удивленно посмотрела на него, когда он появился в библиотеке и попросил книги по боксу и борьбе. Она дала ему не только книги, которые он просил, но и книгу о правильном питании. Виктор начал регулярные тренировки боксом. Он набил опилками мешок, повесил его на заднем дворе и стал ежедневно отрабатывать по учебнику технику ударов и защиты. Кроме того, он делал ежед-

невные пробежки, подтягивался на толстом суку дерева. В какой-то момент Серафима Ивановна потребовала было запретить ему это, но на этот раз отец вступился за него. Ободренный неожиданной поддержкой, Виктор заявил Серафиме Ивановне, что нуждается в усиленном питании, и что ему необходимо хоть изредка есть мясо, рыбу, яйца, сыр (он никогда прежде не пробовал сыра). В книге о правильном питании говорилось, что протеины необходимы для силы и здоровья, особенно в юном возрасте. Пища, которую ежедневно получал Виктор — хлеб, картошка, капуста были начисто лишены необходимых ему веществ. „Все, что ты просишь, дорого и трудно достать”, — ответила Серафима Ивановна. „Мы и так стараемся как можем, чтобы прокормиться”. Виктор понимал, что она права, и решил сам добыть необходимые ему протеины. Для начала Виктор намеревался заняться рыбной ловлей в реке, огибавшей Рубцовск с Запада. Но из этой затеи ничего не вышло. Встреченный им у реки старик рассказал, что до войны вода в реке была такой чистой и прозрачной, что рыбу было видно на глубине полтора-два метра и можно было ловить ее почти голыми руками. Берега были очень живописны — лес подступал к самой реке. Но построенные после войны предприятия стали сбрасывать в реку химические и промышленные отходы, которые превратили ее в открытый канализационный сток, и ядовитые вещества вытравили растительность по берегам, заставив лес отступить почти на целый километр.

Это был настоящий густой лес, благоухающий ароматами диких цветов. Виктор чувствовал себя подобно Фабьену, обреченному на гибель пилоту из повести Сент-Экзюпери „Ночной полет”, который неожиданно вышел из тьмы облаков в освещенное звездами спокойно сияющее небо. В этом бескрайнем и загадочном лесу Виктор ощутил такую безграничность пространства и свободу, какую, как он полагал, можно ощутить лишь в небе. С этих пор он стал проводить свои летние каникулы

преимущественно в лесу. Виктор питался яйцами из птичьих гнезд, лесными орехами, земляникой, малиной, черникой и кислыми зелеными яблоками. Часто он ходил в лес с ребятами, большинство из которых были такими же беспризорными и голодными, как он. Они построили в лесу бревенчатую хижину, откуда отправлялись на охоту и на разведку лесных богатств. Их поиски новых источников пропитания однажды увенчались успехом: они набрали на чистую, прозрачную речку, в которой водилась крупная форель.

В то лето Виктор поправился на 6 кг. Он с нетерпением ждал встречи с библиотекаршей, но в библиотеке его встретила новая сотрудница...

Он продолжал бегать и заниматься боксом. Теперь он мог бы уже справиться с теми хулиганами, которые год назад напали на него в парке. Вскоре он встретил одного из них. Парень, стараясь отвязаться, начал шутить, как бы не понимая, что он него хотят. Но короткими ударами: слева в челюсть, потом справа под ребро и снова левой в челюсть, Виктор свалил его с ног. „В следующий раз я тебя убью“. Он поймал и избил еще двоих из той же компании. Четвертого Виктор не нашел, да это уже не имело значения. Он отомстил за себя в присутствии 50 или 60 ребят из своей школы, и о нем сложилась репутация человека, с которым лучше не связываться.

Новый 1958 год Виктор встретил среди своих школьных друзей. Никогда прежде он в рот не брал спиртного, а тут решил попробовать самогон. Через час он незаметно выбрался на воздух и упал в снег. Очнулся весь в блевотине, голова трещала от боли, и он с ужасом понял, что пролежи в снегу еще пару часов, — замерз бы насмерть. Он поклялся никогда не напиваться до потери сознания.

Зимой Виктор оказался свидетелем крушения легкого самолета, упавшего рядом с заводом, на котором работал его отец. Обломки самолета еще дымились,

когда Виктор прибежал на место аварии, и в „Скорую помощь” несли накрытого простыней погибшего пилота. Почему он погиб? Почему я уцелел во время взрыва мины? Неужели есть Бог, который решает, кому жить, а кому умереть? Правда ли, что вера в Бога есть предрассудок, и что вся жизнь на земле была создана в результате простой случайности? Может ли быть, чтобы случайность стала причиной роста деревьев и цветов, причиной того, что зимой идет снег, что мы дышим и мыслим? Если это так, то какая случайность вызвала все это? Но скорее всего должен быть кто-то, кто стоит за всем этим, должно же все это иметь цель, более высокую, чем просто создание человека. Тот летчик пытался покорить небо... Как много, вероятно, ему удалось увидеть! Когда-нибудь я займу его место и увижу все своими глазами. Я готов отдать за это жизнь. Пусть лучше моя жизнь сгорит быстро и красиво, как свеча, чем влзчить жалкое существование.

Подобные мысли привели к раздвоению сознания, внутреннему конфликту. Он жаждал ответа на свои сомнения, хотел посвятить свою жизнь достижению высшей цели, быть таким, каким хочет его видеть партия, общество. И до всего надо было дойти самому. В процессе постижения истины противоречия между тем, что он видел, и тем, что ему внушалось, стали источником глубоких раздумий и переживаний.

Первые сомнения пришли к нему после доклада Хрущева на 20-м съезде партии. То, что Виктор узнал из этого доклада, полностью перевернуло его представления о действительности, в которой он жил. Сталин, отец всех народов, все еще добро улыбающийся с первых страниц учебников, оказался злодеем. Все, что он слышал и читал о Сталине было, оказывается, ложью. Новый партийный руководитель, который, без сомнения, знает все лучше всех, обрисовал Сталина как тирана, на совести которого бесчетное число невинно загубленных жизней, включая близких соратников по партии и известных военачальников. Выходило, что вождь не только не выиграл войну, он ее чуть не проиграл.

Все эти открытия так подействовали на Виктора,

что он не сразу постиг смысл происходящего. Но постепенно, по мере того, как учителя обсуждали на уроках доклад Хрущева и пытались восстановить историю, у него возникло множество вопросов. *Должно быть это правда, иначе они бы такого не говорили. Но как Сталину удалось скрывать свое истинное лицо в течение столь долгого времени? Ведь Хрущев работал со Сталиным. Почему он только сейчас заговорил об этом? Если все, что говорили и делали раньше было ложью, то, возможно, все, что говорится теперь, тоже ложь?* Скоро произошло событие, еще больше подорвавшее веру Виктора в мудрость и непогрешимость политики партии. Это касалось хрущевской „кукурузной авантюры” в 1959 году. Попытка пойти на рекорд природе, повинаясь приказу, в сочетании с неблагоприятными климатическими условиями, не только не улучшила положения в сельском хозяйстве, но вызвала резкий неурожай в стране, что привело к убою скота. Результатом явилась нехватка по всей стране мяса, молока, масла и даже хлеба. По радио же продолжали превозносить агрономический гений Хрущева, хвастать достижениями сельского хозяйства, идущего по пути восстановления и возрождения после ошибок, допущенных при Сталине.

Если у нас так много хлеба, почему я должен вставать в 4 часа утра в очередь за хлебом? А перебои с молоком по пять дней и мясом по две недели?! Правду говорят, хочешь молока — включи радио!

Пришел день, когда перестали упоминать имя Хрущева, а затем начались разоблачения того, кого еще совсем недавно прославляли на все лады. Началась новая эра под „мудрым” руководством Брежнева.

Это потрясающе! Кому же теперь верить? Почему они все лгут, перевирают факты?

Потеряв всякий интерес к истории, Виктор увлекся точными науками: математикой, химией, физикой, биологией. Здесь царили порядок, логика, стройность и согласованность. Законы Эвклида и Ньютона не подвергались изменениям. Теперь Виктор стал читать, глав-

ным образом, популярные научно-технические журналы, книги и статьи по биологии, медицине, авиации и механике. В то время в школах ввели наравне с академическими предметами практическое обучение, и школьники работали в мастерских и в заводских цехах, где осваивали различные рабочие профессии. Виктор изготовил в мастерской управляемый по радио трактор, который послали в Москву на Всесоюзную выставку технических достижений школьников. Его работа была отмечена и в награду Виктор получил двухнедельную поездку в столицу.

Москва, с ее широкими проспектами и бульварами, асфальтированными и ярко освещенными улицами, метро, театрами, ресторанами и музеями вызвала в нем восторг, наполнила гордостью за свою страну, вселила надежду. *Наверно партия все-таки права, и мы достигли большого прогресса. Все города станут когда-нибудь такими же, как Москва* В день отъезда из столицы Виктор пошел с утра в знаменитый мавзолей, чтобы посмотреть на легендарного Ленина. Стоя в длинной очереди, он с нетерпением рассматривал Кремль. Окружающая его толстая кирпичная стена, стройные шпили башен, купола соборов, воплощавшие когда-то величие и могущество России и превратившиеся теперь лишь в памятники старины, наполняли его чувством причастности к истории.

Он решил во что бы не стало окончить школу с медалью и неуклонно следовать всем установленным правилам и законам, чтобы стать образцом человека новой формации. Это было для него единственным средством осуществления его заветного желания — вырваться из Рубцовска и стать летчиком. Он стал много заниматься и активно участвовать в общественной жизни школы, в дискуссиях на политические темы, хотя часто понимал их абсурдность. Весной 1965 года, перед выпускными экзаменами, Виктор написал три сочинения на темы: „Прогресс советской системы“, „Кризис западного мира“ и „Принципы нового коммунистического общества“. Во все эти работы наравне

с надоевшими догмами, Виктор привнес свои собственные мысли и наблюдения. Так в сочинении „Прогресс советской системы” Виктор доказывал превосходство советской техники на примере танков, являющихся на самом деле одним из совершенных видов вооружения. Учитель, прочитав всему классу выдержки из этой его работы, похвалил Виктора за оригинальность мысли и стиль изложения. И хотя Виктор получил пятерку, он не был удовлетворен своим сочинением, понимая, что покривил душой. В другой своей работе, посвященной кризису западного мира, он был более искренним.

Вскоре у него произошел конфликт с учительницей русской литературы, мимоходом заявившей однажды на уроке, что свет это вещество. „Неправда, — возразил Виктор, — свет это электромагнитные волны. Надо же иметь хотя бы элементарные понятия о физике”. Мирная дискуссия перешла в яростный спор. Виктор открыл учебник по физике на странице, где объяснялась природа света, поставив учительницу в неловкое положение перед всем классом. Кончилось это тем, что она велела Виктору зайти к ней после уроков. Когда они остались вдвоем, учительница потребовала, чтобы Виктор открыто при всех признал свою ошибку и извинился перед ней. В противном случае она не сможет поставить ему в аттестат зрелости отличную отметку по литературе. Виктор отказался. *Как я могу признать свою ошибку, когда я абсолютно прав? В науке надо быть абсолютно честным. Я не могу тут лгать.* Так в аттестате зрелости у него оказалась единственная четверка по литературе, и вместо золотой медали он получил серебряную. К аттестату был приложен диплом механика третьего разряда, что было весьма высокой оценкой для школьника. Он также получил рекомендательное письмо от школьного начальства, в котором отмечалась его общественная работа и политическая благонадежность. Все эти бумаги могли пригодиться для осуществления его мечты стать пилотом, и не просто рядовым летчиком, а лучшим в своей профессии.

Первую подготовку Виктор решил пройти в отделении ДОСААФ, откуда для добровольцев открывалась дорога в летное училище. Он узнал, что в Омске (в 600 км от Рубцовска) проводятся тренировочные полеты и решил туда переехать. При прощании все чувствовали себя неловко: отец и Серафима Ивановна делали вид, что им грустно расставаться с Виктором, хотя, на самом деле, испытывали облегчение. Отец дал ему письмо к живущему в Омске двоюродному брату, и, прощаясь, сунул 20 рублей.

Омск был одним из важных центров военной промышленности. Кроме того, в Омске находилась главная узловая станция Транссибирской железнодорожной магистрали и средоточие авиалиний, связывающих Сибирь с другими районами Советского Союза. Виктор приехал в Омск в июне 1965 года; военные заводы по производству танков, броневых автомобилей, артиллерийских орудий, самолетных двигателей и других видов вооружения работали на полную мощность. Найти работу не представляло труда. Двоюродный брат отца устроил Виктора на ремонтную базу в омском аэропорту. Это было глухое кирпичное помещение со сводчатой железной крышей, гулко звенящей во время дождя. В холодном и темном ремонтном цеху работало несколько десятков механиков под начальством старшего мастера Игоря Андроновича Яхова, крупного мужчины с жесткими светлыми волосами, красным носом и огромными ручищами. Почти тридцать лет он водил по сибирским дорогам тяжелые грузовики, пока не был повторно арестован за вождение в пьяном состоянии и окончательно лишен водительских прав. Аэродромное начальство, однако, ценило его и выдавало высший седьмой разряд. Рабочие любили и уважали его. Именно авторитет и доброта Яхова выручили Виктора в первый день его работы в цеху.

Примерно в 11:30 мастер сварочного цеха подошел к Виктору и покровительственным тоном сказал, протягивая деньги: „Ну-ка, парень, сгоняй за соком”. — „Я

не хочу пить”. — „Тебя не спрашивают, хочешь ты пить или не хочешь. Я тебе говорю, пойди и купи водки”. — „Не пойду”. Сварщик, размахивая гаечным ключом, пошел на Виктора. *Если он попытается ударить меня справа, я подсеку его левой. А если я упаду, он может меня убить или покалечить.* Виктор не стал ждать, бросился на сварщика, прижал его к стене и выхватил из рук ключ. Когда он оглянулся, то увидел, что на него идут трое других рабочих, вооруженных гаечными ключами. Он подался влево, затем вправо, но его загнали в угол. „Хватит, — услышал он голос Яхова. — Оставьте его в покое”.

Яхов, тоже вооруженный гаечным ключом, схватил Виктора за руку и оттащил в сторону. „Мы вместе пойдем за водкой”, — сказал он рабочим. Минут пять они шли молча, а потом Яхов заговорил: „Ты что ж, не понимаешь, что они могли тебя убить?” — „Может я сначала убил бы кого-нибудь из них”. — „И лежа в могиле гордился бы этим? Послушай, что я тебе скажу. Тут нельзя быть белой вороной — заклюют до смерти”. Яхов настоял, чтобы Виктор извинился перед сварщиком. После этого происшествия Виктор ежедневно следовал закону, негласно установленному в цехе с давних пор, — самый молодой должен бегать за водкой. Обычно в 11:30 Яхов объявлял: „Хватит работать. Работа не волк, в лес не убежит. Давайте займемся делом. Я даю 80 копеек. Скинемся, у кого сколько есть и пошлем парня за горючим”. Виктор стал даже получать удовольствие от короткой пробежки до магазина, находящегося в полукилометре от цеха, и успевал туда до двенадцати, когда там начинала выстраиваться очередь. Его обязанностью было купить на собранные деньги как можно больше спиртного и кое-какой закуски — обычно хлеба и консервов. Самая дешевая поллитровка стоила 3.60, а бутылка алжирского красного вина — рубль двадцать. Еще он покупал килограмм черного хлеба за 16 копеек и банку килек — за 40. Разливать вино и водку было обязанностью Яхова, который де-

дал это на глаз с микроскопической точностью. Рабочие пили и ели, а затем садились поближе к печке, играли в домино, курили, рассказывали анекдоты, и только ЧП могло прервать их досуг. Начальство знало обо всем, но предпочитало не вмешиваться. Рабочие выполняли свою норму за полдня, все были довольны и знали, что в случае важного и срочного заказа, ребята не подведут.

Виктор в конце концов перестал их осуждать. Он понял, что цех был их тюрьмой, и что они перестали даже мечтать о том, чтобы из нее вырваться. Ему открылся и истинный смысл слов Яхова, произносимых после первой рюмки: „Вот теперь и жизнь кажется по-красивей”. Цех стал для Виктора удобным пристанищем в ожидании времени, когда он сможет летать.

Благодаря хорошему аттестату зрелости и школьной характеристике, Виктор после строгого медицинского осмотра был, наконец, принят в ДОСААФ на курсы теоретической летной подготовки. Пять дней в неделю после работы он шел в столовую, где быстро съедал свой нехитрый обед, а потом садился в автобус и ехал через весь город в клуб ДОСААФ, размещавшийся в здании дореволюционного банка. Предметы, которые он там изучал — аэродинамика, навигация, модели и конструкция самолетов, радиоэлектроника, метеорология и самолетостроение — не были такими уж трудными. Но для многих курсантов было сложно совмещать учебу с работой и к концу первого месяца четверть курсантов отсеялись. Виктор никогда не был так счастлив, как на занятиях в клубе. Вопреки правилам, главный инструктор не устраивал политзанятий. Он понимал, что их будущее и, возможно, жизнь зависит от интенсивности и качества подготовки, и поэтому не тратил время на никому ненужную пропаганду. Инструкторами были военные летчики в отставке, и в глазах Виктора они являли собой пример настоящих мужчин, покорявших и победивших небо. Они вели себя с курсантами как старшие товарищи и видели в них будущих кол-

дег, от которых нельзя скрывать ни трудности, ни опасности предстоящей профессии, и которым надо передать как можно больше знаний и опыта, чтобы уберечь их, насколько возможно, от трагических ошибок.

Первый парашютный прыжок был намечен на декабрь и готовил курсантов майор ВВС. На первом же занятии майор сообщил курсантам, что, хотя он сделал в своей жизни больше тысячи прыжков, он перед каждым прыжком испытывал страх. „Пусть страх, который вы испытываете, не пугает вас, — говорил он. — Это естественно”. Когда Виктор с восьмью другими курсантами в сорокоградусный мороз прибыл на аэродром, расположенный в 30 километрах от Омска, и увидел маленький транспортный самолет АН-2, с которого им предстояло прыгать, то он испытал настоящий ужас. Все, что с ним случилось потом, он помнил плохо. Он ощущал себя запрограммированной машиной, выполнявшей чью-то волю. Когда майор отодвинул тяжелую дверь и в кабину со свистом ворвался морозный воздух, Виктору понадобилось мобилизовать всю свою силу воли, чтобы заставить себя подняться со скамьи и встать третьим в очередь на прыжок. *Откроется ли парашют? Помню ли я, что надо делать? Останусь ли в живых?* Майор хлопнул его по плечу, и он бросился головой вперед, в пустоту. В голове проносилось: „Не бойся... Считай... Теперь дергай за кольцо!” Он почувствовал необычайно резкий толчок и от неожиданности вскрикнул. А затем, когда начался плавный спуск, и он увидел вокруг бесконечное, чистое и прекрасное небо, его пронзило острое чувство радости и ликования — он свободен! Свободен от земной суеты, ссор, обид, сомнений. Он смеялся, пел, кричал от радости, зная, что никто его не увидит, не услышит и не осудит. Гимны небу и свободе кончились бесславным приземлением на спину коровы. Испуганное животное стало кружить и биться, пытаясь освободиться от непрошенного седока и, наконец, сбросило его в навозную грязь. Виктор рассмеялся. Ему захотелось немедленно повторить пры-

жок и вновь испытать это восхитительное чувство. У него не больше ни малейших сомнений относительно своего будущего, он должен и будет летать!

После письменного экзамена курсантам представили их будущих летных инструкторов. Виктор был разочарован. Он рассчитывал, что его будет тренировать настоящий военный летчик, возможно, один из тех, кто участвовал в войне в Корее или во Вьетнаме. Вместо этого его инструктором оказалась тридцатипятилетняя миловидная женщина со спортивной фигурой, которую звали Надежда Алексеевна. Она была единственной женщиной-инструктором в ДОСААФ. Карьера летчицы далась ей нелегко. В восемнадцать лет Надежда поступила в клуб парашютистов и постепенно добилась принятия в клуб планеристов. С помощью влиятельных связей в Москве она в дальнейшем смогла поступить в ДОСААФ, прошла курс пилотирования, который окончила блестяще и была назначена летным инструктором в ДОСААФ. Виктор встретил ее, когда она уже проработала восемь лет и все эти годы продолжала совершенствовать технику, стараясь не только не уступать в мастерстве коллегам-мужчинам, но даже превзойти их. Она никогда не жаловалась ни на большую нагрузку, ни на отсутствие на базе элементарных удобств для женщин. „Вы действительно хотите летать?“ — спросила она Виктора. — „Очень хочу“. — „Хорошо. Мы будем работать вместе. Я горжусь многими ребятами, которых тренировала. Некоторые из них стали военными пилотами“.

Начальник ремонтного цеха должен был по закону освобождать Виктора от работы на время тренировочных полетов, выплачивая ему три четверти зарплаты. Полеты проходили на аэродроме — к северу от Омска, которым ВВС разрешал пользоваться ДОСААФУ весной и летом. В построенных еще во время войны казармах было так холодно, что даже в мае температура стояла ниже нуля. Приходилось круглосуточно топить печи.

Инструкторы, курсанты, администрация базы, механики, повара и охрана — все должны были расчищать взлетные полосы от снега и приводить базу в состояние пригодное для тренировок.

Первые полеты Виктора начались на ЯК-18У — старом, но все еще вполне подходящем для тренировок и легком в управлении самолете.

Во время четвертого полета Надежда дала команду: „Сделай левый поворот на 90 градусов”. Он выполнил вираж и, немного замешкавшись при выходе из пике, почти на сто градусов отклонился от курса. Но во всех других отношениях выполнил задание безупречно. — „Хорошо. Теперь 90 градусов вправо”. На этот раз он уже внимательно следил за стрелкой компаса и сделал все точно, как было приказано. — „Я сейчас сделаю штопор, а ты постарайся вывести самолет из него”. В момент головокружительного виража, Надежда сказала: „Теперь все зависит от тебя”. Виктор легко повел штурвал вперед, затем нажал на педаль, остановил штопор и вывел самолет из пике. — „Очень хорошо. Теперь попробуй сделать мертвую петлю”. Виктор повел самолет в пике, потом направил его вверх, затем назад, в петлю. Находясь на вершине петли, в перевернутом положении, он быстро сделал полубочку (переворот через крыло), а затем выпрямил машину, выполнив иммельман (переворот через крыло в верхней точке петли), гораздо более сложный, чем ему предписывалось. — „Неосторожно. Но хорошо!” Уже без инструктора он выполнил полную мертвую петлю, а затем серию стремительных пике. — „Хорошо! А теперь посмотрим, сможешь ли ты сесть”.

Не только Надежда, но и все, кто видел полеты Виктора, считали его талантливым. В небе он чувствовал себя в своей стихии, чувствовал, что рожден для полетов. Осенью подошло время финальных экзаменов. После заключительного показательного полета, подполковник, сидевший сзади в кабине, пожал ему руку и поздравил с отлично выполненным заданием: „Пре-

восходно, молодой человек. Надеюсь увидеть вас в рядах военно-воздушных сил”.

На утро после выпускного вечера, он узнал, что опоздал подать документы в летное училище. Перспектива работы в темном, холодном цеху, месяцы скучной, лишенной романтики и смысла жизни пугали его. *Надо срочно что-то предпринять. Нельзя сидеть сложа руки.*

Вернувшись в августе в Омск, Виктор узнал, что в военном медучилище недобор, и осенью будут дополнительно принимать курсантов. Виктор решил попробовать свои силы и оказался по сумме баллов одним из первых. *Очень хорошо. Буду врачом. Это так же почетно, как быть пилотом. И в этой профессии много риска, и тут нужно мужество”.*

Начавшиеся в медучилище занятия были прерваны через три дня. Подоспела пора уборки урожая, и молодежь с заводов, университетов, военнослужащие — все были брошены в помощь колхозам. Виктор не был в колхозе с 1954 года, со времени, когда впервые попал туда еще ребенком. В колхозе произошли некоторые улучшения: председатель ездил на машине, у некоторых колхозников были транзисторы, и раз в неделю показывали кино. Но остались все те же убогие избы, неасфальтированные улицы, грязь. Как и раньше, колхозные бригады состояли, главным образом, из женщин, детей и полуинвалидов. Ржавели под открытым небом тракторы и комбайны, а колхозникам было на все наплевать, кроме маленького клочка земли, за которым они ухаживали с особым рвением.

Студентам обещали платить зарплату, и Виктор надеялся подкопить немного денег. Однако, после вычетов за питание и жилье, его заработок за 58 дней работы от зари до зари составил 39 рублей 40 копеек.

Вернувшись в Омск, Виктор с головой ушел в учебу. Единственным предметом, от которого он не получал никакого удовольствия была политэкономия. Отведенные на нее часы составляли треть всего академи-

ческого времени. Ну, хорошо: капитализм ужасен, коммунизм прекрасен. Но пусть не мешают нам заниматься. Пусть не тратят наше время на эту чепуху.

К январю накопленные деньги закончились и Виктору стало ясно, что на стипендию в 30 рублей не прожить. В общежитие он не попал, и двоюродный брат отца благодушно предложил Виктору жить у него. Он старался бывать дома как можно реже, чтобы не стеснять семью, ютившуюся в маленькой квартире. По воскресеньям он обычно ходил на каток в парк. Однажды его окликнули: „Курсант Беленко! Приказываю выпить со мной чашку чая”. Раскрасневшаяся Надежда сияла свежестью и молодостью. В чайной около парка она рассказала Виктору как осваивала пилотирование Л-29 на Кавказе. „Нельзя считать, что ты летал, пока не испытаешь реактивный самолет. Там все по-другому и все лучше: звук, ощущение в кабине, возможности. Почему бы тебе не вернуться в ДОСААФ и не поучиться летать на реактивных самолетах? Хочешь, я буду твоим инструктором?”

Утром Виктор написал заявление об уходе из училища. Затем поехал в ДОСААФ и записался на курсы. Он начал искать работу, любую работу, которая обеспечила бы ему общежитие. Так он попал на номерной завод, где его тут же оформили и вместе с другими новичками направили в цех. Но сначала с ними провел беседу молодой офицер КГБ: „Если кто-нибудь спросит вас что вы производите, отвечайте: посуду, игрушки или какие-нибудь хозяйственные товары”. Он взял с них подписку о неразглашении. Просто смешно. Они не только лгуны, но и дураки. Весь Омск знал, что 13-й завод самый большой в городе, выпускает танки. Откуда это было известно? Да просто потому, что на заводе работало более 30 тысяч человек. А когда вовремя не подавался спецсостав, огромная складская территория была заставлена танками с пушками калибра 144 мм, зияющими своими смертоносными отверстиями.

Основной темой разговоров между рабочими было

когда, где и как выпить. Из-за частых несчастных случаев и невыполнения плана алкогольные напитки были запрещены на производстве, но рабочие умудрялись проносить их на территорию завода, чтобы утром опохмелиться. У входа на предприятие была открыта заводская закусочная, но очень скоро она превратилась в грязную забегаловку, где, начиная с полудня, рабочие могли пить сколько им заблагорасудится. Выпивка продолжалась и на заводе с той лишь разницей, что здесь приходилось делиться с начальниками, которые, поднабравшись, удалялись вздремнуть в свои кабинеты. В дни выдачи зарплаты каждый старался пораньше уйти с работы, чтобы занять очередь у кассы. Драки, ругань, крики и слезы женщин, старающихся отобрать у своих мужей деньги прежде, чем они их пропьют.

Виктор понимал этих женщин. Подобно другим рабочим на заводе, он получал 135 рублей в месяц, примерно на 15% больше, чем средний советский рабочий в промышленности. Около 15 рублей шло на налоги, квартирную плату. Автобус — еще десять рублей в месяц. Ел он в дешевых кафетериях или бутердроды из дома, чтобы сэкономить, и все-таки уходило на еду 90 рублей. Оставалось около 20 рублей на одежду и все остальное. Он не мог понять, как рабочий с женой и детьми, да еще пьющий, мог прожить на эту зарплату.

Виктор пришел к выводу, что даже если бы запрет пить на производстве был действенным, все равно это не привело бы к увеличению выпуска продукции. Рабочие были достаточно квалифицированы. Хорошо работали утром и, если техника не подводила, справлялись с нормой до обеда. А потом просто убивали время под предлогом отсутствия запчастей, низкой температуры в плавильной печи или умышленно производили брак.

Кузнец в смене Виктора был настоящим умельцем. Он справлялся с нормой за какой-нибудь час и все остальное время до конца смены слонялся по цеху, присаживался на „перекур” или болтал с друзьями. Однажды Виктор спросил кузнеца по-дружески, почему бы

ему не прославиться, систематически перевыполняя норму. „Не знаешь ты жизни, малый, — услышал Виктор ответ. — Если бы я захотел, десять раз бы сделал норму. А что это мне даст? Увеличат норму в десять раз и все. И надо еще подумать о других. Если я буду перевыполнять, так и у них потребуют перевыполнять”.

22 съезд партии в 1961 году провозгласил, что через двадцать лет, в 1980 году, СССР осуществит переход к коммунизму. Страна будет в состоянии обеспечить потребности каждого гражданина. И все это бесплатно. В этой обстановке полного изобилия духовных и материальных благ вырастет человек новой коммунистической формации, свободный от всех пороков прошлого.

Рабочие на заводе посмеивались:

— Раз каждый сможет взять что хочет без денег, будем пить все время.

— А я буду трезвый по понедельникам, потому что каждый понедельник буду летать на курорт.

— А я по воскресеньям, потому что по воскресеньям я на своей машине, а жена — на своей, поедem в ресторан за бесплатной паюсной икрой.

Шутки в отношении обещанного будущего сочетались с жалобами на трудности в настоящем. Чья-то мать до сих пор не может получить положенной ей пенсии. Обвалился фасад жилого дома, и ветер гуляет по квартире. Кому-то сказали, что ему придется ждать еще год квартиры, которую он должен был получить два года назад, а всего он стоит в очереди пять лет.

Лозунги и обещания партии были далеки от жизни, от каждодневных забот и трудностей. Однако люди смотрели на эти трудности как на естественные и неизбежные. Никому и в голову не приходило, что они могут быть вызваны самой системой или что система должна быть изменена. В этом отношении не отличался от других и Виктор.

В то время он никогда не слышал об Александре Солженицыне или об Андрее Сахарове. Не знал ничего

и о диссидентах. Никогда не читал самиздатовской литературы, не слушал радиопередач из-за рубежа. Он не мог и предположить, чтобы кто-то в Советском Союзе выступил против советской власти, если не считать предателей, продавшихся „темным силам реакции”.

Несмотря на недостатки, скрыть которые было невозможно, на признанные ошибки прошлого, бросающуюся в глаза неэффективность, в целом система как-то работала. Урожай, с трудностями, но собирали. Рабочие в конце-концов получали квартиры. Перед праздниками мясо и даже туалетную бумагу забрасывали в магазины. Танки потоком шли с заводских цехов, и, как Виктор сам писал в сочинении, это были лучшие танки в мире. Кроме того, не следовало забывать, что дела в капиталистических странах обстоят гораздо хуже, да иначе и быть не могло по законам истории.

Но были мысли, сомнения, от которых просто так не отмахнешься.

Нельзя верить всему, что говорит партия. Она ошиблась относительно Сталина, и Хрущев оказался небезгрешен. Немногое в жизни подтверждает правоту ее слов. Люди не могут быть равны. Все мы отличаемся друг от друга, и невозможно сотворить всех одинаковыми. И не будет никогда идеального человека. Это смешно. Рабочие это знают. А взять построение коммунизма. Такими темпами, как у нас, мы не построим его и за сто, и за двести лет. Что-то у нас не так. Я только не знаю, что.

Несмотря на то, что Виктор старался не быть „белой вороной” в среде рабочих, он все же привлек к себе внимание начальства. Заметив его способности к технике и как быстро он схватывает объяснения, начальник цеха сделал его рабочим „на подхвате”, способным заменить любого из отсутствующих, и он освоил множество навыков. Просто потому, что предпочитал любую работу, только бы не слоняться без дела, Виктор всегда охотно брался за поручение. Иногда по субботам, когда не было занятий в ДОСААФ, Виктор присоединялся к своим коллегам и „скидывался” наряду с ними на бу-

тылку-две. Но обычно он не пил на работе и никогда не испытывал потребность опохмелиться.

Как-то утром начальник цеха сказал, что его ждут у директора завода. В кабинете директора были также представитель парткома завода и заместитель директора по кадрам, вероятно работник КГБ. Директор объяснил Беленко, что заводу нужны инженеры, обладающие способностями, какие он, Беленко, показал на работе. Поэтому завод решил послать его в институт на пять лет. Во время учебы он будет получать три четверти своей нынешней зарплаты плюс дополнительно деньги на питание, квартиру и поездки. Поскольку завод имеет важное оборонное значение и учитывая его практику в ДОСААФ, он будет освобожден от военной службы. За это Беленко должен будет после окончания института отработать по крайней мере два года на заводе. Директор просил его не торопясь обдумать предложение. Ответ нужно дать через месяц.

Для любого молодого человека такое предложение было и лестным, и радостным, и Беленко от души поблагодарил директора и обещал подумать. Но в душе он уже ответил — нет. *Это болото, и оно засосет тебя, и никогда ты из него не выберешься. Да, моя жизнь будет немного лучше, чем у рабочего, но ради чего я буду жить? Здесь, на заводе, мне не к чему стремиться, нечего ждать.*

Цель была вне завода — попасть в авиацию осенью и раз в неделю провести несколько часов с Надеждой. По ее поведению в классе никому не могло прийти в голову, что ее и Беленко соединяет еще что-то личное. Но по воскресеньям, когда они ходили на каток, на хоккей, в театр, куда Надежда однажды пригласила его, или просто прогуливались в парке, ошибиться в их близости было трудно.

В конце месяца она отозвала Беленко в сторону перед началом занятий. — „Сегодня ты что-то узнаешь. Не упusti возможность”.

Перед учащимися выступил полковник, прибывший для набора курсантов в Армавирское авиаучилище на

Кавказе. В своем выступлении полковник был искренен и деловит. Хрущев верил, что достаточно иметь лишь ракеты, чтобы успешно бороться с вражеской авиацией, и по этой причине демобилизовал тысячи пилотов, которые ушли в гражданку и с годами потеряли боевые профессиональные навыки. Однако американская авиация во Вьетнаме показала, что Хрущев ошибся. Для борьбы с авиацией противника авиация так же необходима, как ракеты. Сегодня родине нужны тысячи пилотов-перехватчиков, чтобы восстановить советскую мощь в воздухе. Приняты будут только лучшие. Учеба будет продолжительной и тяжелой. Но для тех, кто преодолеет препятствия, откроются неограниченные возможности карьеры и материального благополучия. Им выпадет честь принадлежать к элите советских вооруженных сил. Те, чьи заявления будут отобраны, должны прибыть в июне в Армавир для экзаменов.

Полковник, начальник клуба ДОСААФ, помог Виктору заполнить анкету и написал хвалебную характеристику. Спустя две недели полковник из Армавирского училища сказал Виктору, что его заявление принято, и ему надлежит прибыть в Армавир для сдачи экзаменов.

Захватив три бутылки водки, Виктор пошел на завод № 13 попрощаться с товарищами. Они от души поздравляли его и, покончив с принесенными Виктором бутылками, послали купить еще. Когда он уходил, веселье становилось все более шумным.

Через несколько часов их пьяная радость уступит место унынию. Опять они окажутся в болоте. Жизнь их прошла зря. Что-то здесь не так. Знать бы, что?

Глава третья

ПЕРВЫЙ ШАГ К СВОБОДЕ

В вагоне поезда стоял въевшийся мерзкий запах пьяной блевотины, смешанный с запахами грязной уборной, давно немытых человеческих тел и несвежего белья. Мутные, засиженные мухами окна не открывались. Любое движение на голых полках с высокими прямыми спинками отдавалась болью в теле — сидеть на них долгое время было пыткой. Тем не менее Беленко переносил все это стоически, зная, что поезд увозит его от нищеты и беспросветной жизни.

На пятое утро, очнувшись от дремоты, он увидел, что поезд идет вдоль цветущих окрестностей Армавира. За окном проносились залитые солнцем зеленеющие пшеничные поля, цветущие сады, виноградники. Виктор чувствовал себя как вырвавшийся на свободу узник. Он наслаждался тишиной, чистотой и яркостью красок Армавира. Это был старый провинциальный город с булыжными мостовыми, тенистыми улицами, на которых каким-то чудом сохранились здания, пережившие революцию и войну.

Воздух был нежный, ароматный. Желая размяться, Беленко побежал в лагерь летной школы, расположенной в тринадцати километрах от города. В лагере царило настроение оживления и приподнятости. Более четы-

рех тысяч ребят из различных уголков Советского Союза приехало сюда в надежде поступить в летную школу. Каждый из них горел желанием пройти отбор, для каждого это был вопрос будущего.

Отбор был очень строгим — даже малейший физический недостаток, пусть совсем не связанный со здоровьем, закрывал перед ними двери школы. Из каждой тысячи поступавших отбирали только 360 человек. Но все это никак не отражалось на общем настроении ребят. Они вслух мечтали о подвигах в небе, о грядущей славе ассов, совершенно не думая о том, что их могут не принять в школу и послать на двухгодичную службу в пехотные, танковые или другие части как простых призывников.

Пять дней врачи осматривали, ощупывали, расспрашивали Беленко, делали рентген и, наконец, дали заключение: „годен”. Потом был письменный экзамен, требующий общей технической подготовки, а также устный экзамен по „Краткому курсу истории КПСС”. Оба экзамена не представляли для Виктора большого труда. Его имя оказалось среди первых ста восьмидесяти зачисленных в школу курсантов, список которых в конце июня был вывешен на доске.

До начала занятий оставалось больше месяца, но об отдыхе нечего было и думать. Не дав новичкам ни дня передышки, их всех сразу же бросили на тяжелые работы — разгрузку кирпича, рытье траншей, укладку бетонных плит дорожных покрытий, прополку колхозных полей.

Но вот долгожданный день наступил. Группа вновь поступивших была выстроена на плацу и торжественно приведена к присяге. После этого коротышка сержант со шрамом через правую щеку, вывел на плац двадцать курсантов, среди которых был и Беленко. Прохаживаясь вдоль строя, он вплотную подходил то к одному, то к другому, злобно сверлил глазами и чуть ли не обнюхивал каждого. Сначала Беленко подумал, что сержант с похмелья не в себе и просто валяет дурака.

Но коротышка, чуть отступив от шеренги, вдруг начал материться и угрожать:

— Ну вы, говнюки! Вы теперь солдаты. Вы хоть понимаете, что это такое? Нет? Ну, ничего, я вам покажу что значит быть советским солдатом. Вы, вашу мать, наверное думаете, что вам тут будет лафа, что в армии можно сачковать и ничего не делать? Так?

Он все больше распалял себя...

— Мы вас тут так скрутим в бараний рог, что вы будете, как вас зовут. Запомните, в армии любой приказ — это закон. Все права у командира, у вас нет никаких прав. Вы здесь скот, ничто, просто говно. И вы должны, не раздумывая, подчиняться приказам в любое время дня и ночи. Начиная с этого момента, я буду думать за вас.

Он сделал паузу, затем презрительно обвел взглядом строй и продолжал:

— Посмотрите на себя, у вас вид шпаны. Да вы и есть шпана. Чтобы в следующий раз вы выглядели как положено советскому солдату — подтянуто, аккуратно, и сапоги чтобы блестели!

Он еще долго унижал и запугивал ребят, и Беленко понял, что это все не шутка, сержант говорит серьезно.

Ну что ж, не я один — сотни, тысячи таких же как я прошли через все эти унижения. Все изменится, когда мы начнем летать.

Однако, полеты начались не скоро. После общей военно-строевой подготовки курсантов перевели на военно-воздушную базу на другом конце Армавира. Там в течение пятнадцати месяцев они серьезно изучали математику, физику, электронику, военную тактику, навигацию, топографию, аэродинамику и, конечно, основы марксизма-ленинизма и уставы. Занятия начинались в 7:30, сразу же после завтрака и утреннего смотра, и продолжались до половины восьмого вечера шесть дней в неделю. В воскресенье с утра они драили казарму, вычищая все углы и щели, после чего замполит проводил с курсантами двухчасовую беседу о международном положении.

Как-то раз армавирское телевидение готовило специальную программу о буднях летной школы. Курсантов снимали во время занятий, экзаменов, тренировочных полетов. Через несколько дней начальник школы вызвал к себе Беленко и объявил, что благодаря успехам в учебе, а также своим внешним данным, он отобран для участия в телевизионной передаче. Вся школа смотрела передачу, и после этого он стал чем-то вроде местной знаменитости.

Через полтора года курсанты получили свой первый отпуск. Им выдали также удостоверения, дающие право приобрести билет с большой скидкой для полета в любое место Советского Союза. Друзья из Москвы, Ленинграда, Киева приглашали Беленко погостить у них. Но чувствуя обязательства перед семьей, он даже не мог подумать о том, чтобы провести отпуск вне дома.

Виктор появился в Рубцовске подтянутый, стройный, в новой голубой форме и был счастлив, заметив выражение гордости на лице отца, мачеха также изменилась — стала с ним приветливой и ласковой. Было видно, что родные гордились им. Желая произвести впечатление на своих знакомых и друзей, они созвали гостей в честь его приезда: фронтового друга отца, парторга автомобильного завода и еще каких-то незнакомых Виктору людей. Беленко чувствовал себя чужим среди них. Он очень быстро понял, что это не был обед в его честь, а просто отец пригласил полезных ему людей. Но он не осуждал отца — ему просто стало жаль его. Наедине с отцом и мачехой он все время чувствовал неловкость и разделявший их барьер. Разговора по душам не получилось: они были совсем чужими друг другу и не делали попыток сблизиться. Обстановка в доме была настолько тягостной и неприятной, что уже на третий день, сославшись на какие-то дела, он уехал из дома разыскивать своих школьных товарищей.

Один из его друзей погиб в автомобильной катастрофе, другой сидел в тюрьме за спекуляцию. Еще двое

уехали в Москву, один — учиться в медицинском институте, другой — в техническом ВУЗе. Оставшиеся в Рубцовске приятели работали, в основном, на автомобильном заводе. Встреча с ними была для него скорее грустной, чем радостной. Его форма и положение как бы подчеркивали их неравенство — его обеспеченное будущее с одной стороны и бесперспективность и убогость их жизни — с другой.

В Омске Беленко встретился также со своим близким другом Юрием Сухановым, выросшим в такой же обстановке, что и он: его родители были разведены и мало обращали внимания на сына. Беленко помнил его высоким, широкоплечим, прекрасным боксером, который вполне мог войти в сборную СССР и участвовать в Олимпийских играх 1968 года. Он был человеком прямым, принципиальным и считался одним из наиболее перспективных курсантов летного училища.

Теперь же вид его испугал Беленко. Юрий сильно потолстел, выглядел лет на пятнадцать старше, потерял весь свой задор и отвагу. Судьба его была печальной, история — поучительной. Он рассказал Беленко, что из-за бокса его зрение ухудшилось настолько, что он не смог пройти очередной медосмотр и был отчислен из авиации. На ринг вернуться также было невозможно. Пришлось все начинать заново. Он пошел работать на завод электронного оборудования. Там Юрий встретил Ирину, работавшую секретаршей, и вскоре они поженились. Поначалу Юрий не хотел сдаваться и решил пойти учиться в вечерний институт, думал стать инженером. Вскоре у них родился ребенок, и жизнь Юрия настолько осложнилась, что пришлось бросить занятия в институте.

Заботы поглощали все их время. На одни только магазины уходило два-три часа ежедневно: очереди за хлебом, овощами, мясом и другими необходимыми продуктами.

Суханов пригласил Виктора посмотреть как они живут, распить бутылку. Когда они пришли, Ирина си-

дела на кровати и пеленала ребенка. Комната была маленькой: три на девять. Взрослая и детская кровати, небольшой письменный стол, один стул, шкаф и холодильник занимали почти все пространство. Готовили они на маленькой коммунальной кухне в конце коридора, уборная была во дворе. Ирина встретила Беленко приветливо. Положив ребенка в кроватку, она поставила на письменный стол, который одновременно служил и обеденным, хлеб, огурцы, рыбные консервы, вареную картошку.

Беседа друзей затянулась за полночь. Беленко много рассказывал об училище, старательно пытаясь представить все в негативном свете — тиранию начальства, трудности армейской жизни, всяческие ограничения и тупость муштры. Суханов внимательно слушал, не перебивая, и только к концу разговора сказал фразу, от которой у Беленко сразу испортилось настроение: „Служба в армии дело нелегкое, что и говорить. Но знаешь, Виктор, я бы отдал все на свете, чтобы быть на твоём месте”.

Когда Беленко приехал на завод, на котором он работал прежде, его сразу узнали, окружили плотным кольцом, расспрашивали, похлопывали по плечу, радовались... Чьи-то хриплые голоса настаивали, чтобы кто-нибудь „сгонял за соком”. Вытащив из сумки несколько бутылок водки, он почувствовал как его популярность возросла еще больше. Он расспрашивал ребят об их жизни, работе, стараясь найти хоть какие-нибудь перемены к лучшему. Но ничего не изменилось, все осталось по-прежнему, за исключением того, что грязи стало больше, а воздух удушливее. На этот раз он пил с ними наравне. Ему хотелось забыться, не видеть окружающего, не думать о нем, но водка не могла заглушить того, что он чувствовал и видел.

Вернувшись из отпуска, Беленко застал в Армавире эпидемию холеры. Занесенная с Черноморского побережья она быстро распространялась на весь район. Всему личному составу летной школы было запрещено

отлучаться с базы. Был объявлен карантин. Военные врачи ознакомили курсантов с симптомами этой болезни, отметив, что против холеры особенно эффективны водка и чеснок. Это очень удивило Беленко: он кое-что читал про холеру и знал какая причина вызывает это заболевание. *Если у нас лучшая медицина в мире, то почему холера началась именно у нас? Холерой обычно заболевают люди черной и желтой расы. Она возникает от грязи. Хотя, чему ж тут удивляться? Дерьмо, грязь и помои везде и всюду — на пляжах, в общественных уборных, около каждого жилого дома, каждой квартиры. Людям негде помыться и даже хорошенько вымыть посуду. Чего же после всего этого ожидать? Черт знает на что идут деньги. Хоть бы копейку потратили на то, чтобы облегчить людям жизнь.* За эпидемией холеры последовала вспышка опасного вирусного гриппа, который, как говорили, был занесен из-за океана.

В результате курсанты сидели безвыходно на базе всю осень и зиму. Это действовало на Беленко удручающе. А тут еще скучнейшие занятия по истории партии, политбеседы, доклады о международном положении. Чаще всего эти нудные собрания проходили под знаком разоблачения сущности американского империализма. Гвоздем программы была все та же безработица, экономические затруднения, захватнические устремления американской военщины и жестокие репрессии против инакомыслящих — сторонников мира, коммунистов... Замполит, например, утверждал, что коммунистическая партия подвергается в Америке преследованиям. *Почему же тогда в Америке существует коммунистическая партия? И почему Соединенные Штаты допускают это? Возможно ли было бы существование какой-либо другой партии в Советском Союзе?*

Для того, чтобы продемонстрировать преследования коммунистов в Америке, замполит ссылался на судьбу пресловутой Анжелы Дэвис, публично заявившей о своей принадлежности к коммунистической партии. Впоследствии она была арестована за участие в убийстве калифорнийского судьи, но вскоре, под давлением

„общественного мнения” была освобождена от судебного преследования. *Значит в американских университетах могут учиться и коммунисты? Неужели власти освободили ее, убийцу?*

Недели не проходило без того, чтобы курсантов не предостерегали против страшной угрозы, которую представляет империализм. Этим как бы оправдывались все человеческие и материальные жертвы, приносимые с целью создания самой мощной в мире армии. На тактических учениях они изучали, главным образом, американские методы ведения войны, так как Америка считалась врагом номер один, которому Советский Союз должен был противостоять. Преподаватель, летавший на МИГах еще в Корее, а затем служивший военным советником в Северном Вьетнаме, был честен в своих оценках мастерства американских летчиков. Он говорил о них как о высокопрофессиональных и смелых пилотах. Даже при численном преимуществе МИГов, взлетавших с секретного аэродрома в Китае, они предпочитали принимать бой и никогда не уклонялись. Американцы часто пренебрегали опасностью. Они, например, мало обращали внимания на зенитный огонь и всегда продолжали лететь точно к цели, стремясь выполнить задание. Американцы удивительно быстро приспосабливались к новым условиям боевой обстановки, к новым видам оружия и часто меняли тактику ведения боя. Американские летчики были необыкновенно изобретательны по части сюрпризов, которые они устраивали врагу.

Один из курсантов спросил почему американцы такие хорошие летчики? Преподаватель объяснил это тем, что Америка уже давно разработала чрезвычайно эффективную программу тренировок. У них также существует специальная система тестов, созданная психологами, при помощи которой отбираются кандидаты в ВВС. Эта система помогает выявить наивысшие потенциальные возможности каждого летчика. В американские военно-воздушные силы идут люди с университет-

ским образованием и поэтому их обучение проводится на высоком теоретическом уровне.

— Но откуда при такой насквозь прогнившей и деградирующей системе берутся такие смелые летчики, — спросил Беленко.

— Они делают это за деньги. Им платят огромную зарплату. За деньги они готовы на все.

Интересно, сколько же им платят за то, чтобы добровольно идти на смерть?

Как только вынужденное бездействие кончилось и пришло время полетов, все его сомнения отступили на задний план. Беленко и еще восемь курсантов перевели для тренировочных полетов на военно-воздушную базу, расположенную в двенадцати километрах от Грозного.

Грозный сразу понравился Беленко. Старинный город с барочной архитектурой, трамваями, идущими вдоль тенистых мощеных улиц, был очень привлекателен. Однако, из-за того, что он был расположен в низине, над городом всегда стоял туман, копоть и зловоние от расположенных вокруг нефтеперерабатывающих и химических заводов, а протекающая через город река служила открытым стоком для промышленных отходов.

Первую беседу на базе провел с ним офицер КГБ. Вновь призвав к бдительности, он поднял вопрос о чеченцах, фанатичных мусульманах, для которых были одинаково неприемлемы как власть царя, так и власть коммунистов. Во время войны Сталин, опасаясь, что чеченцы перейдут на сторону немцев, переселил их в Казахстан. В холодных и бесплодных казахских пустынях большая часть этого народа вымерла. Те, кто выжил, вернулись в хрущевские времена на родину, но их земли, дома, имущество — все оказалось в руках русских. Тогда из мести чеченцы объявили священную войну русскому населению. В 1959 году на глазах у матери был зарезан молодой матрос, только что вернувшийся

из пятилетнего плавания. В ответ на террор чеченцев русские создали патрульные отряды, и в один прекрасный день все русское население города устроило демонстрацию перед зданием горсовета, требуя принять меры. В город были введены танковые войска, и власти предупредили чеченцев, что если они не прекратят бандитские налеты на мирных горожан, то будут выселены на Крайний Север. Масштабы убийств, естественно, сократились, но отдельные случаи нападения на людей продолжались — чеченцы продолжали мстить.

„Вы должны быть осторожны, — сказал им офицер КГБ. — Родина нуждается в вас. Не подвергайтесь риску. Не спите на вахте, всегда носите при себе финку”. *Попал же я в переделку! Здесь могут тебя зарезать просто так, ни за что. И это в 1969 году, в стране, где партия, как она утверждает, решила все национальные проблемы.*

В апреле 1970 года Беленко получил назначение в учебный полк, в ведении которого находилась база МИГов-17. Полк стоял в семидесяти пяти километрах северо-западнее Армавира, около Тихорецка, небольшого городка, сорокотысячное население которого работало, главным образом, на консервном и винном заводах. Здесь курсанты пользовались всеми привилегиями военных летчиков, хотя и не на таком уровне, как офицеры полка. Они вставали в четыре утра, получали обильный завтрак, затем совершали два-три полета и вторично завтракали в 9:30; около часа они отдыхали, а в полдень им подавали обед, всегда включавший мясо и фрукты. После обеда начинались занятия — тактика, аэродинамика, технические принципы современного самолетостроения, история партии. Если курсантов не посылали на уборку фабричных помещений или помогать колхозникам, то они регулярно получали увольнительную на субботу и воскресенье и даже могли ночевать в городе.

Беленко повезло — он вновь получил хорошего летного инструктора, 24-летнего лейтенанта Николая Швар-

цова, который мечтал стать летчиком-испытателем и был вполне достоин этого. Но ему пришлось отказаться от своей мечты — не было нужных связей в Москве, а без этого стать летчиком-испытателем почти невозможно. Шварцов учил Беленко: если МИГ-17 попадает в штопор — немедленно прыгай. Из штопора выйти очень трудно. Можно построить другой самолет, но нельзя вернуть жизнь. К этой инструкции он добавил: „Давай будем искренни, только тогда можно доверять и помогать друг другу”. В течение всей совместной службы они сохранили хорошие дружеские отношения.

МИГ-17 — легкая, быстрая, маневренная машина, и Беленко было приятно летать на ней. Вьетнамская война доказала, что на небольшой высоте этот самолет может соперничать с американским Фантомом Ф-4.

Каждые 4-5 недель полк получал секретные разведывательные данные, содержащие сведения о новейших американских самолетах — их характеристики, достоинства, недостатки, объем выпуска, где и для каких целей они предназначены. Отчеты были исключительно точными и объективными.

Когда Беленко по привычке быстро проглядывал описание нового американского истребителя Ф-14, ему неожиданно пришла в голову мысль: как важны эти данные. Он вновь перечитал отчет. Истребитель оборудован радарной установкой, обнаруживающий самолет на расстоянии трехсот километров, снабжен автоматической системой управления огнем и одновременно посылает шесть ракет, которые с расстояния в 130 км могут поразить шесть самолетов противника. И все это на скорости в четыре раза превышающей скорость звука.

Наши радары, когда они исправны, имеют радиус действия 80 км, а наши ракеты, если они в порядке, — 30. Как же мы можем противостоять Ф-14? Они собьют нас еще до того, как мы их обнаружим.

На следующем занятии Беленко задал этот вопрос преподавателю аэродинамики. „Каждый самолет, — от-

ветил тот, — имеет отдельные недостатки, которые необходимо знать, учесть и в нужный момент использовать. При значительном численном перевесе, вполне возможно атаковать Ф-14”.

Но это же курам на смех! Если данные нашей разведки точны, Ф-14 может легко уйти при нашем приближении.

Другой преподаватель, читающий технику строительства современных самолетов объяснял Виктору: „В настоящее время у нас нет машины, равной Ф-14. Мы пытаемся разработать такой тип истребителя, который мог бы соперничать с американским. Эти секретные работы ведутся под номером 84”.

В дальнейшем ознакомление с характеристикой самого совершенного американского истребителя Ф-15, а затем с данными бомбардировщика Б-1 еще больше усугубило опасения Беленко. Скорость полета Ф-15 почти в три раза выше скорости звука, и он способен подниматься на высоту в двадцать тысяч метров гораздо быстрее, чем любой другой самолет в мире. На небольшой высоте, где проблема усталости металла делает полеты советских самолетов опасными, Ф-15 превзошел все, что когда-либо выпускалось в СССР. Преимущества Б-1 не поддавались описанию. С расстояния в несколько тысяч километров он может поражать цель с помощью ракет, оснащенных устройствами для нейтрализации и обмана радаров. Кроме того, Б-1 имеет на борту атомное оружие, способное прорвать любую оборону. Б-1 может летать очень низко, вне досягаемости радара и ракет, и со скоростью, исключающей возможность преследования, и позволяющей ему благополучно миновать зону досягаемости. Сбросив атомные бомбы, он может быстро подняться на огромную высоту и уйти на скорости более 2250 километров в час.

Преподаватель также объяснил курсантам, что в настоящее время Советский Союз не располагает ни практическими, ни теоретическими средствами защиты против Б-1, если возможности этого самолета действительно совпадают с описанием. Однако история войны

показала, что против каждого наступательного оружия появляется в конце концов эффективное оборонительное. Так несомненно случится и на этот раз. В данный момент этому мешают различные технические причины.

В июле 1971 года Виктор сдал последний летный экзамен и получил не только высокую оценку, но и благодарность от начальника школы. 258 курсантов из 360 должны были вернуться в Армавир для сдачи государственных экзаменов. Но вот и эти экзамены позади. Больше четырех лет ушло на то, чтобы получить военное образование. И всего он добился сам, выдержав гнетущую обстановку училища, грубость начальства и другие тяготы солдатской жизни. Виктор стал тем, кем мечтал быть с детства. И он гордился собой.

После экзаменов отношение к курсантам со стороны преподавателей резко изменилось. Беленко почувствовал какие преимущества дает офицерское звание советского пилота. Это было открытием.

В то время как врач или научный работник получал в месяц 120-130 рублей, а учитель — только 100, он зарабатывал — 300. Очереди на квартиру обычная советская семья ждала семь-восемь лет, а зачастую и того больше. Большинство людей жило в домах без водопровода. Беленко же, как пилоту, полагалась квартира со всеми удобствами, где бы он ни служил. Рядовые советские граждане тратили на питание основную часть своего бюджета, мясо и овощи часто отсутствовали в магазинах и на то, чтобы их достать уходило много времени. Летчики на всех военбазах получали прекрасное четырехразовое питание семь дней в неделю. У обычных служащих был двухнедельный годовой отпуск. Летчики имели право на сорок пять отпускных дней. Кроме того, во время отпуска они могли покупать авиабилеты с большой скидкой. Пенсионный возраст для рядовых граждан — шестьдесят лет. Беленко мог уйти в отставку в 45 и получать две трети своего оклада весь остаток жизни. Были и другие преимущества — более высокий

уровень медицинского обслуживания, бесплатное обмундирование и обувь, престижность положения.

Как-то в разговоре замполит коснулся темы женитьбы. Он подчеркнул все преимущества брака как в личном плане, так и для карьеры. Вряд ли этот разговор оказал какое-то влияние на курсантов, тем не менее большинство из них обзавелись семьями сразу же после окончания училища. В конце августа на свадьбе одного из своих друзей Беленко познакомился со своей будущей женой, Людмилой.

Среда, в которой воспитывалась Людмила, резко отличалась от условий, в которых вырос Виктор. Единственная дочь обеспеченных родителей, Людмила никогда не работала, вела светский образ жизни, сорила деньгами, разъезжала по курортам. И хотя ей было чуждо все, чем жил Виктор — книги, спорт, романтика полетов — они так увлеклись друг другом, что уже после нескольких встреч решили сыграть свадьбу.

Мечтой Беленко всегда было и оставалось стать летчиком-испытателем. У него были далеко идущие планы: сначала попасть в эскадрилью МИГов-17, затем овладеть техникой полетов на МИГах-23 и, наконец, летать на МИГах-25, которые лучше других советских самолетов могли конкурировать с американскими истребителями семидесятых годов. Каково же было его разочарование, когда парткомиссия объявила о его назначении инструктором на МИГ-17. Он не сможет расти профессионально и летать на более совершенных машинах! А радость полетов и ощущения связанные с этим! Беленко направился к начальнику школы просить о перемене назначения.

— Вам оказана честь, и вы должны это ценить, — сказал генерал. — Парткомиссия отбирает лучших на должность инструкторов.

— Но я не хочу быть инструктором!

— ВВС — не бордель, где каждый делает, что хочет. Вы будете служить там, где необходимо родине. Сейчас нам очень нужны инструкторы.

Холодным дождливым декабрьским вечером Беленко сел на поезд, увозящий его к месту назначения. Настроение было подстать погоде. До места будущей службы — города Сальска, с шестидесятитысячным населением, было около 160 км, но поезд часто останавливался и прибыл только в два часа ночи.

Когда под проливным дождем Виктор добрался до единственной в городе гостиницы, свободных номеров не оказалось, а доехать до базы, расположенной в восьми километрах от города, было не на чем. Пришлось возвращаться на вокзал, где на скамьях и на полу лежали люди, негде было даже присесть. Колхозники, приехавшие в город за хлебом, солью, мылом, бродяги и нищие, грязные дети — все спали в душном вокзальном зале.

На рассвете милиционер остановил грузовик и велел шоферу отвезти лейтенанта на базу. Настроение улучшилось, когда ему и другим приехавшим офицерам вручили ключи от квартир в новом доме. Знать, что у тебя будет собственная квартира — одно дело, держать в руках ключи — совсем другое. Но радости его пришел конец, когда он открыл дверь квартиры: пол из сырых досок горбился, штукатурка отваливалась от стен, оконное стекло в кухне было разбито, из крана не текла вода, туалет не работал. Беленко вместе с другими офицерами пошел к коменданту, ответственному за строительство дома. Тот, однако, сказал, что здание проверено и принято комиссией из их полка. Вскоре выяснилось, что ни один член комиссии не переступил порога дома, а приемный акт был подписан в ресторане за бутылкой.

Всю неделю Беленко изучал педагогику, психологию, методологию, посещал политзанятия, а в выходные дни ездил к Людмиле в Армавир. Ночами он ремонтировал квартиру. Материалы доставал через начальника стройуправления в обмен на водку. К концу декабря ремонт был наконец закончен — квартира выглядела довольно привлекательно.

Однажды ночью он проснулся от удара, за которым последовал страшный грохот — здание треснуло. Из квартиры Беленко через трещину в стене была видна улица. Много сквозных трещин было и в других местах. Отряды рабочих, краны и грузовики были брошены на спасение здания. Его, как бочку, обвязали стальными поясами, а изнутри укрепили балками. Принятые меры лишь ненадолго задержали разрушение здания. Недели через три здание настолько прогнулось, что стало походить на архитектурное чудо.

И все-таки это была своя собственная квартира, и он хотел как можно лучше ее обставить к приезду Людмилы, заканчивавшей весной медучилище. Виктор накопил 1500 рублей, включавшие и те 600, которые ему выдали при получении офицерского звания. За 450 он купил телевизор, 300 истратил на холодильник и 250 рублей на диван-кровать. Оставалось 500 — их он отложил на свадебное путешествие в Ленинград.

Подполковник, обучавший инструкторов и считавший дни, когда выйдет в отставку, любил поучать молодых лейтенантов. Беленко впоследствии часто вспоминал его слова: „Чтобы преуспеть, ты должен брать пример с собаки — знать где и когда лаять, а где и когда лизать”. „Советский пилот без карандаша, все равно, что мужик без члена” и т.д. Этот подполковник рассказывал такой анекдот. Через двадцать лет после окончания военной академии встретились два друга. Один стал генералом, другой все еще был капитаном. „Почему ты генерал, а я только капитан?” „Сейчас я тебе все объясню”, — ответил генерал. Он взял камень, подержал его около уха, затем протянул его капитану и спросил: „Ты слышишь шум?” Капитан послушал и бросил камень: „Нет, никакого шума я не слышу”. „Вот почему ты все еще капитан, — сказал генерал. — Генерал говорит, что камень производит шум, а ты говоришь „нет” генералу”.

Чтобы его не обвинили в том, что он ведет аморальные, антисоветские разговоры, подполковник всегда

с деланной серьезностью добавлял, что так говорят только те, кто имеет неправильное представление о советской армии. Виктор, однако, прекрасно понимал, что все это правда.

Вскоре после того, как Беленко приступил к обязанностям инструктора, руководство полка решило ввести расширенную и ускоренную программу тренировок, не увеличивая при этом численности персонала и количества учебных самолетов. Если раньше каждому инструктору для обучения трех курсантов давали два МИГа-17, двух бортинженеров и четырех бортмехаников из рядового состава, то теперь Беленко должен был обучать шестерых курсантов при том же составе обслуживающего технического персонала. В хорошую погоду полеты продолжались весь день, без перерыва. По-прежнему летать было удовольствием для Виктора, хотя он предпочитал летать один.

Однако самой трудной была работа на земле. Беленко не только руководил группой в двенадцать человек, но и отвечал за поведение курсантов. Он должен был докладывать о каждом их шаге, подмечать каждую деталь и представлять по первому требованию замполита в письменном виде.

Полеты обычно начинались в четыре утра. Виктор страшно уставал, делая по девять полетов в день. Ожидания на исходе дня его вызвал замполит.

— Что же получается, товарищ лейтенант? Вы, оказывается, совсем не знаете своих людей. Не проводите никакой воспитательной работы?

— Не понимаю. Что вы имеете в виду?

— Прочтите это. — Замполит протянул Беленко письмо, написанное его бортмехаником своим родителям и вскрытое особистом. Солдат описывал свою жизнь — отвратительное питание, тесноту в казарме и „темную” — страшный обычай избивать новичков по ночам.

— Это письмо позорит нашу армию.

— А вы посмотрите на дату — письмо написано

задолго до начала моей службы здесь.

Это ничуть не смутило замполита.

— Покажите ваш план работы с этим солдатом.

Беленко передал тетрадь, которую ему полагалось всегда иметь при себе.

— Ну, теперь все ясно: не упоминается ни одной работы Л.И. Брежнева!..

Сволочь! Съездить бы этой тетрадью по твоей толстой харе. Что ты знаешь о нашей работе? Тебя бы заставить петать, ты бы сразу наложил полные штаны.

— Да, это была моя ошибка. Постараюсь, чтобы больше это не повторялось.

Беленко постоянно подвергался нападкам из-за поведения одного из своих бортинженеров, который крал, пил, а иногда и продавал спирт, предназначавшийся для охладительной и тормозной системы МИГа-17. Весь полк — командир, офицеры, солдаты, сам Беленко пили этот спирт потому, что он был бесплатный и чище, чем водка, продаваемая в магазинах. Неудивительно, что спирт высоко ценился на черном рынке. В полку его называли „белое золото“. Пили все, но бортинженер пил постоянно и больше других, всегда ходил шатаясь, устраивал скандалы и, как говорило начальство, служил плохим примером для остальных.

Несколько раз пытался Беленко воздействовать на бортинженера, который был на 16 лет старше его и прослужил в авиации двадцать два года. Увещевал, просил, угрожал — все было напрасно.

В конце концов Беленко получил выговор за то, что „не справился со своими обязанностями“. В ответ он написал рапорт, в котором рекомендовал подвергнуть бортинженера принудительному лечению или уволить в запас. На следующее утро Виктора вызвал командир полка и сказал, что если он возьмет свой рапорт обратно, выговор с него будет снят, а бортинженера переведут в другой полк. Беленко удивился, но согласился.

Требования, предъявляемые к качеству тренировки

курсантов постоянно снижались из-за указа выпускать как можно больше пилотов. В свою бытность курсантом Беленко налетал 300 часов, из них 100 на Л-29 и 200 на МИГ-17. Теперь же курсанты летали только 200 часов, да и то часть их приписывалась, ибо ни у курсантов, ни у инструктора не было никакой возможности выполнить все полеты.

В обычный день Виктор вставал затемно, чтобы успеть на 4-х часовой автобус, доставляющий его на базу. Там он завтракал, проходил медосмотр и давал курсантам основные указания. Первый полет начинался в семь утра. И так до часу дня, после чего все шли обедать. С двух до трех командир эскадрильи проводил собрание, на котором разбирались ошибки и промахи допущенные инструкторами, курсантами и техническим персоналом. За собранием следовала бумажная волокита, потом снова занятия с курсантами — до самого ужина. Домой Беленко возвращался в 7:30 и сразу же ложился спать.

Когда наступало воскресенье, единственным желанием Виктора было побыть дома, Людмилу же постоянно тянуло куда-нибудь пойти. Однообразие их жизни тяготило ее. Она ненавидела Сальск, не могла смириться с жизнью в военном городке, с положением жены военнослужащего. После участвовавших грабежей летчикам вообще было запрещено появляться в Сальске с наступлением темноты. Беленко уговаривал жену потерпеть: он будет добиваться перевода на другую базу, которая была бы расположена поближе к большому городу.

Другой проблемой были деньги. Людмила получала 65 рублей в месяц, что вместе с 300 рублями, которые зарабатывал Беленко составляло весьма приличный доход. Однако они часто сидели без денег, так как Людмила то и дело летала к родителям в Магадан. Она постоянно упрекала мужа в том, что он мало зарабатывает. Первое время он пытался оправдать ее: молодая еще; поймет, когда станет старше; жизнь научит... Но этого не случилось.

В надежде вернуть счастливые дни свадебного путешествия, Виктор решил поехать с Людмилой в отпуск в Ленинград. За неделю до отъезда выяснилось, что большую часть сэкономленных на поездку денег Людмила истратила на кольцо (140 рублей!). Виктор возмутился, на что Людмила заявила, что решила развестись с ним и уехать к родителям. Он стал просить ее не делать этого: оба они переживают кризис, через который проходит все супружеские пары. Наступило затишье. Вскоре после этого Людмила забеременела. Появилась надежда, что новые общие заботы и интересы укрепят их пошатнувшиеся отношения.

В январе 1973 года в семье Беленко родился сын — Дмитрий. Оба испытывали радость и гордость. Но пора относительного взаимопонимания длилась недолго. Работая по двенадцать, а то и четырнадцать часов в сутки, Виктор редко видел сына. Их отношения постепенно перешли в молчаливую вражду...

На базе тем временем все шло своим чередом: полеты, занятия, политбеседы. Теперь темой бесед стало Уотергейтское дело. Об этом говорили на каждом собрании, стараясь представить Америку, как символ загнивания и деградации капиталистической системы.

Лейтенант Николай Кротков позволял себе больше других саркастические замечания по поводу публикуемых в центральных газетах писем Брежневу от рабочих и колхозников, которые выглядели наивной подделкой. „Давайте напишем Леониду Ильичу о наших говенных самолетах. Пусть пришлет нам что-нибудь получше, Ф-15, например”. Кротков был одним из самых одаренных людей в полку: окончил школу с золотой медалью, прекрасно пел и играл на гитаре. Однажды, после ужина, Кротков, размахнувшись, с силой ударил гитарой по дереву, разбив ее на куски. Позже, успокоившись, он рассказал друзьям что произошло. „У тебя слишком длинный язык, — сказали ему гбэшники в особом отделе, куда он был вызван. — Если будешь

продолжать в том же духе, вылетишь из армии с треском и работы не найдешь, несмотря на свою золотую медаль. Так что очень советуем прекратить распевать свои песенки и читать запрещенные стихи". Беленко вдруг вспомнилось: „...Где так вольно дышит человек”.

Вскоре после инцидента с Кротковым до Беленко, назначенного в то время инструктором на СУ-15, дошел слух, что какой-то пилот похитил транспортный самолет АН-2 и пытался перелететь в Турцию. Однако МИГи перехватили его над Черным морем и заставили сесть. *Если бы я был на СУ-15, и у меня было бы достаточно горючего, они бы меня никогда не поймали.*

Эта внезапная мысль показалась ужасной и постыдной. Он дал себе слово никогда не думать об этом.

Осенью 1975 года Беленко решил официально просить о переводе в эскадрилью МИГов-25. Командиры полка старались отговорить его. Но Виктор настаивал. Согласно уставу каждый из начальников обязан был поставить на заявлении свою резолюцию и передать его по инстанции. Наконец рапорт-прошение лег на стол начальника школы, генерал-майора Голодникова.

Генерал, дородный, лысый человек, лет около шестидесяти, сидел за большим полированным столом в огромном кабинете. На окнах висели красные шторы, стены были увешены картами, на полу лежал дорогой восточный ковер. Беленко, которому никогда раньше не приходилось сталкиваться с генералами, был удивлен его приветливостью и любезностью.

Да, он понимает и даже одобряет желание молодого офицера перейти в боевую часть. Он сам предпочел бы служить в группе советских войск в Германии или на Дальнем Востоке, где можно проявить себя в условиях, наиболее приближенных к боевым. Но долг каждого офицера служить там, куда его посылает партия. А партии он нужен здесь. Поэтому Беленко должен забрать свое заявление, съездить в отпуск и вернуться к своим обязанностям. Если же у него есть какие-либо

затруднения, например, с квартирой, все это можно легко уладить.

Виктор поблагодарил генерала, но сказал, что инструктором служит уже четыре года. Став высококвалифицированным пилотом, а достигнуть этого можно только совершенствуя технику на более современных машинах, он, без сомнения, принесет стране больше пользы.

— Беленко, давай будем откровенны, — сказал генерал. — Ты блестящий инструктор и прекрасный офицер. Тебе хорошо известно, что многие молодые инструкторы, которых нам присылают, не имеют достаточной подготовки. Не думай, что всю жизнь ты будешь инструктором. Через два года я уйду в отставку. У меня большие связи в Москве. Придет время, и я позабочусь о том, чтобы помочь тебе.

Когда Беленко во второй раз сказал „нет”, Голодников сбросил маску добродушия и благожелательности:

— Не советую портить со мной отношений.

— Но, товарищ генерал, я действую в соответствии с уставом.

— Твоя просьба отклоняется.

— Товарищ генерал, по уставу она должна быть направлена выше по инстанции.

— Считаю вопрос решенным. Вы свободны, лейтенант. Можете идти.

Беленко посмотрел генералу прямо в глаза.

— Можно вам кое-что сказать, товарищ генерал?

— Что ж, говори.

— Я останусь в школе. Буду работать еще лучше: учить курсантов летать, следить за дисциплиной, бороться с пьянством, воровством спирта, обманом, которым заражена вся школа. По уставу я могу, если считаю нужным, подать рапорт министру обороны обо всем, что происходит в школе.

— Ты не сделаешь этого.

— Почему не сделаю? Я ведь буду действовать точно по уставу. Прежде всего напишу о гибели лейтенанта

Любаха и его курсанта. Комиссия написала в своем заключении, что это был несчастный случай. Но это было убийство. Вы сами сказали, что многие из наших инструкторов не достаточно квалифицированы. Почему же им дают диплом? Почему личное дело Любаха послали на время в боевую эскадрилью? Чтобы все выглядело будто у него был опыт полетов в боевой эскадрилье, хотя все знали, что он не умел летать? Почему ему разрешили лететь с курсантом?

Генерал вспыхнул: „Это не твое дело”.

Беленко рассказал о полковнике, который устраивал судилища над офицерами, стараясь показать как он борется с пьянством, а на самом деле возглавлял хищение спирта в огромных количествах и даже использовал военные грузовики для перевозки его в Сальск для продажи на черном рынке. „Я знаю об этом и уже принял меры”, — сказал генерал.

— А вот еще один случай...

— Хватит! Все, что ты говоришь, не имеет отношения к твоим обязанностям инструктора. Это настоящий шантаж.

Он нажал кнопку. Появился адъютант.

— Вызовите ко мне начальника госпиталя. И чтобы явился немедленно.

Беленко встал, отдавая честь, и попросил разрешения уйти.

— Нет, Беленко, останься. У тебя была возможность уйти. Теперь поздно.

Вскоре в кабинет вошел полковник Маленков, подтянутый, сдержанный, в безукоризненно сидящей форме.

— Этот лейтенант срочно нуждается в тщательном медицинском осмотре, — сказал генерал.

— Дмитрий Васильевич, только две недели тому назад я сам провел тщательную проверку физического состояния Беленко.

— Я говорю о психическом обследовании. Уверен, что осмотр подтвердит мои опасения...

На Беленко надели рваный халат и заперли в палате. Его изолировали, очевидно, с целью запугать, сломить волю. С ним не разговаривали, его сторонились. Но все это дало Виктору время собраться с мыслями, обдумать ситуацию и решить, как себя дальше вести. Он понял, что не должен делать ничего такого, что может показаться странным, не совсем нормальным.

Через три дня его вызвал к себе Маленков. Когда они остались вдвоем, врач плотно закрыл дверь кабинета.

— Я не сомневаюсь, что вы говорили генералу правду, Виктор Иванович. Несколько случаев и мне известны. Но, дорогой, зачем вам плевать против ветра? Научитесь сдерживать себя. Голодников неплохой мужик, мы с ним друзья. Вы вывели его из себя и вынудили пойти на крайние меры. Если я скажу, что в тот момент вы находились в состоянии переутомления, что теперь осознали свою ошибку и сожалеете о случившемся, я почти уверен — все будет забыто.

Если я соглашусь, то никогда не прощу себе этого. Для чего я живу? Чтобы унижаться и лгать за кусок хлеба?

— Я не могу лгать.

Маленков нахмурился.

— Теперь вы и меня вынуждаете на крайние меры. К сожалению, вам придется пройти психиатрический осмотр.

Маленков мог бы пригласить для осмотра местного гражданского или военного психиатра, но он повез Беленко в Институт психиатрии в Ставрополь. Там у него был друг, известный психиатр, имени которого Виктор не запомнил. Когда они приехали, Маленков сказал Беленко: „Все, что от вас требуется — это сохранять спокойствие и говорить правду”.

Сначала Маленков вошел в кабинет один. Минут через двадцать вызвали Беленко. Маленкова в кабинете уже не было.

— Расскажите, почему вы к нам попали? — попросил врач.

Виктор подробно передал свой разговор с генералом.

— Значит, вы, ни больше, ни меньше, как взбунтовались! — воскликнул психиатр. — Вы либо больны, либо очень смелый человек.

Он начал расспрашивать Беленко о его жизни, начиная с раннего детства. Их беседа длилась с небольшим перерывом почти три часа. Ни по поведению, ни по репликам Беленко не мог определить реакции врача на свои ответы.

— Итак, лейтенант, чего вы добиваетесь?

— Я хочу летать. На истребителе. Хочу расти профессионально. И не хочу жить в обстановке лжи и лицемерия.

— Нормальное стремление. Ну, пока все. Можете идти.

Проводив Беленко до двери, врач крепко пожал ему руку и тихо сказал: „Счастливо, лейтенант. И не беспокойтесь, все обойдется”.

Вскоре Беленко убедился в искренности его слов. К Виктору зашел товарищ по армавирскому училищу, приехавший на базу в составе специальной комиссии. Из-за проблем со слухом ему пришлось бросить летать, и теперь он работал в отделе кадров при штабе войск ПВО. Он поздравил Беленко. Виктор не понял с чем. „Разве тебе еще не сказали? Ты получил назначение в эскадрилью МИГов-25, которая дислоцируется на Дальнем Востоке. Генерал дал тебе потрясающую рекомендацию. Ты, верно, все четыре года только и делал, что лизал ему зад”.

Беленко не спросил, упоминается ли в его бумагах визит к психиатру. Наверное, нет. Одно было очевидным — Маленков, один или со ставропольским врачом, убедили Голодникова, что лучше исполнить просьбу Беленко и отослать его подальше, чем устраивать комедию с „невменяемостью” лейтенанта.

Беленко был рад назначению, но чувствовал, что пятно останется — ему этого не забудут и не простят. А по полку тем временем уже пополз слух о том, что

Виктор попал на учет в психбольницу. Кротков и несколько других инструкторов продолжали относиться к нему по-дружески, остальные — сторонились, боялись, что их увидят рядом.

Это как в „Зове предков“, когда вся стая нападает на раненую собаку из своей же упряжки и добывает ее. Я со всеми был в дружеских отношениях, каждого считал человеком. Теперь они напоминают мне волчью стаю. Система сделала их такими. Мне даже нечего сказать в свою защиту. Если бы не Маленков, я бы на самом деле оказался в сумасшедшем доме.

Если раньше он старался гнать от себя подобные мысли, что-то удерживало его от выводов, которые могли бы привести к непоправимым последствиям, то теперь все прорвалось наружу, и он больше не мог себя контролировать.

Вскоре семья Беленко переехала в Чугуевку. Первую неделю Людмила проплакала. По сравнению с этой деревней, стоящей в глухом лесу недалеко от границы с Кореей и Китаем, даже Сальск казался раем. Улицы в Чугуевке не были асфальтированы и освещены, непокрашенные сборные бараки производили удручающее впечатление. Уборные были во дворе, над открытыми помойками тучами роились мухи, и вонь стояла как в жару на мусорных свалках. В магазинах Чугуевки нельзя было достать ни мяса, ни сосисок, ни овощей. Фрукты и овощи покупали, главным образом, на базаре, который был открыт только по воскресеньям.

Местные жители, среди которых было немало сосланных украинцев, работали на лесопильном и химическом заводах или в соседнем колхозе. Территория химического завода была огорожена проволокой под током высокого напряжения. Каждое утро туда тянулась колонна бритоговых эсков, в сопровождении вооруженных автоматами конвоиров и охранных собак. Их серые лица и пустые глаза, рваная одежда и обувь — все это Беленко уже видел однажды, в Рубцовске, двадцать лет назад...

Через несколько дней после приезда Беленко попал на закрытое собрание летного состава. Там он не услышал ничего нового: пьянство и воровство авиационного спирта были и здесь постоянным явлением. Солдаты отказывались есть еду, которую им давали в столовой, затевали драки, сбегали со службы на несколько дней, писали домой об ужасных условиях. Письма, конечно, попадали в руки органов, но командиров волновало не это. „В любой день может быть инспекция, которая выявит нашу полную неподготовленность к боевым действиям, — говорил подполковник Шевцов. — Каждый из нас несет ответственность за то, что происходит в полку”. Солдатам он советовал разъяснять, что трудности временные и в будущем все наладится.

Положение в полку не отличалось от других мест. Развал дисциплины, аморальное поведение личного состава, и в результате полный хаос царил во всех частях Дальневосточного военного округа.

В Чугуевке три эскадрильи МИГов-17 были недавно заменены эскадрильями МИГов-25 (36 боевых машин и несколько моделей с двойным управлением для учебных полетов). МИГ-25, как более сложная машина, требовал в четыре-пять раз больше обслуживающего персонала — инженеров, механиков, специалистов по электронике и бортовому вооружению, чем МИГ-17. В течение двух месяцев, предшествующих приезду Беленко, число солдат, офицеров и специалистов в Чугуевке возросло в четыре раза, а люди все продолжали прибывать. К их приезду не были подготовлены ни квартиры, ни столовые. Семье Виктора еще повезло — они делили двухкомнатную квартиру только с одной семьей: в соседней комнате жил бортиженер с женой и двумя детьми. В других квартирах жило по три-четыре семьи и там то и дело возникали скандалы. Людмила устроилась работать медсестрой в поликлинике, и это также было удачей.

Все офицеры по очереди должны были нести суточное дежурство, патрулировать казармы, столовые и сле-

дять за дисциплиной. То, что Беленко увидел в свое первое дежурство, поразило его. В казармах, рассчитанных на сорок человек, размещалось 180-200 солдат. Койки стояли вплотную, и теснота была такая, что нельзя было сделать движение, чтобы не задеть кого-нибудь. В каждой казарме было только два умывальника. Нижнее белье меняли раз в неделю и раз в десять дней солдат возили в баню.

Перегруженность столовых исключала возможность размещения всех солдат. Пока ела одна группа в сорок человек, другие сорок стояли позади них в ожидании места и посуды. На завтрак каждый солдат получал 150 г хлеба, 10 г масла, 20 г сахара и чай. Обед состоял из жидкого супа, каши с одним или двумя кусочками сала и кружки киселя. Ужин был таким же, как завтрак. Единственным развлечением как солдат, так и офицеров был телевизор — больше на базе нечего было делать и некуда было пойти. Зато спирт был доступен в неограниченных количествах. Для семнадцатиминутного полета без дозаправки горючим МИГу-25 требовалось 14 тонн реактивного топлива, а для тормозной и электронной систем — полтонны спирта. МИГ даже прозвали „летающим рестораном”. Офицеры и начальство с соседних баз под любым предлогом старались попасть в Чугуевку, чтобы поживиться спиртом.

Как-то Беленко послали на центральную тренировочную базу под Москвой, где он провел несколько недель. Когда он вернулся, Чугуевку лихорадило: в результате эпидемии дизентерии почти половина личного состава вышла из строя, два солдата покончили с собой, более двадцати — дезертировало. Солдаты были на грани открытого неподчинения. Из-за нехватки горючего прекратились полеты. Именно в это время американские разведывательные самолеты SR-71 подлетали почти вплотную к границе и фотографировали территорию вглубь на сотни километров с помощью специальных кинокамер с угловым объективом. Они дразнили МИГи — то преследуя их, то преграждая им путь, то подни-

маясь на высоту, недостижимую для советских самолетов, и мгновенно исчезая, развив скорость, с которой МИГи не могли соперничать.

Московское начальство приходило в ярость, а Шевцов пребывал в постоянном страхе в ожидании расследования. Плохие предчувствия его не обманули: в полк пришло сообщение, что приезжает начальник политуправления округа для беседы с офицерами.

„Товарищи офицеры, — начал свою речь начальник политуправления, — положение у вас в полку очень серьезное — прямо-таки отчаянное. Вокруг летают американские самолеты, шпионят, день и ночь следят за каждым нашим шагом, а вы тут благоденствуете. Вы забываете, что и Китай рядом. Партия требует усиления бдительности, повышения боевой готовности и боевого духа. Страна дала вам совершенные машины, все самое лучшее, чем располагает наша техника. И что же получается? Пьянство стало таким распространенным явлением у вас в полку, что вы не в состоянии ни продемонстрировать врагу нашу мощь, ни оказать ему сопротивления”...

Беленко почувствовал неприязнь к этому человеку. *Мы обо всем этом уже слышали. Это все равно, что прислать грамофонную пластинку вместо человека.*

Вскоре на Виктора свалилась беда. После многочисленных ссор Людмила объявила о своем уходе. Все попытки сохранить семью окончились неудачей. Она согласилась остаться в Чугуевке до октября, пока не закончится ее работа в поликлинике, и потребовала, чтобы Виктор не навещал их в Магадане. Это, мол, будет только травмировать ребенка. Людмила так последовательно и твердо требовала развода, что у Виктора не было ни сил, ни желания сопротивляться.

В конце июня Шевцов экстренно собрал офицеров на закрытое собрание, на котором рассказал о ЧП, случившемся в пехотном полку, расположенном в 60 километрах от их базы. Два солдата застрелили офицера

и двух рядовых, забрали автоматы, продовольствие и двинулись через лес к морю, намереваясь захватить катер и уплыть в Японию. Несколько дней они скрывались в лесу а потом вступили в перестрелку с преследующим их отрядом и были убиты. У них были найдены записи, содержащие „злостную клевету” на советскую армию, и „подло искажающие” жизнь советских солдат. Все это вызвало в Москве такой гнев, что министр обороны решил лично посетить Дальний Восток. Ждали его и в Чугуевке.

Будущее каждого офицера зависело теперь от того, какое впечатление произведет на министра их полк. Было решено срочно провести шоссейную дорогу от посадочной вертолетной площадки до базы длиной в шесть километров. Весь полк был брошен на строительство дороги. Это был приказ сверху, Шевцов не мог бы сам предпринять такое дорогостоящее строительство. Как бы там ни было, угрозы со стороны Запада и Китая отошли на второй план. *Это просто невероятно! В честь приезда начальства мы, оказывается, можем построить все, что угодно!*

Вскоре последовал новый приказ — украсить ландшафт вдоль дороги: министр любит природу. Для этого понадобилось расчистить тайгу и посадить вдоль шоссе молодые деревца. *Но ведь всем известно, что нельзя пересаживать деревья в середине лета.* Однако, приказ есть приказ. И на грузовиках были доставлены сотни молодых сосен, елей и тополей. Все деревья, конечно, погибли. Начальство было очень недовольно таким своеволием природы, как вдруг кому-то в голову пришла спасительная мысль: оставить все как есть, а перед самым прибытием министра опрыскать деревья зеленой краской... Увы, все это оказалось ни к чему: в начале августа из Москвы сообщили, что из-за болезни министра его приезд отменяется.

Снова пришло время полетов. Начало было трагическим — пилоты слишком долго не летали. Отсутствие тренировок сказалось уже на второй день. Один из лет-

чиков, идя на посадку через плотный слой облаков, вдруг почувствовал головокружение и, потеряв ориентацию, катапультировал. Самолет разбился, принеся ущерб в миллионы рублей. Второй случай был еще страшнее. Самым трудным моментом для летчика, пилотирующего МИГ, является взлет. Место взлета обозначено на полосе яркой линией и сигнальными устройствами. Если, достигнув обозначенной полосы, самолет не успевает оторвать от земли, пилоту не разрешается взлететь — он должен немедленно выбросить тормозной парашют и привести в действие тормозную систему. Только в этом случае он успевает вовремя остановить самолет. Но однажды случилось, что пилот не успел вовремя остановиться, и МИГ занесло на шоссе. В этот момент мимо проходил рейсовый автобус, и крыло МИГа, как стальной нож, срезало верх автобуса. Пятеро детей, три женщины и двое мужчин были убиты на месте, остальные — тяжело ранены.

В летном деле катастрофа может произойти в любой момент, даже если пилоты совершают регулярные полеты, но в данном случае это нельзя было отнести за счет неполадок в самолете или за счет других объективных причин.

В ту ночь Беленко тщетно старался уснуть и отогнать мысль о необходимости принять решение. Он сказал Людмиле, что должен поехать на базу, а сам пошел в лес и пробродил там до рассвета. Мысли вытесняли одна другую, перемежаясь разными воспоминаниями...

Я не могу жить при существующей системе — цель и смысл жизни для меня потеряны. Изменить или свергнуть ее не в моих силах. Остается одно — бежать. Семьи у меня нет. О матери я ничего не слышал вот уже 25 лет. Отца не видел — восемь. С Людмилой все кончено. Дмитрий, если даже я увижу его несколько раз в жизни, вырастет совершенно чужим мне человеком. Привилегии? Да, у меня они есть. Например, могу уйти в отставку в 1987 году. Но я хочу найти свой путь в жизни, понять ее смысл... А для этого я должен быть свободен.

Есть ли на Западе и в Америке свобода? Я ничего об этом не знаю. Я знаю только, что как ОНИ всегда лгут обо всем на свете, так они могут лгать и о „темных силах реакции“. Хуже, чем здесь не будет. Надо попробовать бежать. Выдам секреты самолета, конструкция и оборудование которого так тщательно скрывается от Запада. От этого удара они не скоро оправятся.

Нервное напряжение спало, его сменило спокойствие, ясность мыслей. Беленко наметил на маршрутной карте дугу, обозначающую максимальное расстояние, которое по его расчету МИГ-25 может пролететь с учетом возможных маневров без перезаправки горючим. В пределах этой дуги единственным достаточно большим военным аэродромом, способным принять МИГ-25, был японский аэродром в Хитозэ, на острове Хоккайдо. *Прекрасно. Пусть будет Хитозэ.*

Для перелета в Японию, необходимы были хорошая погода и полный бак горючего. Последнее условие было довольно трудно выполнимым: посадка МИГа-25, имеющего много горючего в баках, сопряжена с большим риском; поэтому для учебных полетов баки обычно заполнялись не полностью. Полная заправка допускалась лишь в случае специальных заданий — полетов для перехвата или стрельбы по цели. Существовала и другая проблема. Во избежание переговоров пилотов с иностранными летчиками, радио на МИГах имело очень узкий диапазон, который допускал связь пилотов только друг с другом и с диспетчером на земле. Это лишало Беленко возможности сообщить японцам о цели своего полета и запросить у них координаты для посадки. Он мог только надеяться, что японские перехватчики принудят его к посадке, или он сам найдет аэродром и сможет посадить самолет на незнакомом поле. Поэтому ясная погода и хорошая видимость были так необходимы.

Вводя для пилотов различные ограничения, начальство, однако, не предусмотрело одной вещи — блокнотов с техническими записями, которые летчикам разрешалось иметь при себе во время полетов, чтобы быть го-

товыми ответить на запросы с земли о поведении машины, о различных маневрах, о работе приборов и о разных других вещах. Такой блокнот был и у Беленко — он всегда держал его в нагрудном кармане комбинизона. Теперь он методически, мелким почерком начал вносить туда все известные ему военные и технические данные, которые могли бы пригодиться Америке.

Беленко предстояло решить и проблему языкового барьера. Так как он не знал ни японского, ни английского, то решил заготовить следующее письменное обращение: „Немедленно свяжите меня с представителями американской разведки. Спрячьте самолет и поставьте около него охрану. Никого к нему не подпускайте”. Сначала он написал это по-русски. Затем с помощью словаря, как мог, перевел на английский.

Вскоре все было готово для побега. Оставалось только ждать подходящего дня. Он знал, что когда этот день наступит, ему придется предпринять самый рискованный в жизни полет, притом шансы на удачу будут минимальными. Но внутренне он был спокоен — у него появилась цель.

Глава четвертая

В ЯПОНСКОЙ ТЮРЬМЕ

Теряя скорость, Беленко повел МИГ-25 вниз сквозь бесконечную темень облаков. Шансы на успех сокращались с каждой секундой. Он следил за показателем высоты. 600 метров... 500... 300...

Я не спущусь ниже ста пятидесяти, даже если не выйду из облаков. Это было бы самоубийством.

На высоте 250 метров вдруг стало светло. Он был уже под облаками и увидел... летное поле! Это была не база в Хитозэ, куда он стремился, а гражданский аэропорт Хакодате, сто пятьдесят километров северо-западнее. Летная полоса была на треть короче, чем на аэродромах, где ему приходилось садиться. Но если повезет, он сохранит машину.

Круто положив МИГ вправо, Виктор сделал поворот на 260 градусов и начал приближаться к посадочной полосе. И тут, в течение какой-то секунды, ему пришлось сделать смертельный выбор. Японский пассажирский лайнер Боинг 727 оторвался от земли и стал набирать высоту прямо навстречу Беленко. Стрелка указателя расхода топлива стояла на нуле, и Беленко не был уверен, что у него хватит горючего на второй заход. Если подача горючего прекратится, самолет рухнет вниз,

как двадцатидвухтонный валун и превратится в дымящиеся обломки. А продолжая снижение, он неизбежно столкнется с пассажирским самолетом, потому что расстояние между ними сокращалось так стремительно, что ни у пилота лайнера, ни у Беленко не оставалось бы времени, чтобы уклониться.

Он бросил самолет в самый крутой вираж, на который машина была способна, освободил путь Боингу и, спикировав под острым углом, коснулся посадочной полосы на скорости 360 км в час. Когда Виктор выпустил тормозной парашют и стал отчаянно жать на тормоз, МИГ вздрогнул и завибрировал, будто вот-вот развалится на части. Покрышки задымились, но не остановили стремительного бега машины. Самолет вынесся за северную границу аэропорта, свалив телеграфный столб, пробороzdил грунт и, наконец, едва не ударив огромную металлическую антенну в трехстах метрах от посадочной полосы, остановился. Передние покрышки носового колеса лопнули, других повреждений не было видно. В баках оставалось горючего на тридцать секунд.

Беленко не позволил себе никаких эмоции: ни радости, что достиг цели, ни облегчения, что самое опасное позади. Еще не время для чувств, как не было его и в полете.

Поскорее выскочить из кабины! Защитить самолет! Найти американцев! Действовать! Быстро!

Он сорвал кислородную маску, освободился от парашюта, задвинул крышу кабины и вылез в окно. Самолет стоял у дорожной магистрали, к нему уже устремились машины, из машин торопливо вылезали люди с фотоаппаратами. Годами воспитанный в обстановке необходимости строгой секретности, убежденный, что МИГ-25 представляет одну из важнейших государственных тайн, Беленко машинально действовал так, как будто он все еще находится в Советском Союзе.

— Немедленно уберите фотоаппараты! Этот самолет — государственная тайна! Фотографировать его строго запрещено! Прекратите!

Беленко опомнился: его не понимают! Он выхватил пистолет и выстрелил в воздух. В Японии владение оружием и стрельба являются тягчайшим преступлением, и если бы он бросил гранату, эффект на толпу произвел бы тот же. Фотоаппараты тут же были спрятаны, кое-кто даже вытащил пленку и бросил ее на землю перед летчиком.

Три машины, одна за другой, медленно приблизились и благоразумно остановились, держась вне досягаемости пистолетного выстрела. Из машины вышли два человека и стали осторожно приближаться к самолету, размахивая белым флажком. Показывая на пистолет, они знаками поясняли, что его нужно убрать. Беленко вложил пистолет в кобуру. Только после этого один из японцев приблизился настолько, чтобы можно было разговаривать. Беленко спрыгнул с крыла на землю.

— Do you speak English?

— Нет.

Японец махнул своему компаньону, маленькому пожилому человеку. Тот выступил вперед и обратился к Беленко на ломанном русском. „Пистолети пожалуй”. Беленко протянул ему пистолет. „И ножи, тожи пожалуй”. Беленко отдал нож, торчащий из застегнутого кармана летного комбинезона. „Идите нами, пожалуй. И не делить глюписть”.

Аэровокзал напоминал растревоженный муравейник. Все старались увидеть, а некоторые даже коснуться этого экзотического существа, так внезапно и неожиданно появившегося среди них из другого мира.

Не прошло и десяти минут после приземления МИГа, как в аэропорту появился человек, прекрасно говорящий по-русски. Несмотря на то, что он представился сотрудником японского министерства иностранных дел, Беленко с самого начала понял, что перед ним офицер разведки. В кабинете начальника аэропорта Беленко протянул ему записку, которую заранее старательно написал на английском.

— Кто это написал? — спросил офицер.

— Я.

— Прекрасно! Расскажите теперь, что случилось. Вы сбились с курса?

— Нет. Я прилетел сюда намеренно. Я прошу политического убежища в Соединенных Штатах. Зачехлите самолет и побыстрее поставьте охрану. Немедленно свяжите меня с американцами.

Как только офицер перевел слова Беленко окружающим, раздались приветственные возгласы, а некоторые даже пустились в пляс. „Довольно! Хватит!“ — остановил их офицер.

— Не можете ли вы написать то, что только что сказали?

— С удовольствием.

„Следуйте за нами“; предложили летчику. Беленко повиновался, набросив летную куртку на голову, чтобы скрыть лицо от фотокорреспондентов, которые уже успели примчаться в аэропорт. Сквозь узкий живой коридор Беленко, окруженный сопровождающими, поспешил в машину, которая примчала их по боковым улицам к задней двери гостиницы.

Переводчик и два человека из охраны остались с Беленко в номере, в то время, как двое других охраняли дверь снаружи. Вскоре Беленко принесли белье, кимоно и обувь и предложили принять душ. Все его вещи унесли.

Обед из восьми блюд был подан в номер. Беленко никогда не приходилось отведывать японской кухни, все казалось деликатесом. „Я слышал, в Японии очень хорошее пиво“, — с надеждой намекнул Виктор. „Спасибо за комплимент, но в настоящих обстоятельствах мы не можем предложить вам ничего алкогольного“. Беленко еще не знал, что русские уже предъявили Японии обвинение, будто сбившемуся с курса советскому пилоту давались наркотики, и японцы старательно избегали всего, что могло бы дать почву этим обвинениям.

Другой представитель министерства иностранных

дел Японии, очень самоуверенный, элегантно одетый японец лет тридцати появился в номере в девять часов вечера. На хорошем русском он попросил Беленко еще раз подробно рассказать о деталях и цели его полета. Беленко выполнил просьбу, и в свою очередь потребовал: „Бросьте в море мой парашют и одежду, чтобы они подумали, что самолет упал в море”.

— Извините, но это невозможно. Весь мир уже знает, что вы здесь. Русские требуют, чтобы мы вернули вас и самолет. Но вам нечего опасаться. Мы вас не выдадим. Вы будете в полной безопасности, и мы выполним все, о чем вы нас попросите. Но это займет некоторое время из-за официальной волокиты. Завтра вместе полетите в Токио. Для вашей безопасности мы полетим на военном самолете.

— Я готов.

Японец пожал Беленко руку и поднялся.

— Вы даже не представляете какой международный конфликт вы создали для Японии, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Мы находимся под сильнейшим давлением со стороны русских. Но мы не выдадим вас, потому что это противоречит нашим законам и нашей демократии. Вам нечего волноваться.

Он искренен. Все так, как он говорит. Но что, если они не выдержат советского давления? Нет, я верю им. Я должен им верить.

Спал Беленко плохо. Видел, как в два часа ночи охранники, сидящие на другой кровати, были сменены новыми. Рано утром Беленко принесли костюм. Пиджак подошел, но брюки слишком коротки. Послали за другим. На этот раз брюки оказались длинными, а пиджак велик. Времени, однако, уже не оставалось. Японцы достали где-то ножницы и укоротили брюки. Наряженный в едва достигающие носков брюки, мешковатый пиджак, мятую шляпу и в темных очках Беленко выглядел непривычно и нелепо.

Чтобы не привлекать внимание, они вышли из гостиной через кухню, но тучи репортеров и фотокорреспондентов уже поджидали их. Охрана растолкала жур-

налистов, машина с места дала полный газ, стараясь оторваться от устремившейся за ней вдогонку прессы. На подходе к оживленному перекрестку на пересечении автострад пять машин с ведомственными флажками выровнялись в шеренгу и, достигнув перекрестка, поехали в разных направлениях. Обескураженные этим маневром корреспонденты не знали за какой из них следовать. Беленко же кружным путем привезли на свалку, расположенную за городом. Тут же рядом опустился вертолет. Не прошло и минуты, как Беленко был уже в воздухе.

Вертолет сел на базе Хитозэ рядом с военно-транспортным самолетом, моторы которого уже работали, и, как только Беленко со своими сопровождающими оказались на борту, самолет взлетел. Из-за шума в самолете, предназначенного для транспортировки грузов, разговаривать было трудно, и Беленко большую часть пути разглядывал дивный японский пейзаж далеко внизу. Каждый метр земли, даже неудобные для обработки склоны, были тщательно культивированы. Города и деревни выглядели чистыми и аккуратными. Не найти и следа заброшенности. Земля казалась Беленко прекрасным и с любовью возделанным садом.

Как противоречив мир. У японцев так немного земли и материальных ресурсов, но зато как полно они их используют!

Снова настырные журналисты блокировали дорогу из аэропорта в Токио, ослепляя Беленко фотовспышками. Охрана и полиция поддерживали связь при помощи передатчиков размером меньше ладони. Журналисты имели свои передатчики, которые позволяли им устанавливать местонахождение процессии машин с Беленко, поймав волну, на которой переговаривалась полиция и охрана.

Как это возможно! Да если бы такое случилось в Союзе, КГБ тут же пришло бы корреспондентам обвинение в шпионаже!

Процессия внезапно остановилась. Японец выскочил из машины и побежал к телефонной будке. Телефонный разговор журналисты уж никак не смогут подслу-

шать. Когда японец вернулся, и машины снова помчались по шоссе, переводчик обратился к Беленко. „Мы очень извиняемся, но принято решение поместить вас в тюрьме. Нет другого места, где можно было бы гарантировать вашу безопасность. Сегодня тюрьма будет для вас самым безопасным местом в Токио”.

Тем же способом, что и в Хакодате, они оторвались от преследования на пересечении шоссеиных магистралей: машины разделились и помчались по разным улицам. Спустя минут десять машина с Беленко въехала на территорию морской базы. „Здесь один американец хотел бы поговорить с вами”.

Темные силы реакции. Сейчас я встречу с „темными силами”! Как они выглядят? Что они со мной сделают?

Американец в сером костюме, белой рубашке с воротничком на пуговках, галстук с булавкой поднялся и протянул руку, когда Беленко вошел в кабинет командира базы. Он был худощав, хорошо сложен, в очках.

— Меня зовут Джим, я представляю правительство Соединенных Штатов, — сказал он по-русски. — Мне приятно вас встретить и сообщить, что Президент Соединенных Штатов удовлетворил вашу просьбу о политическом убежище. Можете больше не волноваться. Как только будет покончено с формальностями, вы полетите в Америку. Есть ли у вас какие-нибудь вопросы или просьбы? Хотите ли что-нибудь сказать?

— Нет, я все понял.

— Отлично! Теперь отдыхайте. Мы скоро снова увидимся и тогда сможем побеседовать в свободной обстановке.

Беленко почему-то ожидал большего и был разочарован, что его первая встреча с американцем оказалась такой простой, похожей на обычное знакомство.

Эти „темные силы” выглядят очень миролюбиво. Но может быть они умело прячут свое настоящее лицо до поры, до времени?

Бесконечно извиняясь за характер временного убежища, в котором пришлось поместить Беленко, японцы

старались изо всех сил устроить его получше. Они уложили матрасы на пол его тюремной камеры, нанесли подушки, простыни и одеяла, вкатили цветной телевизор, достали шахматы, пригласили поупражняться в спортзале, принять горячую ванну. Они всячески подчеркивали, что охрана, ни минуты не спускавшая с него глаз и даже сопровождавшая в туалет, необходима для его безопасности. В этот вечер ему подали обед из вереницы блюд. Лучшей пищи Виктору есть не доводилось.

Решив, что еда специально готовилась для него, Беленко спросил, кто этот замечательный шеф-повар. Японцы пожали плечами: они всего-навсего принесли еду из ближайшего кафе.

— Правда? — вырвалось у Беленко. — Я слышал, что вы тут все чуть не с голоду мрете!

Пообедав, он наслаждался горячей ванной. Впервые с тех пор, как он начал свой „последний полет” Виктор почувствовал себя спокойно, раскованно. Даже охранники заулыбались, когда он вышел из ванной, облаченный в шелковое кимоно и сандалии. Несмотря на усталость, хотелось поупражняться, и Беленко направился в спортзал, но один из охранников потянул его за рукав и показал на камеру. Оказалось, кто-то достал ему холодное японское пиво! Оно оказалось даже лучше, чем он ожидал. На этот раз спал Виктор как убитый, несмотря на то, что камера и коридор были ярко освещены всю ночь.

На следующее утро японцы оглушили Беленко известием. он привлечен к суду за нарушение законов страны. Его привели в канцелярию тюрьмы, где одетый в мантию судья зачитал формальное обвинение, которое пожилой переводчик перевел на русский:

— Вы обвиняетесь в нарушении законов Японии по четырем статьям. Вы нелегально нарушили воздушное пространство страны. Прибыли в страну без визы. Имели пистолет. И стреляли. Признаете ли вы себя виновным?

— Да.

— Почему вы нарушили воздушное пространство Японии?

— К сожалению у меня не было другой возможности попасть в вашу страну. Самолет был единственным доступным мне средством.

— Почему у вас нет визы?

— Если бы я попросил визу, меня бы на всю жизнь упустили в тюрьму.

— Почему вы ввели пистолет в Японию?

— Пистолет является частью моего снаряжения. Без него я не получил бы разрешения на полет.

— Почему вы стреляли?

— Чтобы не допустить к самолету людей, которые могли бы повредить его. Самолет представляет большую ценность для западного мира.

— Готовы ли вы подписать признание своей вины по всем пунктам обвинения?

— Если вы этого потребуете.

— Я постановляю, — объявил судья, — что это особое дело, которое не должно повлечь за собой наказания. Не бойтесь. Мы не собираемся нарушить ваши планы...

Официальная процедура суда закончилась. Судья улыбнулся, пожал подсудимому руку и попросил переводчика пожелать ему всех благ.

В то время, как Беленко находился в суде, в его камеру принесли пакет и записку: „Было приятно познакомиться с вами. Буду рад, если эти книги помогут вам скоротать свободные часы. Всего наилучшего. Джим”.

В пакете было две книги: рассказы А. Солженицына и „Большой террор” Роберта Конквеста, обе на русском. Беленко начал читать с любопытством, затем увлекся и забыл обо всем на свете.

Солженицынские страницы дышали жизненной правдой. Находясь в Советском Союзе, Виктор встречался с этой правдой на каждом шагу, но не был в состоянии осознать ее значение. Не раз видел он деревни, подобные изображенной Солженицыным в „Матренином дворе”, за-

худалые, голодные, брошенные, избы с тараканами, а вокруг — навоз, безнадежность. Такой же была Чу-гуевка, такой была деревня за забором тренировочной базы, где он изучал МИГ-25. А Шухов из „Одного дня Ивана Денисовича”? Разве умирающий украинец, которого Беленко посадил в машину не был таким Иваном Денисовичем?

„Большой террор” развернул перед Беленко адскую картину сталинских лет, когда, по крайней мере, 15 миллионов уморили голодной смертью, расстреляли, запытали на смерть. Никогда не приходилось ему читать книгу, где бы так скрупулезно — ссылками на опубликованные источники, в основном советские, документировался каждый факт. Не вызывающую сомнения в абсолютной достоверности всего изложенного.

Забыв о еде и питье, Беленко читал и перечитывал, пока, наконец, через два дня закрыл книгу с ощущением, что получил ответ на вопрос, который беспокоил его давно.

Всю свою сознательную жизнь он догадывался: что-то неладно в советской системе, что-то в корне неправильно. Немало явлений наталкивали его на этот вывод. С годами он пришел к заключению, что болезнь советской системы неизлечима. Однако он никогда не представлял себе так ясно, как теперь, первопричину бедствий, постигших его родину.

Причиной является сам советский строй. Нуждаясь для своего сохранения в тирании, он неизбежно порождает тиранов, дает простор их злой воле и не терпит никакого противодействия их преступлениям или ошибкам. В течение всех двадцати девяти лет его жизни советская действительность по существу не менялась, потому что не менялась система. И какую бы косметику там ни применяли, чтобы представить лицо Советов перед всем миром в более привлекательном свете, действительность эта ужасна.

Если все, что говорилось в Советском Союзе о коммунизме, о нашей жизни — ложь, тогда может быть и все, что говорилось об остальном мире — тоже ложь. Посмотрим. Во всяком случае от них я освободился навсегда.

Освободился ли? На следующее утро в камере Беленко появился знакомый представитель министерства иностранных дел, который сопровождал Беленко из Хокодате в Токио. Его озабоченный вид встревожил Беленко.

— Советский Союз подвергает нас исключительному давлению. Они не верят, что вы действовали добровольно. Они обвинили нас, что мы удерживаем вас силой и с помощью наркотиков. Мы оказались в крайне трудном положении. Советы прилагают отчаянные усилия, чтобы вернуть вас. Это не значит, что мы решили вас депортировать. Выбор принадлежит вам. Но вы окажите большую услугу Японии, если встретитесь с советским представителем и опровергните их обвинения, подтвердите, что вы действуете по собственной воле.

— А если я откажусь с ним встретиться?

— Мы сообщим советскому представителю, что вы не желаете его видеть, и вы останетесь под нашей защитой до отъезда в Соединенные Штаты.

— Ладно. Не хочется, но я с ним встречу.

— Благодарю вас за вашу смелость. Я знаю, как нелегко вам согласиться на это. Я должен вас предупредить, что вы подвергнетесь прямой опасности, и хочу, чтобы вы знали, в чем она заключается. Они сразу же постараются установить тесный психологический контакт с вами, убедить вас, что вы здесь пропадете, если они не спасут вас и не увезут домой, на родину. Возможно даже привезут вам умоляющие письма от близких. Постараются оказать давление и сбить с толку. Вы, однако, имеете право остановить их и высказать свое мнение. Встреча будет короткой, время ее зависит от вас. Вы можете уйти, когда захотите. Главное — показать, что вы действуете добровольно. Просто говорите

им правду. Но если вы упадете духом и согласитесь вернуться, тогда мы вам не сможем помочь. Если же вы будете тверды, мы будем с вами. И американцы тоже.

В этот же день Беленко стало ясно, насколько серьезной японцы считают опасность, которой он подвергнется во время встречи с советским представителем. Они привели Беленко в конференц-зал для детальной репетиции предстоящей встречи. Указали стол, за которым будет сидеть советский представитель, и другой, метрах в пятнадцати, за который сядет Беленко. Он будет под охраной трех агентов, и один будет стоять рядом с русским. Беленко снова напомнили, что он может прекратить встречу в любое время, даже показали дверь, через которую он может уйти из конференц-зала, когда посчитает нужным.

Крупный рыжеволосый американец посетил Беленко на следующий день, за час-два до встречи с советским представителем. Крепко пожал руку летчика. Несмотря на то, что о предстоящей встрече не было сказано ни слова, визит американца должен был приободрить Беленко, и в этом американец преуспел.

— Ночью вы полетите в Америку. У нас уже приготовлен для вас билет, все необходимое сделано. Вы, конечно, не будете одни. В самолете вас будут ждать. Что еще вы хотели бы, чтобы я для вас сделал? Может быть, у вас есть какие-нибудь вопросы?

— Вопросов нет. Я готов.

Офицер КГБ, формально считавшийся Первым секретарем посольства, повел себя так, как и предсказывали японцы. Не успел Беленко сесть, как он поднялся и заговорил.

— Я - представитель советского посольства. Ваши товарищи просили меня передать, что они с вами в эти нелегкие для вас часы. Советское правительство, как и каждый советский гражданин, знает, что в случившемся нет вашей вины. Нам известно, что вы не по своей воле приземлились в Японии. Вы сбились с курса, и вас

заставили сделать посадку. Мы знаем, что вы были помещены в тюрьму, несмотря на ваши протесты, и что японцы применили к вам наркотики. Но если даже допустить, что вы совершили ошибку, а мы твердо знаем, что вы не совершили таковой, я говорю, если даже допустить и это, то и в таком случае я могу заверить вас от имени центральных органов власти, что вас бы простили, это было бы забыто. Я пришел сюда, чтобы помочь вам вернуться домой, к любимым жене и сыну, к вашим близким.

Ваша жена, отец, героически защищавший родину, мать, тетка, которой вы так дороги, просили передать вам общее письмо.

Как они могли так быстро собраться вместе — кто из Донбаса, кто из Сибири, даже с Дальнего Востока? Это нелепо. Ладно, с меня довольно!

Офицер КГБ начал читать письмо. Беленко поднялся. Он смотрел на „дипломата” с презрением.

— Хватит. Я прилетел в Японию добровольно, таким было мое намерение. Никто не применял ко мне насилия и не давал мне наркотиков. По своему собственному желанию я попросил политическое убежище в Соединенных Штатах. Извините. Наш разговор окончен. Я должен идти.

— Предатель! — закричал офицер. — Вы знаете, как поступают с предателями! Рано или поздно мы вас вернем! Мы найдем вас!

Японский представитель, наблюдавший за встречей, выключил микрофон и обратился к офицеру КГБ: „Мы вас больше не задерживаем”.

Едва Беленко вышел из конференц-зала, как ожидающие окончания встречи японцы бросились к нему, обнимая и ободрительно хлопая по плечу, каждый старался пожать ему руку. „Вы вели себя отлично”, — сказал представитель министерства иностранных дел, который просил Беленко встретиться с советским представителем. „Мы гордимся вами. Вас ждет новая жизнь в Америке. Это великая страна, которую создали люди

всех национальностей мира". Он вручил Беленко бутылку „Столичной": „Возьмите, пожалуйста, это с собой в Америку от ваших японских друзей".

— Нет, я хочу распить ее сейчас с моими японскими друзьями.

Откуда-то появились бумажные стаканчики. Японцы мужественно выпили непривычную для них водку. Слегка опьянев, они развеселились и стали шумно прощаться с Беленко. „Запомните, вы всегда желанный гость в Японии. В следующий раз мы покажем вам Токио".

Когда стемнело из тюрьмы выехала сопровождаемая полицейским эскортом машина и помчалась к аэропорту. Машина остановилась у гигантского „Боинга-747" авиакомпания „Нортвест Ориент Эйрлайнс". В самолете Джим, работник американского посольства, провел Беленко в общий салон. Ничьего внимания они не привлекли. Когда самолет оторвался от земли, Джим похлопал Беленко по плечу: „Полетели!"

Беленко никогда не видел такого огромного самолета. Просторные салоны, отсутствие шума двигателей поразили его. Количество обслуживающего персонала и их внимание к пассажирам удивили не меньше.

Как только Боинг закончил подъем, Джим сказал: „А теперь перейдем в наше помещение". Салон первого класса был зарезервирован исключительно для них и большого, по-видимому обладающего незаурядной физической силой человека, которого работник американского посольства представил как офицера военноморского флота США. Командир экипажа Боинга пригласил Беленко в кабину управления, и почти час Джим переводил его ответы на вопросы Беленко об оборудовании лайнера, работе и жизни пилотов. Виктору трудно было поверить, что всего три человека управляют этой огромной машиной.

Что это, остальные члены экипажа спрятаны? Хотят произвести на меня впечатление и удивить? Пусть думают, что я им поверил.

Беленко ждал, что его вот-вот начнут допрашивать, — прямо здесь, в салоне самолета. Но Джим сказал ему только: „Вы, наверное, изрядно устали, отдохните, выпитесь. Вам больше нечего опасаться. Теперь у вас одна забота — английский язык. Но я уверен, вы быстро с ним справитесь. Вас ожидает жизнь, совсем не похожая на прежнюю”.

Когда притушили огни в самолете и американцы задремали, Беленко задумался. Правильно ли он поступил, улетев, а затем отказавшись вернуться? Ну, а если бы он вернулся, — как это повлияло бы на судьбу его близких? Он старался по обыкновению анализировать каждую деталь и мыслить последовательно.

Если бы даже меня не судили, — что само по себе невероятно, — чтобы я мог изменить, вернувшись? Ничего. Что меня ждет на Западе? Не знаю. Пострадают ли теперь отец, мать, тетка? Вряд ли. КГБ легко установит, что мы уже многие годы не виделись. Людмила и Дима? Тоже нет. Ее родители достаточно влиятельны, чтобы не допустить этого. Тогда кто же? Начальство, политотдел, местные гебисты. Что ж, их-то во всяком случае, жалеть нечего. Нет, что бы ни случилось, я поступил правильно. Жить без свободы — все равно что не жить.

Все-таки что-то продолжало тревожить Виктора, не давало отвлечься, расслабиться.

Перебирая снова и снова все детали последних дней, он все время мысленно возвращался к возгласу, раздававшемуся в конференц-зале: „Рано или поздно мы вас вернем!”

Глава пятая

ВОЙНА НЕРВОВ

Советские власти, действительно, были полны решимости вернуть Беленко. Любой невозвращенец-писатель, артист, ученый, дипломат или офицер КГБ — наносил, конечно, известный ущерб престижу великой державы, но пропагандистам, журналистам, специализировавшимся на дезинформации, было нетрудно представить, скажем, артиста или интеллектуала человеком психически неуравновешенным, развратником, извращенцем, привлеченным соблазнами „гниющего Запада”. Никого в Советском Союзе не удивит, если тот или иной дипломат, проведя годы в „нездоровой атмосфере” Западной Европы или Америки, настолько погряз в ней, что стал алкоголиком, наркоманом, растратчиком, повредился в уме.

Иное дело Беленко — выходец из рабочей среды, заграницы не нюхавший. Офицер ВВС, чей послужной список пестрит благодарностями, коммунист, „настоящий советский человек”. Как сказал советский журналист корреспонденту „Вашингтон пост” Питеру Осносу в Москве: „Он — из наших лучших людей, ему доверили лучший в мире самолет, секретное оружие”. Признать, что Беленко не таков, — значило согласиться, что вся концепция воспитания нового советского чело-

века, „строителя коммунизма”, — не более чем миф.

Вот отчего Беленко оказался единственным беглецом в истории Советского Союза, о котором власти вынуждены были твердить только хорошее.

Если Беленко останется жив, если его оставить в покое и позволить ему свободно жить за границей, какое впечатление это приведет на рядовых советских граждан, а главное — на военных? Если нельзя доверять даже таким проверенным коммунистам, как Беленко, тогда кому же можно? Кто не предаст? А вдруг и другие летчики зададут себе вопрос: „Если это удалось Беленко, почему бы не попробовать мне?”

Были и другие соображения, не позволявшие махнуть рукой на Беленко. Он был, пожалуй, самым осведомленным из всех военнослужащих, бежавших на Запад после Второй мировой войны, и секреты, которые он выдаст американцам, причинят немалый ущерб Советскому Союзу. Если же он начнет выступать публично, в особенности если обратится по радио к советскому народу, — его слова нанесут даже больший ущерб, чем раскрытие военных секретов.

Однако еще можно поправить дело. Скажем, если завлечь Беленко обратно, или если как-нибудь ввести американцев в заблуждение и добраться до Беленко... или выторговать у них летчика. После соответствующей обработки в КГБ его можно будет представить как убедительного свидетеля вероломства Запада, как героя, которому удалось вырваться из ловушки, расставленной врагами отечества, и вернуть на родину.

Уже через несколько часов после того, как МИГ Беленко сел в Хакодате, Советский Союз начал невиданную по масштабам кампанию за его возвращение. Наверное, только люди в Отделе кризисных ситуаций в Вашингтоне, которые по долгу службы следили за разгорающейся международной схваткой, могли оценить, насколько крупны ставки в этой советской игре.

В этот день на дежурство в Отделе кризисных ситуаций заступил Стивен Стейнер, тридцатичетырехлетний

выпускник Йельского университета и аспирантуры при Колумбийском университете. От него требовалось ознакомиться с последними сообщениями, прежде чем принять смену. Государственный секретарь Генри Киссинджер находился в это время в Европе, его связь с Вашингтоном круглые сутки поддерживалась Оперативным центром, к которому был подключен и Отдел кризисных ситуаций. Сразу после полуночи Стейнер сделал в журнале Отметку, что смену принял, а в 00.47 записал, что Оперативный центр, передал в Цюрих запрошенную людьми Киссинджера информацию. Она относилась к текущим событиям в Африке.

В 1.35 по сети связи НОРС (Национальная оперативная и разведывательная система) был передан сигнал тревоги. Это значило, что произошло нечто чрезвычайное. Стейнер снял трубку своего телефона, другие сотрудники сняли трубки телефонов в Белом доме, Пентагоне, в Оперативном центре ЦРУ... Все они услышали одну и ту же фразу, сказанную мужским голосом: „Объявляется состояние тревоги по НОРС, на основании предварительной информации, переданной Пятым американским воздушным флотом, сообщаем, что советский МИГ-25 совершил посадку в Хакодате в северной Японии”.

Обстоятельства полета и намерения летчика в этот момент еще не были установлены американскими представителями в Японии. Последующие звонки добавили еще несколько деталей, явно недостаточных, чтобы установить, намеренно или случайно сел в Японии этот советский боевой самолет. Между тем, в сообщении агентства Франс-Пресс, полученном Отделом кризисных ситуаций, указывалось, что, приземлившись, пилот выпрыгнул из самолета и открыл стрельбу из пистолета. Стейнер решил, что советский пилот, по всей вероятности, заблудился или был вынужден совершить посадку вследствие технической неисправности, и его отношение к Западу — явно враждебное.

Однако в 4.30 по НОРС еще раз прозвучал сигнал

тревоги — в четвертый раз за эту ночь. Раздался взволнованный голос офицера из Пентагона: советский пилот Виктор Беленко сообщил представителям министерства иностранных дел Японии, что намеренно посадил самолет в Японии, и попросил политическое убежище в Соединенных Штатах.

Было слышно, как кто-то из пентагоновских офицеров закричал: „Черт побери! Кажется мы получили и „Фоксбат“ (принятое на Западе кодовое название МИГ-25), и пилота!“

Ситуация оказалась крайне серьезной и требующей быстрой реакции. У американской администрации был еще свеж в памяти позорный эпизод, произошедший 23 ноября 1970 года. В тот день матрос Симон Кудирка спрыгнул с советского рыболовного судна на американский катер береговой охраны, когда два судна стояли бок о бок в американских территориальных водах. Адмирал, командующий береговой охраной, следуя как ему казалось, политике разрядки, передал из Бостона приказ: вернуть беглеца на советское судно. В полном противоречии с американскими морскими традициями шести русским было разрешено подняться на борт катера береговой охраны, они избили беглеца и уволокли его на советское судно.

Чтобы исключить подобные случаи в будущем, правительство одобрило ряд мер, направленных на то, чтобы ни один советский беглец не мог быть выдан. Если все же по какому-то недоразумению это случится, виновные понесут суровые наказания. Были составлены специальные инструкции, обязательные с момента, когда иностранец обращается с просьбой о предоставлении политического убежища. Строго предписывалось, чтобы все официальные лица, которых такое происшествие могло касаться, были немедленно осведомлены о случившемся и чтобы велась подробная запись хода событий.

Согласно инструкции Стейнер и его помощники тут же ночью позвонили домой к помощнику советни-

ка госдепартамента Гельмуту Сонненфельду, ответственным служащим отделов Восточной Азии, Советского Союза и Японии, Управления иммиграции и натурализации. Подробная информация была отправлена и Киссинджеру. После этого Стейнер по собственной инициативе позвонил в американское посольство в Токио. Проведя несколько лет на дипломатической службе в Москве и Белграде, он хорошо представлял себе, какая опасная ситуация может возникнуть в данном случае. „Пожалуйста, скажите нашим японским друзьям, — передал он, — что прежде всего должна быть обеспечена безопасность пилота. Повторяю: обеспечить безусловную защиту пилота. Только после этого дайте ему возможность свободно принять решение”.

В обычные ночи записи в журнале Отдела кризисных ситуаций едва ли выходили за пределы страницы. На этот раз было заполнено около четырех страниц. Сдав дежурство, Стейнер вел машину домой по тихим, обсаженным деревьями улицам усталый и довольный: он и его помощники выполнили свой долг; кажется, все предусмотрено.

В Париже репортеры осаждали Киссинджера, забрасывая его вопросами: как поступят с Беленко. „Соединенные Штаты скорее всего предоставят ему политическое убежище, — сказал Киссинджер. — Если этого не произойдет, — можете считать, что с моим мнением не посчитались”.

Поскольку Беленко письменно запросил политическое убежище, не могло быть вроде бы никакого сомнения в готовности Америки предоставить таковое. Директор ЦРУ после консультации с генеральным прокурором и начальником Управления иммиграции и натурализации может, независимо от иммиграционной квоты и других установлений, предоставлять политическое убежище в Соединенных Штатах до ста иностранцам ежегодно. Однако в случае с Беленко решение было принято лично президентом Фордом.

О бегстве Беленко ему сообщили перед завтраком.

Президент сразу оценил значение такого события и очень им заинтересовался.

В это утро еще невозможно было предвидеть, к каким результатам приведет свирепое советское давление на японцев. Что, если их удастся запугать и добиться выдачи летчика и самолета?

Вскоре после приземления Беленко в Хакодате советское посольство в Токио резко заявило, что Советский Союз обладает „неотъемлемым правом добиваться сохранения своих военных тайн”. МИГ-25, безусловно, секретный боевой самолет. Следовательно, японцы должны немедленно вернуть машину и не допускать, чтобы кто бы то ни было мог осмотреть ее. Посольство заявило также, как будто речь шла о советской колонии, а не о суверенном государстве, что предоставление политического убежища Беленко „не может быть допущено”. Советское правительство подтвердило все протесты посольства и со своей стороны потребовало немедленного возвращения летчика и самолета. Один из протестов был составлен в таких выражениях, что японцы охарактеризовали его как неслыханный в истории дипломатических отношений с Советским Союзом.

Советская военная авиация начала облеты Японии — это была подчеркнутая и оскорбительная демонстрация силы. В море советские военные корабли начали захватывать японские рыболовные суда. Эти пиратские акции должны были показать Японии, как легко советские военно-морские силы могут подорвать японское рыболовство — важную составную часть национальной экономики.

Одновременно советские представители разного ранга старались получить непосредственный доступ к самолету. Вечером 6-го сентября один из них появился в управлении аэропорта Хакодате, представившись „членом команды советского торгового судна, стоящего на ремонте в порту Хакодате”. Он сказал, что хотел бы побеседовать со своим соотечественником Беленко.

Ему было предложено покинуть аэропорт.

На следующий день сразу трое появились в управлении аэропорта. Один из них назвался „руководителем корпункта ТАСС в Токио“, двое других — инженерами „Аэрофлота“.

„Нам поручено организовать доставку самолета на советское судно, но, по-видимому, шасси при посадке сломалось, — словоохотливо пояснил „журналист“. — Мы хотели бы на месте установить характер повреждения, чтобы подвезти необходимые запчасти. Поэтому нам нужно осмотреть самолет и сфотографировать его“.

Начальник аэропорта Масао Кадзеока вежливо улыбался: „К сожалению, самолет находится под контролем полиции, и я не имею права удовлетворить вашу просьбу. Между прочим, я не совсем понял, в каком качестве вы сюда прибыли“.

„О я здесь просто как частное лицо“, — ответил „тассовец“.

На следующее утро он заглянул в окружное управление полиции и заявил там, что хотел бы получить информацию о самолете и пилоте для агентства ТАСС. Ему сказали: „Мы не можем дать вам никакой информации. Пожалуйста, уходите“.

7-го сентября Белый дом сообщил, что президент Форд лично принял решение предоставить Беленко политическое убежище в Соединенных Штатах. „Если Беленко попросит политическое убежище, его просьба будет удовлетворена“, — сказал пресс-секретарь Рон Нессен. К сожалению, неудачно составленная фраза создавала впечатление, что Беленко все еще не обратился с такой просьбой.

Однако, официальное сообщение Госдепартамента, последовавшее одновременно, не оставляло сомнений в том, как обстоит дело: „Японское правительство вчера сообщило нам о запросе летчика относительно предоставления политического убежища. Мы информировали правительство Японии, что готовы принять пилота в Соединенных Штатах. Мы исходим из того, что

именно таково его желание. Сообщение этого же содержания только что сделано Белым домом”.

Сообщения из Вашингтона, а также слухи из кругов, близких к японскому правительству, о том, что Беленко скоро будет передан американцам, толкнуло Москву на новые отчаянные попытки задержать ход событий. Советский посол Дмитрий Полянский зачитал заместителю министра иностранных дел Японии заявление, грубость которого перешла все границы дипломатического этикета. В заявлении утверждалось, что Беленко совершил вынужденную посадку; японская сторона обвинялась в „фабрикации лжи”, чтобы скрыть „физическое насилие и другие недопустимые меры”, примененные-де к летчику, чтобы похитить его.

После встречи Беленко с офицером КГБ представитель советского посольства Александр Шишаев назвал эту встречу „фарсом, позорящим японское правительство”. Он утверждал, что „Беленко не мог даже внятно отвечать на вопросы. Он находился под действием наркотиков. Перед советскими представителями сидел манекен”.

С перелетом Беленко в Соединенные Штаты советское давление на Японию не ослабло. Но цель была теперь уже другая, более скромная: добиться возвращения МИГа до того, как американцы смогут его обследовать. Разведывательные полеты советских самолетов и захват японских рыболовных судов продолжались. Москва угрожала экономическими санкциями и намекала на всяческие страшные, хотя и не называемые конкретно, последствия, если Япония не уступит.

Пентагон хотел перевезти самолет в Соединенные Штаты, испытать его на земле и в воздухе и сохранить за собой. „Мы настаивали на этом, — вспоминает Дональд Румсфелд, тогдашний министр обороны. — Нам нужен был самолет. Нам нужно было установить, из какого металла он построен, испытать его в полете, разобрать его, снова собрать и снова испытать в воздухе”.

В Госдепартаменте кое-кто возражал, что все это крайне скверно отразится на разрядке и осложнит решение других вопросов, связанных с СССР. Кроме того, госдепартамент не хотел оказывать давление на японцев, которые сначала склонялись к тому, чтобы поскорее возвратить самолет Советскому Союзу и „позволить русским сохранить лицо”.

Был, однако, найден компромисс. Самолет будет задержан в Японии на месяц. Такой срок необходим, по мнению Пентагона, ученым и инженерам для получения всех интересующих их сведений. Они разберут самолет и обследуют все его детали на земле. На это уйдет минимум тридцать дней.

Японцы обязались предоставить эту возможность при условии, что американские специалисты не будут носить военную форму и станут работать в качестве консультантов под японским контролем.

Отвергая все советские протесты и обвинения, правительство Японии выразило удивление, что СССР до сих пор не извинился за нарушение японского воздушного пространства. Министр иностранных дел Кииси Миядзэва заявил: „Мне кажется, что Советский Союз является страной, которая готова без конца обвинять других, — но это не снимает с нее обязанности контролировать действия своих военнослужащих”.

На очередное советское требование, чтобы МИГ-25 был немедленно возвращен, другой представитель японского министерства иностранных дел ответил: „Советский Союз должен сначала дать официальное и убедительное объяснение инцидента. Если вы забросили что-то на соседский участок, пусть даже ненамеренно, смешно начинать объяснения с соседом с требования вернуть этот предмет. Пока что мы намерены задержать самолет как вещественное доказательство нарушения наших границ, — на время, пока будет продолжаться расследование всего дела”.

Когда выяснилось, что американские „консультанты” уже в пути, чтобы принять участие в японском

„расследовании”, советскому правительству стало ясно, что у него нет шансов предотвратить изучение самолета американцами. Поэтому они переключили пропаганду на население внутри страны и усилили давление на Соединенные Штаты. 14 сентября ТАСС предпринял попытку представить Беленко как героя и патриота, похищенного вопреки своей воле заокеанскими „темными силами” при потворстве неискренних японцев. Согласно ТАСС, Беленко сбился с курса во время обычного тренировочного полета, остался без горючего и вынужден был приземлиться в Хакодате. Был пущен слух (на эту удочку попались и некоторые западные корреспонденты), что Беленко поддерживал радиосвязь с базой чуть ли не до самого приземления. ТАСС уверял, что японская полиция набросила на голову Беленко светонепроницаемый капюшон, поволокла его под руки в машину и с тех пор содержит его где-то в изоляции, отклоняя советские просьбы встретиться с летчиком.

Министр иностранных дел СССР Громыко, прилетевший в Нью-Йорк 20-го сентября, на вопрос о Беленко ответил: „Этот инцидент подлежит обсуждению с американцами”. Вечером того же дня на ужине с Генри Киссинджером в гостинице „Уоллдорф-Астория” Громыко подчеркнул, что возвращение Беленко является настолько важным для Советского Союза, что „лично Брежнев занялся им”. „Мы не уверены, — сказал Громыко, — что человек, представленный нам в Токио, был Беленко. Подозрение, что Беленко похищен и задерживается против своей воли, надолго осложнит советско-американские отношения; но оно рассеется лишь в том случае, если нашим представителям и советскому врачу будет разрешена продолжительная беседа с Беленко”.

В Вашингтоне советские дипломаты старались организовать в Конгрессе настроения в пользу возврата Беленко. Работник советского посольства доставил письмо от жены пилота, Людмилы, и его матери в канце-

лярию члена Палаты представителей Данте Фасцелла, председателя комиссии Конгресса, наблюдающей за выполнением Хельсинкских соглашений. Судя по почерку, письмо было действительно написано женой Беленко, но его душеспитательный текст был, вне всякого сомнения, составлен в КГБ.

Людмила и ее свекровь обращались к конгрессмену с просьбой подтвердить свою преданность принципам прав человека и помочь их сыну и мужу освободиться, чтобы воссоединиться с Людмилой и убитой горем семьей.

Советское посольство направило посланника — советника Юлия Воронцова в Госдепартамент — еще раз потребовать „достаточно продолжительной” встречи советских представителей с Беленко.

В Москве министерство иностранных дел организовало мелодраматическую пресс-конференцию для представителей советской и иностранной печати: на пресс-конференции появились жена Беленко и его мать, которую он видел в последний раз двадцать семь лет назад, когда ему было всего два года. Представитель министерства иностранных дел Лев Крылов, ведущий пресс-конференцию, объявил с самого начала, что распространяемые „западной пропагандой” сведения, будто Беленко добровольно улетел в Японию, поскольку был неудовлетворен жизнью в Советском Союзе, являются „бессовестным вымыслом”. „Все это ложь от начала до конца”.

Людмила казалась взволнованной и перед кинокамерами не могла сдержать слез. „Мы не верим и никогда не поверим, что он добровольно оказался за рубежом! У меня нет никаких сомнений в любви Виктора и его преданности семье. И это дает мне полное право сказать, что с Виктором случилось что-то ужасное, он нуждается в помощи, и я обращаюсь к вам с просьбой помочь ему”.

„В воскресенье, — продолжала она, — накануне этого ужасного случая, Виктор весь день играл и гулял

с нашим сыном, как обычно в свои свободные дни. Они лепили фигурки из пластилина и читали сказки. Я испекла пирог, Виктор помогал мне... Мы поужинали и легли спать. Виктор напомнил мне перед сном, что скоро день рождения его друга, и предложил купить ему в подарок хрусталь. Утром шестого сентября он сказал, что вернется из полета рано и заберет сына из детского сада. Как обычно, он поцеловал меня и Диму перед уходом.

Ничто не предвещало беды. Я уверена, что в нем или с машиной что-то случилось во время полета, и он вынужден был посадить самолет на чужой территории. Я твердо верю, что Виктор был и остался советским человеком. Его мечтой было стать летчиком-испытателем. Третьего сентября, за три дня до своего последнего полета, он отправил командованию анкеты, которые необходимо было заполнить, чтобы рассмотрели его заявление.

Сообщение западной прессы, будто мой муж запросил политическое убежище в Соединенных Штатах, является злостной неправдой. Я полностью уверена, что эта просьба сфабрикована вопреки его воле .

Наша семья жила дружно. У нас хорошая квартира со всеми удобствами. Мой муж хорошо зарабатывал. Его ценило командование. Он патриот. За свою службу он получал только благодарности. В школе у него были только отличные отметки. До сегодняшнего дня мы не имеем никаких сведений о Викторе. Разве это не говорит о том, что он не принадлежит себе, что его насильно задерживают в Америке?"

Всхлипывая, Людмила читала вслух письмо, которое она послала мужу: „Дорогой, я убеждена, что-то ужасное случилось с тобой... Мой дорогой Виктор, мы ждем тебя дома, возвращайся скорей. Меня официально уверили на самом высоком уровне, что тебя простят, даже если ты и совершил ошибку... Сделай все, что в твоих силах, чтобы добиться возвращения на родину". Вся в слезах, Людмила сказала представителям прессы,

что она обратилась с личной просьбой к президенту Форду, и прочитала еще одно место из того же письма к мужу: „Я полагаюсь на его (Форда) человечность. Несмотря на то, что это касается только нас лично, он тоже отец и может понять наше горе. Сделай так, чтобы мы все трое — ты, я и наш сын — снова были вместе!”

Выступление матери Беленко, срочно доставленной с Кавказа в Москву, нарядно одетой, тщательно причесанной и, видимо, до мелочей проинструктированной, как себя вести, было тоже вполне на высоте — если учесть, что ей, собственно, нечего было сказать о человеке, которого в последний раз она видела двухлетним ребенком. Она не рыдала, как Людмила, хотя и обронила слезу и прикладывала к глазам белый платочек. Ее слова были обращены к матерям, в особенности к матерям советским:

— Мой сын Виктор всегда был патриотом. Как в семье, так и на службе он был предан долгу и прямодушен. Я уверена, что с ним произошло несчастье. И мне, как матери больно, что кто-то желает использовать беду моего сына в своих интересах, не допустить его возвращения на родину. Кто знает моего сына лучше матери? Поэтому я говорю, что мой Виктор честен перед родиной и мною .

Крылов закончил пресс-конференцию повторным обвинением коварных японцев в „произволе и беззаконии” и упреками в адрес президента Форда. Поведение Беленко в Японии свидетельствовало, утверждал Крылов, что его перелет был совершен непреднамеренно:

„Чем же еще можно объяснить его предупредительные выстрелы, когда неизвестные лица пытались подойти к самолету, и его протесты против фотографирования? Японские власти применили к Беленко силу. Он был в наручниках, на голову накинута какой-то мешок, его затолкнули под заднее сиденье машины, когда увозили... Совместное японо-американское похищение Беленко — это произвольные действия бездушных лю-

дей и грубое нарушение Хельсинкских соглашений, только недавно подписанных тем же президентом Фордом!”

Авторы сценария, разработанного для жены и матери Беленко, сделали в нем несколько ошибок. Людмила не пекла пирогов. Беленко не целовал жену и сына утром на прощанье, потому что уехал на базу, когда они еще спали. Он не мог обещать забрать ребенка из детсада, потому что независимо от времени окончания полетов, Шевцов запретил офицерам покидать базу до шести часов вечера.

Подобно многим летчикам-истребителям, Беленко действительно хотел бы стать испытателем самолетов. Однако и он, и все кругом знали, что без связей в Москве это желание неосуществимо, и никогда не обращался к командованию с такой просьбой.

Японское правительство так опровергло все советские обвинения в его адрес.

„СССР утверждает, что на голову Беленко был брошен мешок. На самом деле он накрыл голову курткой, поскольку не хотел, чтобы его фотографировали”.

„СССР утверждает, что летчик был в наручниках, потому что на фотографии виден шнурок. В действительности же Беленко держал мешок со своими вещами, а шнурок на фотографии — ручка этого бумажного мешка”.

„СССР также заявил, что Беленко находился на расстоянии 25-30 метров от представителя советского посольства, явившегося на беседу с ним, и что японская полиция прерывала разговор. В действительности расстояние было 8 метров и беседу никто не прерывал”.

Заявление, написанное и подписанное лейтенантом Беленко, было передано летчиком японским властям в Хакодате, где он посадил свой МИГ. Оно было позже показано послу Дмитрию Полянскому, который отказался взять его.

В заявлении было сказано: *„Настоящим подтверждаю, что я, Виктор Иванович Беленко, не желаю возв-*

ращаться в Советский Союз и надеюсь получить разрешение поселиться в Соединенных Штатах. Это решение принято мной добровольно и без всякого воздействия с чьей бы то ни было стороны. Виктор Беленко”.

Первого октября президент Форд принял Громыко и советского посла Анатолия Добрынина в Овальном кабинете Белого дома. Вопрос о Беленко не был включен в повестку дня и Форд удивился, когда Громыко поднял этот вопрос — заговорил о нем неожиданно, негодующим, почти враждебным тоном.

— Мы настаиваем на возвращении самолета — не потому, что боимся, как бы наши военные секреты не попали в чужие руки, а потому, что самолет украден. Беленко — вор, предатель, уголовный преступник, которого Соединенные Штаты обязаны выдать согласно международным, юридическим нормам. Как уголовный преступник, похитивший самолет, он не может претендовать на политическое убежище. Как международные правила, так и интересы советско-американских отношений требуют, чтобы Беленко был репатриирован в СССР и понес ответственность за свои преступления.

Президент Форд не сделал попытки скрыть, что он удивлен и рассержен. Полностью информированный о всех событиях, связанных с Беленко, он знал и о пресс-конференции в Москве три дня назад, где Беленко называли не иначе, как „настоящий человек”, „советский человек”, „патриот”, „один из лучших”, достойный всяческих похвал офицер, который, сбившись с курса, был похищен с чужого аэродрома, где вынужден был приземлиться. „Если даже он в чем-то виноват и ошибся, его простят”. Теперь же, и глазом не моргнув, Громыко утверждает, что этот человек — преступник, уголовный преступник, который не должен уйти от ответственности.

Ответ Форда был тверд и четок. Да, он знаком с этим человеком. Беленко — настоящий беженец, который имел основания просить и получать убежище в

Соединенных Штатах. Америка с радостью предоставит ему возможность жить здесь сколь угодно долго. Поскольку это касается правительства Соединенных Штатов, вопрос решен окончательно и не может больше быть предметом обсуждения.

Глава шестая

В АМЕРИКЕ

Беленко все еще не догадывался о международной буре, которую он вызвал, и об усиливающихся советских попытках вернуть летчика и самолет.

Когда „Боинг-747” заходил на посадку в Лос-Анджелесе, Джим дал ему парик и темные очки, чтобы его впоследствии не могли узнать по фотоснимкам, которые могли быть сделаны в аэропорту. На летном поле они быстро сели в ожидавшую их машину Центрального разведывательного управления и в сопровождении полицейских на мотоциклах помчались ночными улицами к частному аэропорту, где их ожидал готовый взлететь маленький пассажирский самолет. Беленко влез в самолет и прежде всего стянул с головы парик и снял темные очки. Один из агентов ЦРУ, который впервые увидел Беленко в аэропорту Лос-Анджелеса, взволнованно воскликнул: „Эй, мы его потеряли! Куда он, к дьяволу, делся?!”

Это восклицание, которое Джим поспешил перевести на русский, вызвало всеобщий смех. Когда все расселись по местам, Беленко спросил, есть ли у его спутников какие-либо вопросы к нему. Один из американцев, видимо старший по чину, ответил так же, как Джим при вылете из Японии: „Отдыхайте, ни о чем не

беспокойтесь. У нас будет достаточно времени для бесед. Вы сейчас устали”.

И правда, — он был истощен не только физически, его душевные силы были на пределе. Его восприятие окружающего, мысли и представления стали неясны и зыбки, точно он находился в каком-то странном мире, где-то между мечтой и реальностью.

Офицеров ЦРУ он представлял себе иными. В свои тридцать, сорок лет они были, как на подбор, сухощавы и выглядели абсолютно здоровыми. Все на них было новым, красивым и, казалось Беленко, дорогим. Несмотря на беспокойную свою службу, они были на вид доброжелательны и простодушны.

Ну, конечно, это не типичные агенты ЦРУ. Эту специально подобрали, — таких, чтобы с первого взгляда вызывали симпатию...

Самолет шел на Восток. Виктор заснул, а когда проснулся, ему предложили чаю. Один из спутников показал на море огней под крылом: „Это Чикаго”.

Они приземлились в вашингтонском аэропорту имени Далласа глубокой ночью. Лил сильный дождь. Около часа езды на машине — и они на месте. Фонари освещали внушительное здание из красного кирпича с высокими окнами, широкой двустворчатой парадной дверью и высокой верандой. Джим провел Виктора в спальню и посоветовал выспаться как следует. На потолке над кроватью виднелось что-то, что можно было принять за выходные жалюзи кондиционера или за пожарную сигнализацию. Беленко был уверен, что в потолке скрыта телекамера, но слишком устал, чтобы размышлять об этом.

Днем он внезапно проснулся. По комнате бесшумно двигался черный слуга средних лет. Он улыбнулся Виктору, сказал непонятную фразу по-английски. Он и поставил перед ним поднос с кофе и чаем и запиской по-русски: „Завтрак готов и ждет вас, когда бы вы ни пришли”.

Беленко выпил чай и увидел разложенные на стуле

носки, спортивные шаровары, спортивную безрукавку, тенниску, трусы. Не будучи уверен, что это приготовлено для него, Беленко облачился в мешковатый японский костюм и пошел в столовую.

Здесь Джим представил его Питеру, одному из трех американцев, заботам которых отныне поручался Беленко. Внешностью Питер напоминал человека из мира искусств, художника или композитора. Темные вьющиеся волосы, черные задумчивые глаза вызвали в памяти известный портрет Бетховена. Питер был верующим католиком, отцом восьмерых детей, прекрасным лингвистом и одним из лучших офицеров американской разведки. Он прекрасно говорил по-русски.

Питер и Беленко шутили и смеялись, как если бы они встретились всего лишь ради того, чтобы сыграть в гольф и обменяться последними русскими анекдотами.

— А вы слышали анекдот об армянских студентах? Как они пришли к профессору и спрашивают: „Скажите, действительно ли возможно построить в Армении коммунизм?“ — „Можно, — ответил профессор, — но почему бы сначала не построить его в Грузии?“

Тут же Виктора познакомили еще с одним его опекуном — Ником. Русский по происхождению, Ник был сержантом флота и добровольно отправился во Вьетнам, где, как можно было догадаться, участвовал в секретных разведывательных операциях. Теперь флот „одолжил“ его ЦРУ. Ему предстояло стать для Беленко и гидом, и другом, и, хотя об этом не говорилось вслух, телохранителем.

Просторы северной Вирджинии, покрытые лесом и гребнями гор, видны в ясный день издалека, прекрасны в любую пору. Но больше всего поразили Беленко фермы: аккуратные белые дома фермеров, образцово возделанные поля, надежные и легкие заборы, откормленным стада, пасущиеся в долинах, огромные амбары, автомобили, грузовики и сельскохозяйственные

машины, очевидные признаки благополучия и достатка.

Они решили совершить прогулку на машине и ближайший городок. Остановились у торгового центра на окраине и направились было к магазину одежды, но Беленко настоял, чтобы сначала зайти по дороге в супермаркет. Войдя, он остановился, как вкопанный. Горы фруктов и свежих овощей, длинные стеллажи с сосисками, колбасой, окороками, такие же стеллажи с сырами, множества наименований, молоко, масло, наконец, стеллаж с мясом — не менее двадцати метров длины, буквально со всеми видами мяса, которые только существуют на свете, и все завернуты в прозрачный пластик. А цыплята, куры, индюшки! Красочные коробки и пакеты с разнообразными продуктами, с рисунками, показывающими их содержимое, длинные витрины с мороженными продуктами, также с рисунками на каждом пакете, орехи, конфеты, торты, соки, все виды соков... Масса сортов мыла, бумажных салфеток, скатертей, туалетной бумаги и много других товаров, назначение которых Виктору было неясно. Пиво! Американское, немецкое, голландское, датское, австралийское, мексиканское, канадское... Это магазин самообслуживания, здесь никто ничего вам не выдает. Вы выбираете, что вам нравится, и загружаете продуктами легкую тележку.

Никогда не приходилось Беленко бывать с мясных и овощных магазинах, где не пахло бы несвежим мясом, испортившейся капустой или картофелем. Никогда не приходилось видеть, чтобы магазин, в который завезли какой-нибудь хороший товар, не был забит до предела покупателями. Хорошо еще, если длинный хвост не тянулся к его дверям по улице! А здесь... Он понимал, что за какие-нибудь полчаса, не выходя из магазина, любая хозяйка может приобрести все, что ей необходимо, чтобы две недели кормить всю семью. Впрочем... *Наверное, это не обычный магазин. Простые люди не могут себе позволить покупать здесь, по-видимому из-за цен. А то бы здесь было такое же столпотворение, как и у нас...*

По дороге в магазин одежды Беленко не удержался и потянул Ника и Питера в магазин радиотоваров. Цветные телевизоры разных размеров и марок были включены и позволяли увидеть разные передачи. Беленко был удивлен сочностью красок, яркостью изображения, да и сами передачи показались удивительно интересными. Очень заинтересовали его и миниатюрные калькуляторы. *Тоже, видимо, вещь, доступная только богатым...*

Ему понадобилось провести всего несколько минут в магазине одежды, чтобы понять, что и это показуха. Он увидел несколько сот костюмов, массу спортивных пиджаков, пальто, плащей, рядами висящих на плечиках, пачки брюк и рубашек на стойках, галстуков, тут же обувь — и на весь огромный зал всего два-три продавца. Питер привел Беленко к секции, где висели костюмы его размера, стал снимать один за другим с вешалки и протягивать Беленко на выбор.

Продавец поспешил к ним с любезной улыбкой и, между прочим, заметил: „Приятно видеть отца, приобретающего костюмы для сыновей!“ Беленко подумал, что если даже реплика и не была придумана и отрепетирована заранее, что, во всяком случае, Питера знают в этом магазине. Костюм-тройка, который Виктор выбрал по совету Питера, требовал небольшой подгонки, и продавец попросил вернуться через полчаса, к этому времени костюм будет готов. Они воспользовались этой задержкой, чтобы купить для Виктора рубашки, галстуки, белье, носки, теплый костюм, яркую спортивную куртку, плащ с утепленной подкладкой на молнии и прекрасные туфли, — таких Беленко не только носить, но и видеть еще не приходилось.

Он все еще видел во всем, что его окружало, нечто вроде спектакля, разыгрываемого специально для него. *Взять хотя бы заправочную станцию у въезда в торговый центр. Три машины — в каждой за рулем женщина — заправлялись одновременно, мальчик протирал лобовое стекло в одной машине, и не было никакой очереди к бензоколонкам.*

— Ну, поздравляю,- сказал Беленко, когда ехали назад. — Вы отлично справились со своей задачей.

— Что вы имеете в виду?

— Торговый центр и все там кругом... Точь-в-точь, как наши колхозы, куда возят иностранцев.

Ник рассмеялся, но Питер оставался серьезным. — Виктор, я даю вам честное слово, что это обыкновенный торговый центр. В Америке таких десятки тысяч. Куда бы вы ни поехали, на север, на юг, восток или запад, вы увидите точно такие же. Многие, расположенные в пригородах больших городов, даже намного лучше.

— Но может ли американский рабочий купить то, что мы сегодня видели? Скажем, цветной телевизор?

— Что значит „может”? Почти во всех американских семьях есть по одному, а то и по два цветных телевизора. Но вам нет нужды верить мне на слово. Вот поездите по Америке, тогда сами убедитесь.

Беленко получил несколько книг и журналов на русском языке. Питер посоветовал читать, развлекаться, спать, смотреть телевизор, пока не надоест. Он подвел Беленко к полкам, уставленным бутылками с различными винами и водками, показал, где стоит забитый продуктами холодильник. „А это — комната Ника. Здесь вы всегда сможете его найти”.

В этот вечер Виктор впервые раскрыл „Архипелаг ГУЛаг”. Поздно вечером от оторвался от книги, достал из холодильника банку пива и, привлекаемый ярким светом луны и свежестью деревенского воздуха, решил выпить пиво на веранде. Но едва он открыл дверь, как к нему бросились двое. У одного из них в руке блеснул пистолет. „Простите нас, пожалуйста, — произнес этот человек на ломаном русском. — Мы не знали, что это вы. Выходите и почувствуйте себя как дома”.

Утром Беленко увидел, как маленькая красная машина въехала на большой скорости во двор и, завизжав тормозами, стала как вкопанная.

Из машины вышла кареглазая женщина с растрепанными ветром каштановыми волосами, придававшими ей

озорной вид. „Анна”, — представилась она. По-русски Анна говорила, как на родном языке, мелодично и свободно, хотя была американкой со Среднего Запада, русский изучала в школе, а потом — во время неоднократных поездок в Советский Союз.

Анна изучила Советский Союз по источникам, недоступным Беленко на родине. Поэтому ей нетрудно было поразить его фактами, о которых он никогда еще не слышал. Он был удивлен и обрадован, узнав о размахе движения инакомыслящих, о самиздатовских изданиях в СССР, о влиянии, какое успели приобрести на Западе многочисленные советские беженцы.

Анна была первым человеком на американской земле, кому он мог доверить свои давно скрываемые мысли, гнев, ненависть, которые толкнули его на бегство. Начав говорить с ней, Виктор уже не мог остановиться, и Анна, которая собиралась уехать в полдень, провела с ним весь этот день.

Несмотря на настойчивые требования органов военной разведки поскорее дать им возможность узнать у Беленко все, что их интересует, ЦРУ ограничило эти встречи и беседы четырьмя часами ежедневно. Два часа каждое утро, когда мозг свеж и наиболее восприимчив, отводились на занятия английским языком — самое важное, чтобы начать ему строить новую жизнь в этой стране. Дневные часы и вечера предназначались на чтение, учебу и поездки по стране, чтобы увидеть побольше своими глазами. Ему обещали показать все, что он пожелает, как бы затруднительно это ни было для властей. А по субботам и воскресеньям он будет летать, водить самолет, делать фигуры высшего пилотажа, осваивать американское небо.

В его представлении полная свобода неотделима от возможности летать, и эта возможность будет ему предоставлена.

Уверенный в глубине души, что требует невозможного, Беленко признался Питеру и Анне, что ему бы

очень хотелось побывать на какой-нибудь военно-воздушной базе и еще на борту авианосца. Они восприняли это так, точно в просьбе не было ничего необычного. Что касается военно-воздушной базы, то здесь вообще нет никаких проблем, сказал Питер. Через пару недель Беленко там побывает. А с авианосцем... Все зависит от того, когда какой-нибудь из них подойдет достаточно близко к берегам США, чтобы туда можно было слетать. Это всего лишь вопрос времени.

Первая беседа с военными разведчиками началась с неожиданного вопроса. Когда Беленко решил перелететь на Запад, он приготовил у себя в Чугуевке записку на английском, в которой, как ему казалось, написал: „Сообщите о случившемся представителю американской разведки. Спрячьте и охраняйте самолет. Не разрешайте никому приближаться к самолету”. На самом же деле он написал на языке, который никогда не изучал, следующее: „Поскорее вызовите представителя американской разведки. Самолет закамуфлируйте. Никому не разрешайте приближаться”. Когда же японцы перевели эту записку на свой язык, получилось как в испорченном телефоне: „Самолет — опасная ловушка. Не прикасайтесь”.

С особой осторожностью японцы заглянули в кабину и окончательно были перепуганы, увидев множество красных кнопок с надписью „Опасно”. И в довершение всего японцы и их американские коллеги обнаружили, что в кабине вовсе нет предохранителей, назначение которых должно было состоять в том, чтобы не допустить произвольного нажатия красных кнопок. Вероятно, какие-то из них связаны с взрывным устройством для уничтожения самолета, который ни в коем случае не должен попасть в руки иностранцев? Пока не получен ответ на этот вопрос, изучение самолета не могло начаться, — но только Беленко мог дать такой ответ.

Поэтому на третий день пребывания Виктора в Америке офицеры военно-воздушных сил доставили

к нему огромные фотографии кабины МИГ-25, увеличенные до натуральной величины и выполненные с такой четкостью, что можно было видеть каждую цифру на шкалах приборов, как будто вы сидите в пилотском кресле. Руководитель группы ВВС был высокий, отлично сложенный полковник с пытливыми темными глазами и грубым обветренным лицом. Полковник, представившийся как Грэг, удивил Беленко с первых же произнесенных им слов. Питер говорил по-русски как иностранец, прилежно изучивший язык, Анна говорила правильно, свободно, без ошибок, но Грэг... Грэг владел русским так, как будто родился и провел всю жизнь в России.

Грэг приветствовал Беленко тепло, но сдержанно, как если бы Беленко был наилучшим образом аттестованный молодой офицер, прибывший в его часть. Предстоит важная работа, и он намерен приступить к ней, не теряя времени. Они установили снимки стоймя на полу, воссоздав кабину в трех измерениях. Беленко объяснил назначение каждой кнопки с надписью „опасно“, но не смог объяснить почему предохранительные штыри оказались вытащены из гнезд, где им надлежало быть. Ошибка пьяного техника? Намерение действия кого-то из его части? Приказ? Совершенно неясно. Вместе с Грэгом они пометили на снимках, где зафиксировать штыри, которые теперь придется изготовить японским и американским специалистам.

— Ладно, а сейчас покажите мне, как завести двигатели.

— Отчего вы не хотите подождать, пока самолет будет здесь? Я все вам покажу и научу ваших пилотов летать на нем.

— Боюсь, что нам с вами летать на нем не придется. Судя по всему, нам придется вернуть самолет в месячный срок или около этого.

— Как? Вы что, с ума сошли? — Беленко был вне себя. Вернуть самолет?! Вы думаете если бы ваш Ф-14

или Ф-15 приземлился в Чехословакии или в Польше, вам бы его вернули?! Теперь это наш самолет! Я пригнал его вам! Я рисковал жизнью, я лишился всего, чтобы передать его вам! Заберите мою машину у японцев. Если вы вернете ее обратно, советские будут над вами смеяться. В их глазах вы останетесь дураками!

- Успокойтесь! — произнес Грэг. — Я возмущен не меньше вашего. Я согласен с вами. Но не я делаю политику. Мы рассчитываем с вашей помощью узнать о самолете как можно больше, не летая на нем. Поэтому не будем терять времени.

В процессе совместной работы двух профессионалов Беленко убедился, что он имеет дело с опытейшими летчиками и человеком, говорящим с ним на одном языке. Грэг был тем, чем Беленко только мечтал стать — летчиком-истребителем, испытателем и смелым искателем приключений. Во Вьетнаме он совершил сто боевых вылетов, летал на Ханой, Хайфон, обстреливал стратегически важные мосты, защищаемые батареями советских ракет САМ, изо дня в день рисковал жизнью. Пилоты его эскадрильи, летавшие на машинах Ф-105, первыми появлялись над целью и уходили последними. Их задачей было спровоцировать команды ракетных батарей САМ включить радары начать ракетный обстрел самолетов. Если команды САМов клюнут на приманку, следующие волны американских самолетов смогут безошибочно ударить по радарным системам и батареям САМ. Американские ракеты „воздух—земля” понесутся вниз по направлению луча радара к его источнику, уничтожив батарею, команду и все вокруг.

Родители Грэга, как и Ника, были эмигрантами из России. Желая передать своим детям хотя бы часть русской культуры, они настаивали на том, чтобы дома говорили по-русски. Затем Грэг еще изучал русский в университете. Поскольку он в совершенстве владел этим языком, также обладал высокой квалификацией летчика-испытателя, его часто, против его желания, снимали с полетов и привлекали к разведывательной

работе. Он приобрел уважение и доверие ЦРУ, что нелегко завоевать. Поэтому в случае с Беленко выбор пал на него: его обязанностью будет получение технической информации от советского летчика. Впоследствии подтвердилось, что выбор был сделан как нельзя более правильный.

Выполняя обещание, американцы устроили Виктору полет с военно-воздушной базы Андрес под Вашингтоном на базу истребителей. Он и Грэг находились в комнате ожидания, когда командир базы Андрес, генерал, узнал Грэга и подошел, чтобы пожать ему руку. Беленко был ошарашен, потому что генерал был черным.

Это не настоящий негр! Негр не может быть генералом! Это они кого-то выкрасили в черный цвет и нарядили в генеральскую форму. Они выкрасили его, специально чтобы показать мне!

Его пригласили осмотреть самолеты-истребители Ф-4, Ф-106, а также один из двух американских истребителей, которых его учили опасаться больше всего: Ф-15. „Продолжайте осмотр, садитесь в кабину, — сказал Грэг. — Но если вы улетите, отвечать придется мне”. Никаких сомнений: самолеты настоящие, точно такие, как их описывали в СССР. Некоторые детали удивили Виктора. Электроника, противопожарные средства, вооружение, навигационные устройства и некоторые другие системы казались более совершенными, чем ему говорили, поверхность обшивки американских самолетов была глаже, чем у МИГа. В основном, это было то, что он ожидал: прекрасная машина, но известная машина, без каких-либо особых неожиданностей.

Клубы для личного рядового состава, младших офицеров и офицеров, с множеством помещений, предназначенных для столовой, танцев, бара, чтения, пинг-понга, карт и шахмат, спортивные залы, бассейны, теннисные корты, театр...

— Как вы можете себе позволить расходовать такие суммы на людей, а не на вооружение?

— Как мы можем себе позволить не делать этого? — вопросом на вопрос ответил командир базы. — Лучшее

оружие в мире немногого стоит, если вы не располагаете людьми, желающими и умеющими владеть им.

Верно. В этом он прав. Это как раз то, о чем я постоянно говорил в своей части...

Командир базы сказал Беленко, что военно-воздушные силы просят его принять на память о визите комплект американской летной формы. Никакая одежда ему так не нравилась, как эта. Сделанная из синтетики, она была шелковистой и мягкой наощупь, легкой, но теплой. „Теперь вы похожи на американского пилота“, сказал Грэг, когда Беленко оглядывал себя в зеркале в новой темнозеленой форме.

- Позвольте мне кое-что продемонстрировать вам, — предложил один из офицеров. Он щелкнул зажигалкой и поднес огонек к новой форме Беленко.

- Не делайте этого! — закричал Беленко отшатнувшись.

- Поверьте, ни вам, ни форме ничего не грозит. Она огнестойкая. В крайнем случае мы дадим вам другую.

Огонек зажигалки коснулся рукава, и Беленко убедился, что ткань, действительно, не горит и не обугливается.

После этого Беленко попросил разрешения встретиться с обычным сержантом, которого он мог бы расспросить о работе и условиях жизни. Не доверяя односложным ответам сержанта, Беленко сказал, что хотел бы посмотреть, как он живет. Ничего нет проще, сказал командир базы. Он живет всего в нескольких кварталах отсюда. Поехали, я вас довезу на своей машине.

Что это за начальник, который развозит подчиненных, в том числе и простого сержанта, как обыкновенный шофер?!

Сержант жил на территории базы в двухэтажном коттедже с небольшим участком и отдельно стоящим гаражом. Беленко поинтересовался, как это сержанту предоставили такой большой дом. Командир объяснил, что величина дома зависит от состава семьи.

Ну, разве не абсурд! А посмотреть хотя бы на машину, стоя-

щую возле дома, — они хотят убедить меня, что это машина сержанта. Да она лучше, чем машина самого начальника базы!

После того, как Виктору был показан дом майора, лучший, но не намного, Виктор решил, что с него хватит.

Довольно с меня показухи. Да и зачем заставлять людей притворяться?

Питер и Анна не раз напоминали Беленко о необходимости научиться водить машину. Собственно, он и сам хотел бы поскорее сесть за руль. Но когда ему сказали, что прежде надо сдать водительский экзамен и получить разрешение от властей штата Вирджиния, он рассердился.

— Почему бы вам просто не выписать мне это разрешение?

— У нас нет на это прав.

— Это просто смешно! В СССР вы можете купить водительские права на черном рынке за сто рублей! Что же, здесь это стоит дороже?

— Верьте нам, Виктор. Вам нужно пройти экзамен, как все остальным. ЦРУ может выдать вам фальшивое удостоверение личности, но не водительские права.

Беленко быстро научился водить машину, но, привыкнув к большим скоростям, не очень-то считался с ограничениями, диктуемыми правилами уличного движения.

Как-то раз он вел машину по четырехрядному шоссе. Сзади раздался рев сирены.

Питер, сидящий рядом, забеспокоился. „Черт побери, Виктор, вы превышаете скорость. Сейчас делайте то, что я вам скажу. Уменьшайте скорость, съезжайте вбок, остановитесь на обочине и опустите стекло. К вам подойдет офицер из дорожной полиции и попросит права. Дайте ему их и ничего не говорите. Он выпишет вам штраф. Когда он даст вам квитанцию, кивните и скажите: „Благодарю вас, офицер“.

Беленко был ничуть не смущен. Даже больше, он был рад показать Питеру, как сейчас он ловко выйдет из неприятного положения. Он знал, что ему следует

делать. Советская милиция тоже ведь часто останавливает машины для проверки. Водитель обычно дает милиционеру несколько рублей. Иначе он будет обвинен в нарушении правил движения и получит прокол в своем водительском удостоверении; после третьего прокола права отбираются.

Высокий, подтянутый полицейский в серой шляпе с широкой лентой наклонился к окну. „Сынок, вы знаете, что вы шли на скорости восемьдесят пять миль в час?“

Беленко усмехнулся и протянул полицейскому две двадцатидолларовые бумажки.

— Нет! Нет! — закричал по-русски Питер. — Сейчас же уберите деньги, Виктор!

Тут же он продолжил по-английски: „Офицер, я работник ЦРУ. Могу я говорить с вами с глазу на глаз?“ Питер вышел из машины и отошел в сторону с полицейским.

Спустя несколько минут полицейский вернулся и обратился к Беленко: „Я хотел бы пожать вам руку...“

Со всей серьезностью Питер предупредил Виктора, что попытка подкупить полицейского и вообще любого официального представителя власти является серьезным преступлением. „Некоторые берут взятки, это правда. Но девяносто девять и девять десятых процента этого не делают, и если вы предложите им взятку, вас арестуют. А я не всегда буду рядом с вами, чтобы выручать вас из беды“.

Анна пригласила Беленко в вашингтонский ресторан, где познакомила его со своим мужем, пожилым человеком, вполне осведомленным о том, что делается в Советском Союзе, говорящим по-русски. Поскольку Беленко был уверен, что президентские выборы в Америке являются фарсом, а все кандидаты — „марионетки крупного капитала“, он с интересом прислушивался к разговору присутствующих о публичных дебатах двух кандидатов в президенты, Форда и Картера. Анна была за Картера, ее муж — за Форда. Они сравнивали

программы кандидатов, спорили друг с другом, сердились и не соглашались, сравнивая достоинства обоих наиболее серьезных кандидатов в президенты.

Впечатления от долгожданного посещения авианосца окончательно разрушили диковатое представление об Америке, внушенное Виктору на родине.

Самолет доставил Беленко и Грэга на борт авианосца, стоящего примерно в ста милях от скалистых берегов Вирджинии. Капитан корабля приветствовал Беленко, сказав, что военно-морской флот Соединенных Штатов считает высокой честью принимать на борту такого гостя. Беленко может смотреть на авианосце все, что он пожелает, на любой вопрос он получит ответ. Но сначала капитан предложил посмотреть, как происходит взлет и посадка самолетов на палубу авианосца, — то, ради чего этот корабль создан.

Беленко стоял рядом с офицером, регулирующим заход самолетов на посадку. Истребители снижались, грохоча двигателями. Бам! Очередной самолет рывком обрушивался на стальную палубу и замирал, остановленный тормозным устройством. С еще более оглушительным грохотом, сотрясая корпус самолета, взрывался двигатель в режиме форсажа, самолет точно выстреливался с палубы, несясь над водой и исчезал из вида. И так каждые десять секунд!

Техническое совершенство авианосца, самолетов, профессиональное искусство летчиков способны были поразить даже специалиста. Но все же не это было самым важным. Здесь все, независимо от званий и чинов, полностью доверяли свои жизни друг другу. Никто никого не принуждал, не подгонял, не было слышно ни крика, ни брани. Каждый четко и уверенно делал свое дело.

— А где у вас сидят проштрафившиеся? — спросил Беленко. Это был чуть ли не первый его вопрос.

Ему показали пять или шесть тесных камер со стандартными морскими койками — все оказались пустыми. Отвечая на следующий вопрос, капитан перечислил проступки, которые влекли за собой наказание: пьян-

ство, курение марихуаны, хулиганство...

— Почему же эти камеры пустуют?

— Наверное, нам повезло. У нас на корабле редко бывают такие нарушения.

— А сколько людей служит на авианосце?

— Около пяти тысяч офицеров и рядовых.

Заметив на воротнике одного из офицеров эмблему в виде креста, Беленко поинтересовался, обязательно ли молитва для команды.

Капитан ответил, что хотя на корабле есть протестантский, католический и еврейский священнослужители, состав команды волен посещать или не посещать религиозную службу: вера — личное дело каждого, строго соблюдается свобода совести.

Беленко хотел еще знать, несут ли священнослужители также функции политработников, но капитан не мог понять его вопроса.

Через несколько дней после того, как Беленко вернулся в авианосца, Питер познакомил его с тем, что говорилось о нем в Советском Союзе. Было ясно, что попытки вернуть его продолжаются.

— Они поняли, что мы не выдадим вас, и единственная их надежда — в том, чтобы убедить вас вернуться добровольно. Чуть ли не каждый день они требуют, чтобы мы предоставили им еще одну возможность поговорить с вами. Действуют они неумно и грубо. Понимают, что прямым нажимом на нас ничего не добьются. Поэтому они стараются оказать на нас давление косвенно, давят всячески на Японию. Захватывают японские рыболовные суда, угрожают японцам, шантажируют их. Боюсь, ваши бывшие соотечественники не успокоятся, пока мы не позволим им еще раз встретиться с вами.

— Что они говорят насчет меня?

Всякую чушь. Они говорят, что не уверены, вас ли им показали в Токио. Кроме того, у них не было возможности установить, добровольно ли вы остались

на Западе или действуете под влиянием наркотиков.

— Что же теперь от меня требуется?

— Вас никто не обязывает еще раз встречаться с ними. Никто ничего от вас не требует. Но японцы очень благородно вели себя в этом деле, и вы бы им здорово помогли, если бы согласились на встречу с советскими...

— Ладно, согласен. Но я хочу предупредить вас, — а вы можете передать советским представителям, — это в последний раз!

Питер в сопровождении еще нескольких офицеров ЦРУ ввели Беленко в фойе перед конференц-залом госдепартамента.

Мы останемся здесь и немедленно войдем, если возникнет необходимость. Мы проверим, чтобы они не были вооружены. Вы здесь в полной безопасности. Постарайтесь не нервничать, как бы вас ни провоцировали.

В конференц-зале Беленко ожидали советник посольства СССР Воронцов, руководитель советской делегации на Белградской конференции по правам человека, врач и офицер КГБ, тоже имевший дипломатический ранг и работающий в советском посольстве в Вашингтоне.

Как только Беленко вошел, Воронцов горячо пожал ему руку. — Рад вас видеть!..

И тут же предложил, как если бы он, а не госдепартамент устроил эту встречу: „Садитесь, пожалуйста, и давайте поговорим свободно и откровенно. Теперь мы знаем, что-то случилось с вашим самолетом, и ваше приземление в Японии было вынужденным”.

— Мы знаем также, что в Японии вы старались защитить свой самолет с пистолетом в руке, — продолжал Воронцов. — Нам известно, что японцы применили к вам насилие, нахлобучили вам на голову бумажный мешок. Потом они поместили вас в тюрьму и давали вам наркотики. Вы не могли контролировать свои поступки, свои действия... Ваши жена и сын, все ваши

родственники очень переживают, все очень огорчены, все они скучают по вас. Они просили передать вам письма и фотографии.

Воронцов разложил их на столе перед Беленко, но тот смотрел в сторону. Воронцов придвинул их ближе. Беленко взглянул собеседнику прямо в глаза и прочел в них откровенную злобу. Но Воронцов, человек волевой, сдержал себя и спокойным тоном продолжал:

— Мы хотим, чтобы вы знали, что несмотря на все случившееся, даже если вы и сделали какие-то ошибки, вы будете полностью прощены, если вернетесь на родину, к вашей семье, на родную землю. Только там вы можете быть счастливы. Вам нечего бояться. От имени самых высоких инстанций я обещаю вам: вас простят. Вы, может быть, не слышали о таком случае, так я вам расскажу. Один наш майор бежал в Соединенные Штаты, но решил вернуться на родину и встретился с нами, чтобы посоветоваться, как ему быть... Впоследствии, уже живя опять в Москве, он пришел там в американское посольство и подтвердил американцам, что он свободен и не был подвергнут никакому наказанию...

Поодаль молча сидел американец — молодой работник Госдепартамента, которого Беленко сначала не заметил. В этом месте он не выдержал и рассмеялся.

— Это ведь неправда, мистер Воронцов!

— Беда с этими американцами! — воскликнул Воронцов. — Ни в чем вы нам не верите...

— Оттого, что вы не всегда говорите правду.

Повернувшись к Виктору, Воронцов продолжал:

— Товарищ Беленко, если хотите, вы можете уйти из этого помещения вместе с нами, и завтра же вы будете в Москве со своей семьей. Будете продолжать служить в военно-воздушных силах, в том же звании. — Воронцов просиял улыбкой. — Более того, я уполномочен передать вам, что вы сможете стать легчиком-испытателем.

Беленко поднялся.

— Я хочу высказаться ясно и окончательно. Все, что я сделал до и после посадки в Японии, я делал добровольно. Японцы отнеслись ко мне очень хорошо и помогли мне во всем, хотя им это было нелегко. Никаких наркотиков мне не давали. И бумажного мешка на голову не напяливали. Они не применяли ко мне силу. Наоборот, они охраняли меня. Все, что я сделал, я сделал совершенно сознательно. Никто силой меня не задерживает в Соединенных Штатах. Я сам принял решение жить здесь. Я не вернусь.

Беленко повернулся к представителю Госдепартамента.

— Я хочу попросить советского врача задать мне любые вопросы, чтобы он мог убедиться, что я абсолютно здоров.

Это было очевидно для врача и без всяких вопросов. Врач казался несколько смущенным.

— Бывает ли у вас головная боль?

— Нет.

— Принимаете ли вы какие-нибудь лекарства?

— Нет.

— На самочувствие не жалуетесь?

— Напротив, я чувствую себя прекрасно.

Врач в растерянности посмотрел на Воронцова, а тот, точно ждал этого, заговорил с неожиданной горячностью:

— Наш министр иностранных дел обсуждает этот вопрос с госсекретарем Киссинджером и другими высшими представителями американских властей. Потому что мы знаем, что американцы удерживают вас здесь насильно, против вашей воли, вопреки вашему желанию!

— Ничего подобного. Я сам не желаю возвращаться в Советский Союз.

— Что, в конце концов, с вами случилось? Почему вы все это сделали?

— Вы могли бы и сами догадаться, почему.

Воронцов снова вернулся к спокойному тону:
— Вы вернетесь. Когда вы решите это сделать, просто позвоните в советское посольство, и вас с распростертыми объятиями примут на родине.

— Я уже принял окончательное решение. Я не вернусь. Я остаюсь в Соединенных Штатах. Нам больше не о чем разговаривать.

Представитель Госдепартамента поднялся: „Что ж, господа, кажется ваша встреча закончена”.

Когда Беленко выходил из зала, Воронцов еще раз окликнул его, и какая-то уверенность, даже пророческие нотки в его словах слегка встревожили Беленко: „Мы уверены, что вы вернетесь! Вы будете снова с нами. Еще придет такой день!”

Сотрудники ЦРУ, ожидавшие в соседней комнате, молча пожали Беленко руку. „Мы знаем, что вам пришлось нелегко. Вы хороший и смелый человек, Виктор”, — сказал Питер.

Они возвращались через мост Памяти, въехали на территорию Арлингтонского национального кладбища и медленно проследовали по нему узкими аллеями. „Что мы здесь делаем?” — удивился Беленко.

— Проверяем, не увязались ли за нами кагебисты, — последовал ответ.

— Как! Вы хотите сказать, что они шмыгают и здесь?!

— Да, и никогда не стоит забывать об этом. Вам придется помнить об этой опасности всю жизнь...

С холма, усыпанного осенними листьями, они любовались видом Вашингтона, освещенного заходящим солнцем. Беленко думал о своей новой жизни и гнал от себя мысли о том, что оставил позади. Но одна мысль невольно возвращалась вновь и вновь.

Могут ли они вернуть меня? Вернусь ли я сам? Нет, конечно же нет!

Глава седьмая

РАЗВОРАЧИВАЯ НЕЖДАННЫЙ ПОДАРОК

На протяжении целого десятилетия тайна МИГа-25 давала пищу серьезным спорам, сомнениям и опасениям в среде западных авиаконструкторов, военных, государственных деятелей. Сам факт существования этого самолета повлиял на оборонные бюджеты, конструирование и производство истребителей и бомбардировщиков, на стратегическое мышление и политические решения, принимавшиеся на высшем уровне.

Основываясь на разведывательной информации, имевшейся в распоряжении Запада и дававшей достаточно полное представление о советском технологическом уровне, американские специалисты не могли понять, как это их советским соперникам еще в 1960-х годах удалось создать истребитель, способный не только лететь со скоростью, более чем в три раза превышающей скорость звука, но и нести четыре тяжелых и мощных ракеты на высоте 80 тысяч футов над землей. На это были неспособны даже новейшие американские истребители, созданные уже в 70-х годах.

Невольно возникал вопрос: да были ли вообще верны собранные с таким трудом данные об уровне советской техники? Быть может, в СССР на секретных предприятиях достигли таких успехов в металлургии,

в конструировании боевых самолетов, может быть, даже в авиационной электронике, что сумели оставить Запад далеко позади. Похоже, что МИГ-25 — лучший в мире истребитель-перехватчик, и советские военно-воздушные силы, должно быть, уже осознали, что в случае войны он обеспечит им превосходство в воздухе.

Ликвидировать эту опасность Запад мог бы, только предприняв срочные и дорогостоящие шаги. Но для этого надо было точно знать, насколько далеко ушел удачливый соперник. Короче: что конкретно представляет собой этот МИГ, из каких материалов он сделан, каким оборудованием оснащен.

Беленко не мог преподнести Соединенным Штатам более своевременный и ценный подарок, чем этот сверхсекретный боевой самолет. Теперь у американцев появилась возможность получить достоверные и точные ответы на многие наболевшие вопросы.

Чтобы обеспечить Беленко полную безопасность и в то же время беседовать с ним без помех, ЦРУ оборудовало специальное помещение, которое на первый взгляд могло показаться всего лишь одной из многочисленных лабораторий крупного научно-исследовательского института. Люди могли входить и выходить из огромного здания, не возбуждая любопытства, посторонних вряд ли заинтересовала бы эта „лаборатория”, и вдобавок за любым человеком, приближающимся к ней, можно было наблюдать, пока он шел по длинному коридору, ведущему к единственному входу. Впрочем, второй вход тоже существовал, но был известен только узкому кругу посвященных.

Меняя каждый день маршрут, Беленко и его телохранитель -- иногда это был Ник, а иногда Грэг, — прибывали сюда в половине десятого утра, и начинались допросы, беседы, бесконечные уточнения. Независимо от того, часто или редко это случается на самом деле, всегда есть люди, подозревающие в каждом перебежчике из Советского Союза коварного советского агента, засланного с целью дезинформации. В любом случае

благоразумие подсказывает, что специалисты контрразведки должны убедиться в „подлинности” и правдивости перебежчика. Ему задают самые разнообразные вопросы, и невинные и касающиеся секретной информации, „на засыпку” — это контрольные вопросы, потому что ответы на них известны заранее. Первые допросы Беленко были густо усеяны такими ловушками.

— Кстати, как у вас убирают снег со взлетной дорожки?

Мы используем довольно оригинальный снегоочиститель, сделанный из списанного авиационного мотора. Если он не справляется, или если под снегом — ледяная корка, то приходится пускать в ход кирки и лопаты.

Ответ правильный. Правильными оказались и другие его ответы, подтвердившие выводы Анны и Питера. Беленко был на редкость интеллигентным и толковым офицером, однако все это и гроша бы ломаного не стоило, если бы выяснилось, что он не всегда говорит правду. Но как только ЦРУ объявило его заслуживающим доверия, в Америке и в Японии последовал откровенный взрыв восторга: тайна МИГа-25, зловеще совершенного МИГа-25, наконец-то будет раскрыта!

Для начала американцы хотели выяснить, что же представлял собой конкретно тот экземпляр боевой машины, который Беленко привел на японский аэродром. Была ли это уже устаревшая модель, производство которой, быть может, прекращено? Есть ли более совершенные модели, чем та, на которой он летал? И нельзя ли узнать, чем они отличаются от этого МИГа?

Впервые русские испытали прототип МИГа-25 в 1964 году и в конце 60-х пустили эту модель в серийное производство. После того, как главнокомандующий советских военно-воздушных сил погиб в 1969 году при катастрофе именно МИГа-25, производство было приостановлено на год, но затем возобновилось. Модель периодически совершенствовалась, недочеты и мелкие дефекты конструкции устранялись, возмож-

ности машины росли. Постепенно МИГи-25 наряду с МИГаами-23 заменили почти все остальные самолеты-перехватчики советских военно-воздушных сил — МИГи-17, МИГи-19, СУ-9, СУ-15, ЯКи-28.

Та машина, которую Беленко посадил в Хакодате, была выпущена в феврале 1976 года. Самолет представлял собой одну из последних моделей и воплощал высшие достижения советской авиационной техники.

Десятки американских специалистов в области военного самолетостроения, электроники и металлургии присоединились к японским коллегам для совместного основательного изучения самолета. Прежде всего нужно было найти и обезвредить взрывные устройства, предназначенные для уничтожения важнейших узлов самолета в случае, если он попадет в чужие руки — радара, компьютера автопилота, системы управления огнем. Когда эта опасная операция была завершена, самолет разобрали и погрузили части на гигантский транспортный самолет.

Чтобы предупредить возможное вмешательство советских самолетов, не прекращавших облет Хакодате, японцы прикрыли транспортную машину эскортом истребителей, состоявшим из Ф-104 и Ф-4, и 25 сентября она благополучно приземлилась на военно-воздушной базе Хаякири, в шестидесяти милях к северу от Токио. Здесь в огромном ангаре, день и ночь охраняемом японскими солдатами, специалисты начали рассматривать и изучать неожиданно упавший с неба подарок. Но когда весь МИГ-25 был разобран до последнего винтика, специалисты не могли поверить своим глазам.

Боже! Взгляните, из чего это сделано! Да у них здесь должны были стоять полупроводниковые приборы, — а они используют ламповые! Посмотрите на эти гигантских размеров двигатели — их габариты и вес явно не пропорциональны развиваемой тяге. А сварка! Они варят вручную! Обзор из кабины сужен до преде-

ла — пилот не видит цель, пока она не появится перед его носом! Да это даже не самолет, это всего-навсего ракета! Зато вот взгляните, что они сделали здесь. Они использовали алюминий. Умно! А наши конструкторы до этого не додумались!

Ответы, которые дал Беленко на вопросы о тактико-технических данных своей машины, вначале показались странными и противоречивыми.

— Какова максимальная скорость МИГа-25?

— Превышать скорость звука более чем в 2,8 раза не рекомендовалось, но на практике пилотам запрещалось летать даже со скоростью выше 2,5. Дело в том, что на особо высоких скоростях двигатели легко могут перегреться и выйти из строя.

— Но мы, американцы, как-то наблюдали МИГ-25, шедший со скоростью, в 3,2 раза превышавшей скорость звука...

— Совершенно верно, такая скорость достижима, но в этом случае двигатели полностью приходят в негодность и заменяются новыми, если пилоту посчастливится посадить машину.

Это объяснение совпадало со сведениями, которыми располагала американская разведка. МИГ-25, пролетевший в 1973 году над Израилем со скоростью 3,2, приземлился в Египте с полностью вышедшим из строя двигателем. Но американцы не знали, было ли это следствием какой-либо случайности или же это — закономерность, неизбежная при такой скорости.

— Каков радиус действия вашего МИГа?

— В лучшем случае 300 километров.

— Вы шутите!

— И не думаю.

— А мы думали, что радиус действия этих машин достигает 2000 километров.

Беленко рассмеялся.

— Теоретически, если вы не маневрируете, не пользуетесь форсажем двигателей и придерживаетесь наиболее выгодной высоты, вы можете пролететь 1200

километров без заправки. На самом же деле, когда мы перегоняли самолеты с базы на базу, без заправки мы не могли сделать более 900 километров. Судите сами. Я вылетел из Чугуевки с полными баками и едва дотянул до Японии.

Действительно, от первоначальных четырнадцати тонн топлива в его баках оставалось чуть больше 50 галлонов, когда он приземлился.

— Каков максимальный потолок самолета с полной боевой нагрузкой?

— Если вы летите с двумя ракетами, вы можете подняться на 24 тысячи метров за одну-две минуты. С четырьмя ракетами потолок составляет 21 тысячу метров, не больше. Ракеты могут быть запущены на высоту 27 тысяч метров.

— Выходит, они не смогут поразить наши СР-71 (наиболее совершенный разведывательный самолет США)!

— Расскажите о вашем радаре.

— Радар неплохой, помехоустойчивый. Но он не способен помочь выйти на цель, если высота полета менее 500 метров.

— Теперь поговорим о маневренности самолета. Каков допустимый уровень перегрузок?

— С полными баками крылья становятся настолько тяжелы, что могут отвалиться, если перегрузка превысит в 2,2 раза естественную силу тяжести. Даже если баки почти пусты, перегрузка выше пятикратной опасна.

Американцы были поражены. Выходит, он не может атаковать даже Ф-4!

— Он не может атаковать никого. МИГ-25 не предназначен для маневренного воздушного боя.

Вследствие утечки информации по вине лиц, занятых изучением отдельных узлов, а не самолета в целом, картина, рисуемая мировой прессой, оказалась неясной и противоречивой.

Так, было опубликовано мнение одного из япон-

ских экспертов: „Сравнивать рядом системы управления огнем на Ф-4 и МИГ-25 — это все равно, что ставить миниатюрный современный полупроводниковый магнитофон и громоздкий проигрыватель с электропроводом”.

Журнал „Ньюсуик” писал:

„Японские специалисты были поражены, увидев, что корпус и крылья покрыты коричневыми пятнами коррозии. Дело в том, что обшивка советских самолетов выполнена не из легкого и прочного титана, применяемого на американских истребителях, а из обыкновенной стали.

Но это только начало сенсационных открытий... Сварка и клепка выполнены неряшливо. Самолет обладает низкой маневренностью, а на высоких скоростях ракеты могут быть вырваны воздушным потоком из креплений”.

Член Палаты представителей Карр в обширной статье обвинил Пентагон в обмане страны „путем умышленного и грубого преувеличивания технических и боевых качеств МИГа-25”.

Однако некоторые американские специалисты, изучавшие МИГ-25, придерживались иной точки зрения. Один из них сказал, что самолет „сконструирован прямо-таки великолепно”. Комментарий другого выглядел так: „Мы догадывались, что это чертовски хороший самолет, так оно и оказалось. Мы преуменьшали его достоинства, потому что в некоторых отношениях он казался не вполне надежным или, скажем, местами на нем виднелись следы коррозии, что, конечно, недопустимо. Но важно то, что он может летать выше, быстрее и с большим грузом, чем любой другой самолет этого класса”. Вот мнение еще одного специалиста: „Очевидно, что советские проектировщики экономно и рачительно используют дорогие материалы, — только там, где это действительно необходимо. Представляется, что они спрашивают себя: зачем тратить огромные деньги, выдумывая новое, когда можно с таким же

успехом использовать проверенные и дешевые средства. Следовало бы, пожалуй, пригласить их сюда в Америку, чтобы они научили нас экономно проектировать и строить”.

Что же было правдой?

Вся информация, поступающая из Японии и затем обработанная отделом иностранной технологии штаба военно-воздушных сил в Дайтоне (Огайо), а также сведения, полученные от Беленко, стекались к генерал-майору Джорджу Кигену, возглавлявшему аппарат разведки ВВС. Когда все это было изучено, последовало четкое и определенное заключение.

Оно гласило: *Запад серьезно ошибался в своих оценках возможностей и назначения самолета и сильно преувеличивал угрозу, какую представлял МИГ-25. Это случилось потому, что западные страны исходили из характерных для них представлений, стереотипов мышления, неприменимых к объекту, созданному в СССР. Только появление Беленко позволило скорректировать эти неверные представления.*

Так как МИГ-25 был засечен на высоте 80 тысяч футов и шел со скоростью в 3,2 раза превышающей скорость звука, западные специалисты решили, что этот рекорд отражает нормальную высоту и скорость полета самолета. А поскольку постройку самолета с такими техническими характеристиками, какие Запад приписывал МИГу-25, требовала самого высокого уровня технологии, появилось опасение, что русскими уже достигнут такой уровень. Вдобавок, исходя из того, что современные западные самолеты предназначены для выполнения многих задач — перехвата, маневренного воздушного боя и бомбежки, — Запад решил, что МИГ является одновременно истребителем-бомбардировщиком и перехватчиком. Все это оказалось, к счастью, неверным, но в то же время выявило слабость западной военной разведки и порочность методологии военно-технического анализа. Итог, что и говорить, чрезвычайно малоприятный.

Кроме того, генерал Киген в своем докладе обратил внимание и на такое обстоятельство, показывающее, что советские возможности так же опасно недооценивать, как и переоценивать.

„В создании этой машины нашло отражение неподражаемое умение русских компенсировать ограниченность ресурсов неистощимой изобретательностью. Блестяще сочетая устаревшую и новую технологию, он в сравнительно короткий срок и путем сравнительно небольших затрат создали самолет таких тактико-технических качеств, достижение которых на Западе потребовало бы вложения колоссальных средств”.

Беседы с Беленко на „общие темы” в основном подтвердили то, что американцы и раньше знали о советских военных летчиках. Им было известно, что на профессиональной подготовке советских пилотов отрицательно сказываются политзанятия, на которые отводится значительное время, и всякие партийные поручения. Личный состав ВВС привлекается к уборке урожая или к строительству дорог.

Однако, по мнению Беленко, главная причина, почему американские пилоты в профессиональном отношении выше советских, состоит в том, что они летают больше — и во время учебы, и после ее окончания, и к тому же приобрели во Вьетнаме боевой опыт, которого советским летчикам недостает.

Имеются и такие советские пилоты, которые, если бы им представилась возможность, угнали бы свой самолет на Запад, как Беленко; вообще советские вооруженные силы в целом, бесспорно, уязвимы для западных разведок. Но в случае, если Советский Союз подвергнется нападению, большинство русских летчиков будет драться до конца, защищая не столько коммунизм, сколько родину, какой бы суровой она к ним ни была. По мнению Беленко, большинство советских летчиков, если будет приказ, пойдут на таран вражеских самолетов. Если им повезет, они катапультируются и уцелеют, если не повезет — умрут, как герои. Но ес-

ли они откажутся идти на таран в критической ситуации, их арестуют, и пострадают их семьи.

В области аэродромного обслуживания Беленко считал американское превосходство несомненным. Условия жизни и службы советского личного состава чрезвычайно суровы, и людей с трудом удается заставить выполнять свои многообразные обязанности в мирное время, когда нет прямой военной опасности и многие приказы начальства выглядят каким-то изощренным издевательством над подчиненными.

Знакомство Беленко с американскими самолетами на базах ВВС Соединенных Штатов подтвердило все, что ему говорили о них в СССР. Ф-14 и Ф-15, их ракеты, радары и управление огнем во всех отношениях превосходят советские самолеты. Но Беленко подчеркнул, что несмотря на беспорядок, пьянство и глухое недовольство в части, МИГи-25 всегда исправны и готовы к полету. Самолет сконструирован так, чтобы его техническое обслуживание было простым и легким. Даже техник с минимальным опытом может быстро проверить основные системы самолета, подключая их к контрольным приборам, смонтированным на машине аэродромного обслуживания.

Наиболее важные технические и другие секреты, которые Беленко выдал американцам, будут, по всей вероятности, храниться в тайне довольно долгое время.

После окончания формальных расспросов Беленко, которые длились около пяти месяцев, генерал Киген резюмировал: „Ценность того, что он нам дал, что он показал нам, так велика, что не может быть выражена в долларах. Люди Соединенных Штатов и Запада в целом — в вечном долгу перед ним”.

Но будущее Беленко было далеко не безоблачным. Ему предстояло встретиться лицом к лицу с очень серьезной опасностью.

Глава восьмая

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

ЦРУ постаралось, как могло, подготовить Беленко к встрече с этой опасностью.

Каким бы информированным, осведомленным и полезным ни был беглец из СССР, неизбежно наступит время, когда он, так сказать, исчерпает себя. Все, что связывало его с людьми, которым он передавал свои сведения, все личные, человеческие контакты с ними, не говоря уж о чисто деловых отношениях, должны рано или поздно прерваться. И американцы, которые с момента его бегства в их страну стали его друзьями, создав для него теплую, заботливую среду в незнакомой, чужой обстановке должны будут покинуть его и вернуться к обычным служебным обязанностям. Русский останется предоставленным самому себе.

КГБ постоянно предупреждало офицеров и гражданских лиц, которым разрешена была поездка за границу, а также своих работников, что если они, чего доброго, останутся на Западе, американцы „выжмут их, как лимон, а затем выбросят в мусор”. И до тех пор, пока русскому не удастся приобщиться к американской жизни, ему будет казаться, что это действительно с ним произошло. Неизбежное при этом ощущение брошенности, ненужности, одиночества и даже обмана могут

привести к депрессии или буйному разрушительному образу жизни.

В течение тех месяцев, пока шли допросы, Грэг, Анна, Питер и другие американцы, работавшие с Беленко, старались подготовить его к этому переходному периоду, откровенно объясняя, в чем его опасность. Они знакомили Виктора с различными кругами американского общества и давали ему чисто практические советы.

ЦРУ умышленно ждало, пока закончатся допросы, чтобы обсудить с Беленко его финансовые дела. Он сам не спрашивал о деньгах, да, собственно, в этот первый период они и не были ему нужны. ЦРУ убедило его, что никто здесь не видит в нем человека, чей поступок продиктован материальными интересами, жаждой наживы. Тем не менее, справедливость и национальные интересы Соединенных Штатов требовали, чтобы Беленко был достойно награжден за свой смелый поступок.

Беленко будет оставаться полезным для вооруженных сил и разведки США еще много лет. Его благополучие в Соединенных Штатах привлечет новых беглецов, всякая его неудача оттолкнет их.

Поэтому ЦРУ объяснило Беленко, что Соединенные Штаты считают себя в долгу перед ним. Учитывая, что он пожертвовал своей карьерой и положением, чтобы дать так много Соединенным Штатам, было бы несправедливо предложить ему начать новую жизнь в чужой стране без гроша в кармане. Исходя из этих соображений, ЦРУ создало для него специальный денежный фонд, достаточный, чтобы гарантировать ему материальную независимость до конца его дней.

Имея гарантированный доход, Беленко может жить где захочет, делать все, что пожелает, не заботясь о заработке. Он может поступить в университет и получить диплом по любой специальности, которая привлекала его в юности — медицине, биологии, психологии, физике. Может открыть мастерскую, чтобы применить на

деле свои способности механика. Может заинтересоваться коммерческой авиацией. Или просто удить рыбу, охотиться, читать и летать на собственном гражданском самолете.

Беленко был благодарен за предложение и за форму, в какой оно было сделано, но оно не вызвало в нем бури восторга и даже не решало ни одной из волновавших его проблем. Несмотря на то, что Виктор вышел из среды, где материальным недостаткам не было конца, деньги его заботили менее всего. До шестилетнего возраста у него не было обуви, подростком он носил одну и ту же рубашку несколько лет и не имел ни одного костюма. Все, что он приобрел после свадьбы: телевизор, холодильник и мебель — было, чтобы доставить удовольствие молодой жене. Виктор не намерен был менять свои спартанские привычки. Ему нравилась форма военно-воздушных сил и меховая куртка летчиков морской авиации США. Единственное приобретение, которое ему хотелось сделать — это купить хорошую машину.

Прежде, чем найти свое место в американской системе, он испытывал потребность узнать как эта система действует.

Они были справедливы ко мне. Но я должен найти свой собственный путь и доказать, что могу встать на ноги самостоятельно. Я приму их предложение, но это будет мой запасной парашют на случай, если я потерплю крушение. Пока что я возьму только самое необходимое для начала.

Виктор заявил, что хотел бы поработать некоторое время в сельском хозяйстве на ферме.

Прекрасно, согласились в ЦРУ. Ему помогут получить работу на ферме. Но сначала ему предстоит пройти медицинское обследование. А затем надо провести примерно месяц, чтобы усовершенствовать свой английский и начать самостоятельно ориентироваться в этой стране.

Чтобы пройти врачебное обследование, Беленко полетел с Грэггом на военно-воздушную базу в Сан-Антонио. Поскольку во время службы в военно-воздуш-

ных силах Советского Союза его чуть ли не ежедневно осматривал врач, а раз в полгода он проходил всестороннюю медицинскую проверку, он считал, что его здоровье в полном порядке.

Каково же было его удивление, когда зубной врач сказал ему, что нужно удалить целых пять зубов, а еще семь — запломбировать или надеть на них коронки. Хорошо помня, что ему пришлось вытерпеть, когда ему удаляли зуб в Рубцовске, Беленко ожесточенно спорил, доказывая, что никакой необходимости в удалении зубов нет: если бы что-нибудь было не в порядке, советские врачи, которые регулярно проверяли состояние его зубов, обнаружили бы это. Тогда дантист принес Виктору рентгеновские снимки, показал на них больные зубы и объяснил, что инфекция будет распространяться и поражать здоровые зубы. Удаление зубов оказалось совершенно безболезненным; правда, потом в течение нескольких дней он испытывал боль, но она была вполне терпимой.

Беленко все еще продолжал верить советской прессе, часто обращающейся к теме медицинского обслуживания в капиталистических странах. Он продолжал думать, что лечение в Соединенных Штатах настолько дорого, что позволить себе лечиться могут только богатые или привилегированные слои населения, а серьезная болезнь или несчастный случай означает буквально разорение. Миллионы американских рабочих семей, думал Беленко, страдают, а возможно даже погибают без медицинской помощи, потому что не могут себе позволить оплатить услуги врачей или лечение в больнице. Это давало ему основание считать, что по крайней мере в сфере здравоохранения, коммунизм, который обеспечивает бесплатную медицинскую помощь, превосходит капитализм. Он, конечно, знал, что в Советском Союзе медицинское обслуживание часто бывает скверным, никудышным. Если вы хотите, чтобы вам или кому-то из ваших близких операцию, скажем, ап-

нендицита сделал хороший хирург и в хороших условиях, вы можете договориться с врачом о частной оплате такой операции (в 1976 году удаление аппендицита стоило 100 рублей). Однако, если вы готовы ждать очереди в больницу и рискнуть, чтобы вас оперировал врач не по вашему выбору, — тогда медицинское обслуживание будет действительно бесплатным.

Попав к американским медикам, Беленко принялся задавать им вопросы. Типичная ли это американская больница? Во сколько обходится нахождение в госпитале? Доступно ли это рабочему? А пенсионеру или безработному? Сколько зарабатывает врач? Медсестра? Сколько времени приходится ждать своей очереди в больницу?

Врачи не скрывали, что медицинское обслуживание в Америке стоит очень дорого и становится с каждым годом все дороже. Растущая стоимость врачебных услуг беспокоит всех. Но в медицинской помощи не отказывают никому. Лечение и пребывание в больнице старых людей, безработных и вообще всех, у кого очень низкий доход, взяло на себя государство. За остальных по счетам врачей и больниц, платят страховые компании.

Используя свои связи, ЦРУ устроило Беленко на краткосрочные курсы при университете в одном из южных штатов, и он вместе с одним молодым офицером ЦРУ снял неподалеку квартиру. Представляясь всем как норвежец, желающий познакомиться с Соединенными Штатами, он проводил все свободное время в кругу студентов, интересуясь их повседневной жизнью.

Однажды в субботу он обошел несколько заправочных станций и авторемонтных мастерских в поисках работы механика, и в двух местах ему предложили работу на целый день. Он подсчитал, что сможет зарабатывать по крайней мере 120 долларов в неделю, совмещая работу с учебой.

Американские друзья повезли его через пол кон-

тинента на ферму, принадлежащую скромной молодой супружеской чете. Да, им нужен помощник, и они рады этому русскому и никому не расскажут, что он русский, если он захочет поработать на ферме на обычных условиях. Беленко познакомили с методами секретной связи с ЦРУ, присвоили ему условный номер и уверили, что когда бы он ни позвонил, днем и ночью, необходимая помощь придет немедленно. Грэг и Питер дали ему номера своих домашних телефонов и попросили звонить, когда ему захочется поговорить с ними. Они повторили еще раз: все его деньги хранятся в Вашингтоне, и он может брать из этого фонда любые суммы.

Беленко приехал на ферму автобусом, под вечер. Фермер Фред, его жена Мелисса и партнер Джек встретили его на крыльце большого белого фермерского дома с зелеными ставнями. Ужин уже стоял на столе. Умывшись с дороги, Виктор уселся вместе с хозяевами и их тремя детьми за большой дубовый обеденный стол, уставленный деревенской едой — здесь были ветчина, телятина, всяческие приправы и соленья, жареная кукуруза, свежая зеленая фасоль с луком и молодой картошкой, чай со льдом, печенье и персики со взбитыми сливками. Оказавшись в новой для себя обстановке, Беленко смотрел, что делают американцы, и старался следовать им.

Хозяева приняли молитвенную позу, и он тоже склонил голову. Фред произнес короткую молитву. Беленко не все понял, но одна фраза тронула его: „Благослови этот дом, нашу семью и того, кто сегодня с нами“. Мысленно он перенесся в далекое прошлое, когда холодным пасмурным днем отец привез его в совсем другую сельскую местность — в сибирский колхоз. Убогая лачуга, где ему давали молоко и хлеб, и эта огромная, дышащая изобилием американская ферма отличались друг от друга, как небо и земля.

Наутро Фред повел его смотреть оборудование — трактор, комбайн, сеялку, сенокосилку, машины для

поливки, электродоилки... В хозяйстве были еще две легковые машины, большой грузовик и, наконец, к великому удивлению Беленко, самолет.

— Зачем вам самолет?

— О, я служил в военно-воздушных силах. Стрелок, не летчик. Но мне достался этот самолет, и я не хочу с ним расставаться. Полезная вещь. На нем за пятнадцать-двадцать минут можно облететь всю ферму. В основном я его и держу потому, что люблю летать.

— Я вас понимаю.

— Вы летали? Пилотировали самолет?

— Да, много раз.

— Чудесно! Хотите полететь со мной в воскресенье?

— Очень хочу.

Скоро Беленко увидел, что кроме механизации существуют еще два важных фактора, позволяющие Фреду, его жене, детям, Джеку и одному наемному рабочему обрабатывать несколько сот акров земли, держать много скота и птицы. Фред и Джек знали в сельском хозяйстве буквально все — агрономию, ветеринарию, мелиорацию. В течение почти двадцати лет они проводили метеорологические наблюдения и теперь могли с уверенностью предсказывать погоду. Они могли отремонтировать при необходимости весь инвентарь и машины на ферме. Мелисса вела бухгалтерию и занималась сбытом. Работали каждый день помногу, тяжело, но старательно и с увлечением — с восхода солнца до захода, отдыхая лишь по воскресеньям и иногда в субботу с полудня.

В воскресенье днем Фред с Виктором взлетели на самолете с травяной лужайки, поднялись на тысячу футов в безоблачное небо и описали прямоугольник над границами фермы. Затем Фред забрался на высоту в 8 тысяч футов, покружил над соседними фермами и облетел два небольших соседних городка.

— Хотите сами повести самолет?

Беленко кивнул. Он уже летал на таких самолетах

в Вирджинии, знал их возможности и, накренив маленькую машину, развернул ее сначала на 180 градусов влево, затем на 180 — вправо, предварительно убедившись, что поблизости нет других самолетов.

— Да вы настоящий летчик! — воскликнул Фред.

— Вы не возражаете против фигур высшего пилотажа?

— Давайте. Только не забудьте, что у нас нет парашютов.

Виктор бросил самолет вверх, перешел в пике, сделал мертвую петлю. Потом он выполнил „свечку”, переворот через крыло, делал все, что можно было выжать из этого самолетика. Вначале Фред кричал и смеялся от удовольствия, как мальчишка. Но скоро он умолк, и видя, что он побледнел, Беленко стал снижаться.

— Извините. Я глупо вел себя, увлекся...

— Да нет, все в порядке.

Фред не произнес больше ни слова, пока они не вышли из самолета, и Беленко был уверен, что рассердил его.

— Мне кажется, вы сами еще не сознаете, что раскрыли мне глаза. Вы летчик с того МИГ-25, правда?

Беленко молчал, ошарашенный.

— Не волнуйтесь, я никому не скажу. Мы увидели, что вы умеете работать. Вы хороший сельскохозяйственный рабочий. Мы хотели бы, чтобы вы остались у нас. Я вам скажу вот что. Пока я жив, у вас всегда будет дом на этой ферме, и вы можете жить у нас, сколько захотите.

Изо дня в день Беленко пахал землю, сеял, копал оросительные каналы, кормил коров и свиней, помогал строить новый амбар и ремонтировать машины. За это он получал 400 долларов в месяц, был обеспечен полным медицинским обслуживанием, квартирой с кухней и ванной, питанием за фермерским столом и любыми продуктами, если предпочтет готовить сам. Мог брать автомобиль фермера, если хотел куда-то поехать

вечером или в свободный от работы день. Обо всем этом они условились, когда он нанимался на ферму.

Фред, кроме того, позволил Беленко летать на его самолете по субботам и воскресеньям. Беленко решил, что даже если он начнет как неимущий сельскохозяйственный рабочий, не прибегая к денежному фонду, который предоставило ЦРУ, он в конце концов сможет стать профессиональным пилотом гражданской авиации. Положив как-то перед собой лист бумаги, он набросал программу действий, которую назвал „Как стать пилотом Боинга-747 — мой план”.

Он подсчитал, что за три года он легко может накопить при своей зарплате сельскохозяйственного рабочего 12 тысяч долларов, а этого с избытком хватит, чтобы оплатить не только 40 часов полетов с инструктором, необходимых для получения права летать на частном самолете, но и 160 часов, требуемых для сдачи экзамена пилота коммерческой авиации. Тогда он сможет получить работу в какой-нибудь компании, занятой грузовыми авиаперевозками, завоевать репутацию умелого надежного пилота и подготовиться к экзаменам в гражданской авиации. Здесь для него откроется путь от небольшого лайнера к гигантскому Боингу-747.

Когда пришло время собирать урожай, Фред нанял временных рабочих, с ближайших ферм пришли комбайны, и в течение трех дней 400 акров высокой зеленой кукурузы превратились в ровный скошенный луг.

Вечером, когда работа прекращалась, они сидели на крыльце и пили холодный сидр. Он напоминал Виктору домашнее вино, которым колхозники угощали курсантов авиашколы и студентов, отправленных под Армавир на уборку урожая. Человек склонен забывать плохое, и Беленко забыл о тоннах гниющих яблок, не довезенных до складов и магазинов, о системе, которая заставляла бросать горожан то на прополку, то на сенокос, то на уборку.

Какое это было хорошее время! Красивые девушки, свежие

фрукты, колхозники к нам хорошо относились... Я хотел бы снова побывать в Армавире — хоть на один день, слышать вокруг себя только русскую речь...

Ему приснился страшный сон. Воронцов улыбался, подзывал к себе и тянул Виктора из комнаты. Тянул за цепь, обвязанную вокруг груди Беленко. „Пришло время, Виктор Иванович, вернуться домой! Пошли со мной, Виктор Иванович“. Беленко проснулся. Кажется, он кричал во сне: „Нет! Нет!“

Беленко пришел к заключению, что на ферме ему больше узнавать нечего. Кроме того, он убедился в ошибочности своих рассуждений насчет получения прав пилота. Работая на ферме, никогда их не получишь. Чтобы летать на коммерческих самолетах, и хотя бы для того, чтобы узнать Америку как следует, прежде всего нужно основательно изучить английский. А ему еще далеко до этого. Поэтому когда ЦРУ вызвало его в Вашингтон, чтобы с его помощью выяснить новые вопросы, относящиеся к советской авиационной технике, он решил совсем оставить ферму, поселиться в городе и целиком отдаться изучению английского.

По списку, который дал ему Питер, Виктор выбрал институт, специализирующийся в обучении иностранных студентов английскому. Прежде чем попрощаться с Беленко, Питер посоветовал ему купить машину и повез его к дилерам.

В этой стране купить машину так же легко, как буханку хлеба! Каждый хочет продать мне машину. Их не беспокоит, могу ли я заплатить сейчас сразу. Они согласны получить аванс — несколько сот долларов — и вы получаете автомобиль! Как они могут так доверять людям?

Мчась в своей новой машине на Юг по многорядной скоростной дороге, Беленко испытывал особое чувство свободы, переходящее даже в некоторую растерянность.

Все это говорили мне Питер и Анна. Вам не требуется ни у кого спрашивать разрешения ехать куда хотите. Имея машину

и дорожную карту, вы можете ехать днем и ночью, и всюду найдете еду и бензин. Как могут они позволить людям так свободно разъезжать по всей стране и ездить туда-назад через границу?

Студенты института, куда поступил Беленко, съехались сюда из Азии, с Ближнего Востока, из Латинской Америки. Большинство относилось к учебе со всей старательностью; инструкторы постоянно твердили, что ключ к овладению английским — в напряженном труде. Студенты должны были восемь часов ежедневно практиковаться в английском, часто писали контрольные работы, а по вечерам готовили домашние задания. По мере того, как Беленко овладевал языком, росло его желание читать. Он приносил из библиотеки домой буквально охапки книг. Начал он с Орвелла, Кестлера и Джиласа, — эти авторы позволили ему до конца разобраться в сущности советского коммунизма.

Беленко решил снять дешевую квартиру в рабочем районе. Та, в которой он поселился, хотя и не очень просторная, была, с его точки зрения, прекрасной. Все в ней оказалось в исправности — кондиционер воздуха, плита, водопровод и канализация, мусоропровод. Беседуя и иногда попивая пиво с соседями, он узнал, что эти простые рабочие не только могут позволить себе снимать квартиру, как и он, за двести долларов в месяц, но и планируют в ближайшее время купить собственные дома. От них Беленко узнал также о порядках в американских профсоюзах, о коллективных договорах, забастовках, — и все это буквально потрясло его.

Советская печать изображала американские профсоюзы сомнительными организациями, послушными „капиталистам и продажным политикам”, которые могли с помощью этих профсоюзов контролировать и держать в подчинении рабочих. Забастовки толковались как акт отчаяния, а не как одна из форм нормального рабочего движения. При этом считалось само собой разумеющимся, что на забастовщиков свирепо

обрушивается полиция. Как все это было далеко от подлинной действительности!

У Виктора сложились хорошие отношения с сокурсниками. Но близких друзей среди них у него не было. За исключением одной студентки.

Мария была настоящей южной красавицей с длинными черными волосами и темными глазами. У нее были полные губы, оливковый цвет кожи, она носила яркие платья. Существование этой девушки незаметно украсило его жизнь, и временами ему даже казалось, что библиотекаря, которая когда-то была так добра к нему, диковатому сибирскому мальчику, внешне была похожа на Марию.

Во время одной из студенческих дискуссий молодой иранец, владелец дорогого „мерседеса“, назвал американское общество „синтетическим“ и погрязшим в материальных интересах. В доказательство он привел кока-колу, неоновые рекламы и мусор, выбрасываемый на ходу из машин и валяющийся вдоль скоростных автомагистралей. Беленко горячо возражал ему: „Какое общество привело человечество в атомный век? Какое общество смогло высадить человека на Луну и доставить обратно на Землю? Если бы мы находились в вашей стране, Иране, нам бы, наверное, несдобровать после первой же критической фразы о ней и о ее правительстве, неправда ли? И потом, если это американское общество такое ужасное, почему мы все приехали сюда, чтобы учиться? Почему выбрали эту, а не какую-нибудь другую страну?“

Когда он шел после занятий к своей машине, Мария окликнула его. „Я согласна с тем, что вы сказали. Вы так хорошо, так убедительно говорили!“ Завязался разговор. Они стояли вдвоем и разговаривали час, пока Беленко не опомнился. Он предложил пообедать вдвоем.

Мария попросила официанта принести ром и кока-колу. „Если бы иранец знал, как приятна такая смесь, он бы не ругал Америку“.

Отвечая на вопросы Виктора, Мария много рассказывала о себе. Ее родители владеют плантацией в Южной Америке, но она решила не оставаться дома, в сельской местности, а поступить в университет и научиться чему-нибудь действительно стоящему. Единственная практическая возможность для женщин в Латинской Америке — это преподавание или медицина, поэтому она решила стать учительницей. Может быть, она вернется все же домой: в той местности учителей не хватает. Здесь она занялась организацией помощи умственно отсталым детям, которым до сих пор уделяют, по ее мнению, недостаточно внимания.

В соответствии с обычаями и традициями ее социального слоя, родители нашли ей жениха в семье соседей-плантаторов. Несмотря на то, что она едва с ним знакома и не дала еще согласие, трудно рассчитывать, что ей удастся долго пробыть здесь, в Соединенных Штатах: старики-родители торопят ее с возвращением и замужеством.

Ей кажется, что Соединенные Штаты являются бесклассовым обществом, по крайней мере она встречается и дружит с американцами независимо от их социальной принадлежности или материального положения. Возможности, открывающиеся здесь человеку, беспредельны, и лично ей хотелось бы тут остаться. Но она себя знает, всю жизнь она испытывала бы угрызения совести, если бы не вернулась в ближайшее время на родину.

Он пригласил ее танцевать, и она ласково прильнула к нему. Когда он подвез ее к дому, они попрощались, пожав друг другу руки. Лежа без сна, он вспоминал, как они танцевали, снова и снова думал о ней.

Она такая красивая и хорошая. Она знает жизнь, умеет отличить бесполезное от необходимого. Мы мыслим одинаково. Она понимает меня с полуслова. Я всегда мечтал о такой. Но она возвращается домой через несколько месяцев, а я не смогу поехать за ней. И не смею просить ее остаться со мной и пожертвовать интересами ее соотечественников и близких. Я не знаю,

что со мной будет. Я не могу даже признаться ей, кто я. Видимо, я должен перестать встречаться с ней. Ни к чему хорошему это не приведет.

С тех пор он лишь здоровался с нею, встречая в институте, пока случай снова не сблизил их. Класс собирал деньги, чтобы купить подарок преподавателю, и поручил сделать это Марии и Виктору. Воскресным утром они отправились в торговый центр. Подарок был выбран. Пришло время расстаться. Но Беленко хотелось побыть с ней подольше, и, забыв о своем решении прекратить встречи, Беленко пригласил ее на ленч. Так легко было с нею, что хотелось говорить о самом сокровенном.

— Я верю, что существование человека должно быть посвящено высокой цели. Недостаточно просто жить, зарабатывать на жизнь, покупать все необходимое для безбедного существования. Я не знаю, какова цель жизни. Но, наверное, каждый человек должен сам найти ее...

— Вы верите в Бога?

— Не знаю. Наверное, что-то должно быть над человеком. Но я не знаю, что. А вы?

— А я хочу знать. Я хожу в церковь с детства. Иногда музыка и торжественность церковной службы подсказывают мне, что кто-то должен быть над нами. Но когда я вижу, как порой поступает сама же Церковь, я начинаю сомневаться. Знаете, Бог — это любовь. Наверное, в этом и высшая цель. Любить кого-то и быть любимой. Как вы думаете?

Тема показалась Виктору опасной, он не знал, как продолжать разговор, и предложил вернуться в институт.

— Хорошо. Но вы должны мне кое-что пообещать. На этой неделе я приглашена в дом друзей моих родителей. Они живут в сорока милях отсюда. Обещайте, что вы поедете со мной.

Испанская семья тепло приняла их. Хозяин и хозяй-

ка очень заинтересовались русским. Согласно легенде, подготовленной для Виктора ЦРУ, он сказал в институте, что он — русский невозвращенец, покинувший советскую торговую миссию в Скандинавии, где занимал незначительную должность.

Беленко думал, что они проведут в гостях весь день, но после обильного ленча Мария поблагодарила хозяев и сказала, что они должны ехать, чтобы успеть подготовиться к экзамену, предстоящему завтра.

— Зачем вы так сказали? Какой экзамен?

— Я хотела остаться с вами вдвоем.

— Мы не должны больше видеться друг с другом. Вы ведь уезжаете на будущей неделе, правда?

— Вот почему я хочу быть с вами. Могу я сказать вам...

— Конечно, все что хотите.

— И вы не будете смеяться надо мной?

— Не буду.

— Я вас люблю.

...

— Так я чувствую. У меня никогда не было такого чувства. Когда я с вами или вижу вас или думаю о вас, я чувствую себя счастливой. Я не знаю, где вы были раньше и кем вы были. Но я вас знаю, Виктор.

— Мы только причиним боль друг другу. Пройдет несколько дней — нам придется расстаться, чтобы больше никогда не увидеть друг друга.

— Я вам нравлюсь?

— Я люблю тебя.

В пятницу к вечеру он повез ее через весь штат к аэропорту, зная, что наутро она должна будет навсегда исчезнуть из его жизни. Они обсудили все разумно, мужественно, логично.

Настоящая любовь не может возникнуть вдруг, неожиданно, так бывает только в кино. Она возникает постепенно из общих интересов, опыта, трудностей. Слишком короткое время они знают друг друга, чтобы

быть уверенными в своих чувствах. Их прошлое, их совершенно разное воспитание, привычки, взгляды — все это не может не сказаться в будущем, какие бы чувства друг к другу ни испытывали они сегодня. Ко всему Мария не может отказаться от обязательств по отношению к родителям, своему народу и стране. Никогда ее совесть не будет спокойна, если она не вернется. А он — по причинам, которые он не мог объяснить ей — не может жить в Южной Америке. Будут ли они переписываться, звонить друг другу? Нет, это ни к чему. Ведь они никогда не смогут быть вместе. Им остается благодарить судьбу за то, что она позволила им встретиться, и не мечтать о большем.

Когда Беленко внес ее вещи в номер гостиницы аэропорта, где она должна была провести ночь перед полетом, напускное спокойствие оставило Марию. Она заплакала безутешно, как будто прощалась с жизнью. „Виктор, останься со мной до утра”.

Утром она улетела. Учиться в институте он больше не мог. Преподаватели решили, что он переутомился, и порекомендовали взять отпуск. Было бы неплохо поехать по стране, практикуясь в английском, — такой совет они ему дали.

Он помчался в Вашингтон, три раза был оштрафован на пути туда за превышение скорости и, наконец, добрался до дома, где жил Питер. В этом доме, как Виктор заметил уже раньше, придерживались четкого режима, точно на авианосце. Еще бы — в семье было восемь человек детей, и жене Питера приходилось чаще всего управляться с ними в одиночку, потому что Питер часто отлучался по делам службы.

— Питер, у меня есть одна идея. Вы засылаете меня в Советский Союз как агента. Сбросьте меня на Дальнем Востоке, я покажу вам, где. Вы думаете, что очень трудно быть агентом в этой стране? Но я там свой, и мне легко будет выполнить любое задание. Вы, американцы, никогда не поймете, что в этой стране все и всех можно купить. Судья? Двести рублей. Директор пред-

приятия - пятьсот. Офицер - пятьдесят. Но то, что нам нужно, даже не придется покупать. Я могу доставить вам МИГ-23 и Бакфайр (новый советский бомбардировщик) даром. Мои друзья приведут их, куда я скажу. Давайте! Засылайте меня! Покажем им!

— Что с вами случилось, Виктор?

— То есть?

— Ваша идея мне совсем не нравится. Даже если бы вы смогли все это сделать, вы для нас представляете гораздо большую ценность здесь. Мне кажется, что с вами что-то стряслось. Я ваш друг. Что произошло?

Взрослому мужчине полагается справляться с житейскими трудностями без посторонней помощи. Но на этот раз Беленко погрешил против такого сурового принципа. Он рассказал, что в институте ему посоветовали взять отпуск и попутешествовать, кратко упомянул о Марии и признался, что очень переживает потерю.

— Вы любите ее?

— Да.

— Хотели бы, чтобы мы помогли вам найти ее?

— Нет, это не имеет смысла.

— Ладно, но вы бы все же показали врачу. Такое сильное потрясение, наверно, не может пройти бесследно.

Врачи, от которых он скрыл свое душевное состояние, нашли его абсолютно здоровым, и он отправился в поездку по стране, чтобы делать новые открытия, поскорее забыть недавнее прошлое и прийти в себя.

Он решил побывать в маленьких городках, затерянных где-то в стороне от магистральных дорог и промышленных центров. Экономя каждый доллар, он выискивал самые дешевые кафе и гостиницы, хотя крупная сумма лежала на его счете в Вашингтоне и проценты росли с каждым месяцем.

Многие американцы предпочитают жить в маленьких городках или в деревнях. Почему? Потому что во многих отношениях жизнь в них легче и лучше. Никому отсюда не приходится ездить в крупный город, чтобы купить продукты, одежду или какие-

нибуть мелочи по хозяйству. Правительство не снабжает здесь в первую очередь столицы, затем областные центры, с тем, чтобы то, что осталось, — жалкие крохи, — милостиво отдать деревне.

И еще: где здесь преступники? Где заборы? Ведь в Рубцовске, Омске или Сальске, если вы не поставите вокруг своего дома высокий глухой забор да не заведете собаку, уголовники ограбят вас до нитки. Американцы жалуются на преступность. Они не знают, что такое преступность! Вот когда с их жен и дочерей на улице среди бела дня, угрожая ножом, начнут стаскивать пальто, чтобы тут же продать, — тогда они поймут.

В Канзас-Сити Беленко попал на фермерский базар. Никогда еще ему не приходилось видеть такого огромного количества продуктов и таких дешевых.

Да, эта система блестяще оправдывает себя. Она в состоянии произвести продукты для десяти, двадцати стран, если понадобится. Если кто-то голоден в этой стране, так только закоренелые бездельники.

С базара он пошел в запущенную часть города, и здесь наконец натолкнулся на хорошо знакомое по Советскому Союзу место — убогий загаженный бар, заполненный немывыми, опустившимися людьми, пробавлявшимися дешевым ржаным виски и пивом. Ну, таких он хорошо знает, из года в год приходилось таких видеть.

Потягивая вино, он расспрашивал бармена. Где эти люди работают? Как они умудряются уходить с работы во время рабочего дня? Сколько они зарабатывают? Бармен, справившись с удивлением, ответил: они не работают, да и не стремятся найти работу. Он рассказал о пособиях по безработице, велфэре и продовольственных купонах. Это выглядит скромно, однако люди годами могут не работать — и в то же время отнюдь не голодать.

... Видные вдалеке горы и свежий холодный воздух Колорадо напомнили Виктору о Кавказе, а крытый каток — о том времени, когда он катался в Рубцовске и Омске, и Наташа неслась к нему на коньках, мasha рукой.

Я хотел бы увидеть ее, да и всех моих друзей, хоть на один день. Кататься в парке, пойти в лес, заглянуть на производство...

Великолепие американского Запада, пейзажи национальных парков начисто опровергли утверждение советской пропаганды, будто капитализм варварски эксплуатирует природные богатства, превращает землю в пустыню. Виктору как-то довелось провести ночь в деревянном городке, протянувшемся вдоль чистой реки среди гор. Здешний климат, растительность и даже расстояния напоминали Сибирь. Он тосковал по Сибири...

Милях в сорока от Сан-Франциско начали появляться рекламы гостиниц, ночных клубов и ресторанов города. Он остановился в мотеле, владельцем которого оказался эмигрант из Индии. Номер был чистый, светлый, в углу стоял большой цветной телевизор. Вечером Виктор приехал на такси в центр Сан-Франциско и попал в район ночных клубов и магазинов порнографии. Он купил еду с тележки на улице и почувствовал себя в человеческом зоопарке, однако жареная рыба и картофель с салатом, за которые он заплатил всего доллар пятьдесят показались вкусными.

Две проститутки — одна белая, другая черная — старались затащить его в бордель. „За тридцать долларов ты получишь все удовольствия”.

- Что вы имеете в виду?

- Не прикидывайся. Хорошо знаешь сам. За тридцать долларов получишь нас обеих.

Он вернулся в свой номер рано. Стал переключать телевизор с одного канала на другой, пока не увидел что-то знакомое. Шел телефильм „Анна Каренина” в постановке англичан.

В придорожном кафе близ города Одесса, в штате Техас, еду подавала южноамериканка. Она не была так красива, как Мария, но ее улыбка и манеры все же напоминали Марию. Виктор поспешно проглотил еду и бросился в машину. Он пересек огромный штат мень-

ше чем за двадцать четыре часа. С самоубийственной скоростью он спешил к институту.

Снова он проезжал по тем местам, где они были вместе с Марией. Остановил машину там, где она говорила с ним, возвращаясь из поездки к друзьям своих родителей. И тут его охватило странное полубредовое состояние. Это было нереально, бессмысленно. Виктор хотел — и не мог — убежать от себя, от нее, от Америки, необычность которой делала ее для Виктора буквально чужой планетой, полноценным жителем которой он никогда не сможет быть.

Безотчетное стремление бежать на родину охватило его, и он не в силах был ему сопротивляться. Он жаждал почувствовать своей кожей грязь улицы, на которой вырос, дышать вонью забегаловок, снова войти в холодную избу, слышать русскую речь, оказаться на земле своих предков, в стране, где родился и вырос.

Разве они не сказали, что все, что мне нужно сделать, — это позвонить, и в двадцать четыре часа я буду в Москве? Разве не лично Брежнев обещал, что меня не накажут? Разве не лучше я буду защищать интересы соотечественников, живя среди них? Разве это не высший долг — быть среди своего народа, как Мария? Я это сделаю. Я вернусь.

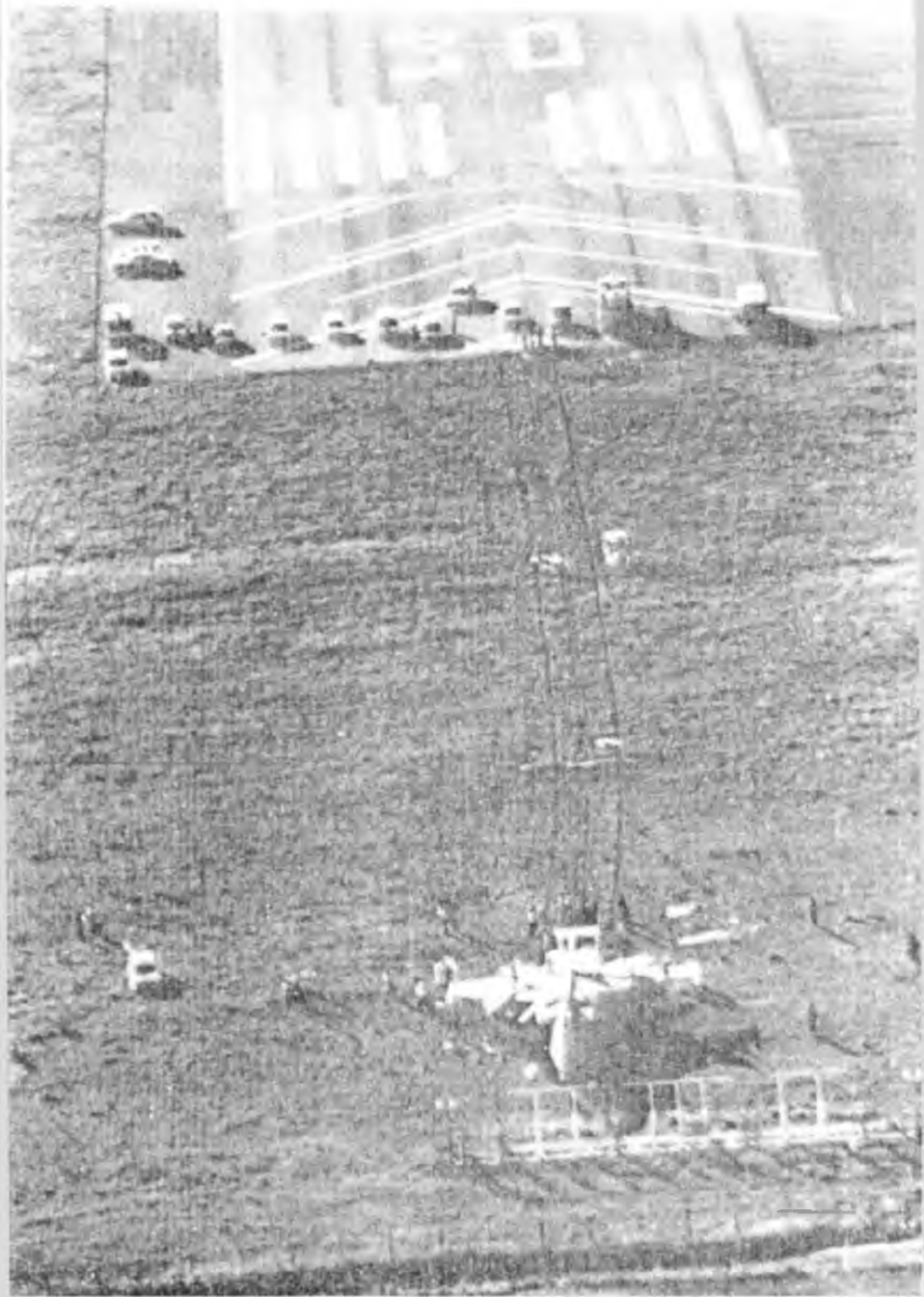
Опомнился он уже за Ричмондом, глубокой ночью. Еще час-другой пути — и он подъехал бы к воротам советского посольства в Вашингтоне.

Вспомни, почему ты бежал. Разве обстоятельства, толкнувшие тебя на побег, изменились? Как же ты можешь вернуться, даже если тебя не накажут? Наконец, как можно хоть на минуту поверить, что тебя встретят словами: „Добро пожаловать, товарищ!“

Я вижу у вас неприятности, — сказал Питер, сорванный с постели в четыре часа утра. — Я должен был догадаться об этом еще в прошлом месяце, когда вы развивали передо мной дикую идею — пробраться в Советский Союз американским агентом. Но вы тогда справились со своей ностальгией, справились и сегод-

ня. Это было тяжелое испытание. Но так вырабатывается иммунитет. Настанет день — и вы увидите, что вам по-настоящему дорога Америка, дорога как родина.

Такой день пришел. Сверкающим летним утром Беленко поднял самолет над дельтой Потомака и взмыл высоко в небо над Чезапикским заливом. Он впервые почувствовал всем сердцем: кризис преодолен, он у себя дома, он в своей стране.

Снимок сделан 6 сентября 1976 года сразу же после исторического приземления сверхсекретного МИГа-25 на японском аэродроме.

Накрывшись курткой от назойливых корреспондентов, В. Беленко покидает военную базу в сопровождении японских чиновников.

**Японские техники заботливо покрывают брезентом
„неожиданный подарок“.**

**Первый осторожный осмотр МИГа-25. Специалисты предполагали
вначале, что самолет заминирован.**

**В сопровождении японского офицера безопасности
Виктор Беленко на пути в Токийский аэропорт.**

**Вокруг самолета был возведен специальный забор, скрывающий
МИГ-25 от посторонних и „любопытных“ советских журналистов.**

Первые шаги по американской земле. В Лос-Анжелесском аэропорту ничего не понимающие фотокорреспонденты в раздражении кричали: „Эй, кто из вас советский пилот?“

Последняя модель истребителя-перехватчика МИГ-25, находящаяся на вооружении советских военно-воздушных сил.

Корпус МИГа со снятыми крыльями во время погрузки в американский военно-транспортный самолет С-5А.

12 ноября 1976 года — через 67 дней после приземления в Японии — разобранный МИГ был погружен на советское грузовое судно и отправлен домой.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1.</i>	ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ	5
<i>Глава 2.</i>	ПУТЬ В ЛЮДИ	22
<i>Глава 3.</i>	ПЕРВЫЙ ШАГ К СВОБОДЕ	52
<i>Глава 4.</i>	В ЯПОНСКОЙ ТЮРЬМЕ	85
<i>Глава 5.</i>	ВОЙНА НЕРВОВ	100
<i>Глава 6.</i>	В АМЕРИКЕ	116
<i>Глава 7.</i>	РАЗВОРАЧИВАЯ НЕЖДАННЫЙ ПОДАРОК	136
<i>Глава 8.</i>	ДРУГАЯ ЖИЗНЬ	146